

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Каландаришвили Х.А., Иванов В.В., Днепровская М.А.</i> Преюдициальное значение решений в Российском уголовном судопроизводстве.....	5
<i>Абрамовский А.А.</i> Методологические основы профайлинга	16
<i>Тагиров Р.А.</i> Криминалистическая характеристика организованных преступных групп, совершающих мошенничество в сфере кредитования	25

3

История. Исторические науки

<i>Денисов С.А.</i> Вооружение прусских ленников в государстве Тевтонского ордена во второй половине XIII – XIV веке (по данным письменных источников).....	35
<i>Дементьев И.О.</i> Константин Скрябин в Кёнигсберге: забытые страницы биографии	49
<i>Курганский А.А.</i> Игнатий Падеревский о границах и внешнеполитической ориентации независимой Польши (1914 – 1921)	60
<i>Филёв М.В.</i> О мотивации труда колхозников Калининградской области в последние годы сталинизма (1946 – 1956)	72

Общество и политика

<i>Максимов И.П.</i> Эволюция партии «Альтернатива для Германии» в 2017 – 2021 годах.....	83
<i>Рачинская-Спивакова Ю.О.</i> Сферы эффективного взаимодействия АСЕАН с гражданским обществом Юго-Восточной Азии	91
<i>Фидря Е.С., Данилин А.Н., Куликов С.Ю., Кришталь М.И.</i> Принципы автоматической системы извлечения и классификации комментариев в социальных сетях на основе трехфакторной коммуникационной модели	99

Рецензии

Рец. на книгу: Żęgota K. Obwód kaliningradzki Federacji Rosyjskiej a bezpieczeństwo międzynarodowe Europy Środkowo-Wschodniej. Między geopolityką a konstruktywizmem (<i>И.Н. Тарасов</i>)	111
--	-----

CONTENTS

State and law

<i>Kalandarishvili K.A., Ivanov V.V., Dneprovskaya M.A.</i> The prejudicial significance of decisions in Russian judicial proceedings	5
<i>Abramovskiy A.A.</i> Methodology of profiling	16
<i>Tagirov R.A.</i> Criminalistic characteristics of organized credit fraudster groups .	25

History. Historical sciences

<i>Denisov S.A.</i> Equipment of Prussian lieges in the State of Teutonic Order in the second half of the XIII th – XIV centuries (on written sources).....	35
<i>Dementev I.O.</i> Konstantin Skryabin in Königsberg: forgotten pages of the biography	49
<i>Kurganskiy A.A.</i> Ignacy Paderewski on the borders and foreign policy of independent Poland (1914 – 1921).....	60
<i>Filev M.V.</i> On the motivation of collective farmers in the last years of Stalinism (1946 – 1956)	72

Society and politics

<i>Maksimov I.P.</i> Evolution of «Alternative for Germany» in 2017 – 2021	83
<i>Rachinskaya-Spivakova Y.O.</i> Areas of effective cooperation between ASEAN and civil society in South-East Asia	91
<i>Fidrya E.S., Danilin A.N., Koulikov S.Y., Krishtal M.</i> Development of the automatic system based on the three-factor communication model for the extraction and classification of the comments in social media	99

Reviews

Rev.: Żęgota K. Obwód kaliningradzki Federacji Rosyjskiej a bezpieczeństwo międzynarodowe Europy Środkowo-Wschodniej. Między geopolityką a konstruktywizmem (<i>I.N. Tarasov</i>).....	111
--	-----

УДК 343.1

Х. А. Каландаришвили, В. В. Иванов, М. А. Днепровская

**ПРЕЮДИЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Поступила в редакцию 10.07.2021 г.

Рецензия от 20.07.2021 г.

5

Преюдиция представляет собой один из наиболее проблематичных процессуальных институтов, воплощая тезис о незыблемости фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом. Вместе с тем вопрос о межотраслевом характере преюдиции является сравнительно новым для отечественной науки и требует пристального исследования с учетом специфики различных отраслей судопроизводства. Особое значение этот вопрос приобретает в уголовном процессе, где приговор может строиться на выводах судов, сделанных в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Цель исследования состоит в анализе существующих в научной литературе точек зрения по вопросу о возможности реализации межотраслевого характера преюдиции в современном российском уголовном судопроизводстве и пределах ее действия. Также рассматривается правоприменительная практика. При написании работы использованы сравнительный, аналитический и исторический методы исследования. Сформулирован авторский подход к решению вопроса о возможности и необходимости учета судебных решений, принятых в рамках гражданского арбитражного и административного судопроизводства, как межотраслевой преюдиции при производстве по уголовным делам. Показаны плюсы и минусы межотраслевой преюдиции в уголовном процессе. Обращено внимание на особенности применения института межотраслевой преюдиции по делам об экономических преступлениях. Сделан вывод о необходимости руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о возможности и целесообразности, а также порядке использования в доказывании фактов, установленных вступившим в законную силу решением суда.

Prejudice is one of the most problematic procedural institutions. It substantiates the inviolability of the facts established by a judicial act that has entered into legal force. At the same time, the issue of the intersectoral nature of prejudice is relatively new for domestic science and requires close research, taking into account the specifics of various branches of legal proceedings. This issue is of particular importance in criminal proceedings, where the verdict can be based on the conclusions of the courts made in civil, arbitration or administrative proceedings.

This study focuses on the existing points of view in the academic papers, as well as in the law enforcement practice on application of the intersectoral nature of prejudice in the modern Russian criminal process and its limits.

Comparative, analytical and historical research methods were used in the research. The author formulated the approach to solving the issue of the possibility and necessity of taking into account court decisions taken in the framework of civil and arbitration proceedings as an intersectoral prejudice in criminal proceedings. Intersectoral prejudice in criminal proceedings has its pros and cons. The institute of intersectoral prejudice in cases of economic crimes is rather special to apply and it is studied in the paper. The author considers the need for guiding clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of the possibility and feasibility, as well as the procedure for using in proving the facts established by a court decision that has entered into legal force.

Ключевые слова: судопроизводство, преюдиция, приговор, решение суда, суд, оценка доказательств

Keywords: legal procedure, prejudice, verdict, court decision, court, evidence justification

В литературе не сложилось однозначного отношения к современной формуле преюдиции (ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Так, по мнению В. С. Балакшина, изменения 2009 г. имели положительный эффект, сделав норму права четче и понятнее, чем раньше [3, с. 110]. Другие авторы активно критикуют современный вид преюдиции и считают подобное сочетание (межотраслевая и неопровержимая) неудачным, поскольку на практике это приводит к ситуации, в рамках которой зачастую невозможно достичь установленных ст. 6 УПК РФ целей уголовного судопроизводства [2, с. 5].

Представляется, что в основе спора о характере преюдиции лежит проблема, в равной мере не решенная ни в теории доказывания, ни в правоприменительном процессе. Так, с одной стороны, решение суда независимо от процедуры, в рамках которой оно вынесено, обладает всеми необходимыми характеристиками (законность, обоснованность, мотивированность). И недопустимо ставить под сомнение как решение в целом, так и отдельные факты, установленные этим решением. Дополнительным аргументом, подтверждающим этот тезис, является единство статуса судей независимо от характера рассматриваемых дел и процедуры рассмотрения (вида судопроизводства). С другой стороны, разные авторы регулярно подчеркивают разность подходов к доказыванию в рамках различных видов судопроизводства, различную степень гарантий прав участников судебного разбирательства (наиболее отчетливо это можно наблюдать при сопоставлении уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях), различные полномочия суда в разных видах судопроизводства, несовпадение возможностей сторон при участии в доказывании и т. д. [6; 16, с. 6].

В частности, в науке уголовно-процессуального права не раз обсуждалась проблема преюдициального значения обстоятельств, установленных решением одного суда, для дела, рассматриваемого другим судом, то есть проблема соотношения свободы судейского усмотрения

и свободы оценки доказательств с неопровержимостью межотраслевой преюдиции. Закрепленная в действующем законодательстве формулировка преюдиции говорит о том, что суд отступает от общих правил доказывания и, оперируя целым рядом фактов в описательно-мотивировочной части выносимого им решения, не проводит их проверку и оценку, не имеет возможности отнестись к ним критически, поскольку обязан их принимать без каких-либо оговорок и опираться на них при вынесении решения.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: нет ли противоречия в одновременном параллельном существовании в законе института межотраслевой преюдиции и принципа свободы оценки доказательств? Общеизвестно, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Этот тезис прямо закреплен в ст. 17 УПК РФ и всеми студентами юридических факультетов изучается как один из основополагающих принципов уголовного процесса. А существование межотраслевой преюдиции позволяет поставить под сомнение незыблемость этого тезиса. В этой связи И. Я. Фойницкий писал: «Но что же понимает закон под свободной оценкой доказательств, им насаждаемую?.. [Закон] предполагает знание дела путем изучения его по объективным данным, в самом деле заключающимся. Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением» [18, с. 191].

Действительно, проблема существует и требует своего исследования и разрешения. Не является ли существование института преюдиции вообще и межотраслевой преюдиции в частности отступлением от основополагающих начал уголовного судопроизводства? Можно ли рассматривать ее как способ ограничения независимости суда и процессуальной самостоятельности иных органов и лиц, ведущих производство по делу? Ведь лица, участвующие в доказывании по уголовному делу, отвечают за установление всех юридически значимых обстоятельств произошедшего события и должны установить каждое из них с помощью собранных по делу доказательств. В то же время необходимость уважения судебной власти и исполнения вступивших в законную силу решений суда не позволяет нам ставить под сомнение установленные таким решением факты.

Изложенное свидетельствует о существовании серьезного противоречия. Либо уполномоченные государственные органы и должностные лица должны самостоятельно, руководствуясь внутренним убеждением и положениями закона, оценить истинность полученного знания, либо им надлежит принять значение ряда имеющих значение для дела фактов, поскольку преюдиция — это не что иное, как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу» [4, с. 544].

Дискуссия о превалировании одного положения закона над другим нередко возникала на страницах печати. Исследователи зачастую занимали диаметрально противоположные позиции: предпочтение отда-

валось либо внутреннему убеждению, либо преюдиции. Так, например, Я.О. Мотовиловкер полагал, что подобное противоречие нельзя решить в пользу преюдиции [12, с. 117].

Рассматривая преюдицию, закрепленную в ст. 28 УПК РСФСР 1960 г., Г.Я. Борисевич писал: «Данная норма соответствовала убеждениям практических работников в том, что в определенных случаях (обоснованных сомнениях в истинности судебного решения) преюдиция должна быть опровержимой. Другое представление о сущности преюдиции противоречило бы принципу свободы оценки доказательств» [5, с. 264]. Аналогичного взгляда придерживался и Р. Искандеров, полагавший, что суд вправе дать новую оценку установленным ранее фактам и выводам в соответствии с той совокупностью доказательств, которая имеется в его распоряжении [10, с. 22].

3.3. Зинатуллин считал, что лица, ведущие производство по делу, «не могут входить в обсуждение доброкачественности соответствующего процессуального акта, в котором они констатированы, и делать новые выводы, противоречащие этому акту, пока последний не отменен в установленном законом порядке» [9, с. 214].

Самый лаконичный, однако не решающий спора, ответ был дан М.С. Строговичем, считавшим, что первоначальный приговор не имеет силу закона — это официальный ненормативный акт, удостоверяющий отдельные факты, принимаемые судом как истинные без дополнительной проверки в том случае, когда они представляются суду бесспорными и не вызывающими сомнений в своей истинности. При сомнении в том или ином факте, установленном вступившим в законную силу приговором, при возражении против этого факта со стороны обвиняемого или иного участника процесса суд обязан исследовать данный факт по существу [15, с. 214].

По нашему мнению, межотраслевая преюдиция имеет безусловное превалирующее значение над принципом свободы оценки доказательств. Данное законное предположение согласовывает различные виды судопроизводств, которые не могут существовать в изоляции друг от друга. Признание того факта, что свобода оценки доказательств в конкретном деле является более весомым аргументом, нежели мнение суда, уже рассматривавшего данные обстоятельства, — это путь к формированию фактической презумпции некомпетентности суда при решении вопросов, непосредственно отнесенных к его ведению.

Однако неправильно абсолютизировать действие преюдиции, каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд. Данный вопрос целесообразно рассматривать в контексте проблемы «преюдициальности» судебного акта вообще. Недопустимо и неверно исследовать преюдицию в отрыве от иных институтов и норм уголовно-процессуального права. При этом следует отметить, что преюдиция не относится к классу правовых фикций, которые не могут быть опровержимы никогда.

Предусмотренная законодателем возможность пересмотра вступившего в законную силу приговора или иного судебного акта (в кас-

сационном, надзорном порядке, а также ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (главы 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ, главы 41, 41.1 и 42 ГПК РФ, главы 35, 36.1 и 37 АПК РФ, а также главы 35, 36 и 37 КАС РФ)) позволяет правоприменителю отменить не соответствующий фактическим обстоятельствам судебный акт, который к этому моменту уже формально будет обладать свойством преюдициальности.

Безусловно, замечания в адрес межотраслевой неопровержимой преюдиции были сформулированы достаточно давно. Так, по мнению И.В. Чащиной, отсутствие разработанного механизма действия межотраслевой преюдиции привело к ситуации, при которой в результате вступивших в законную силу решений гражданских и арбитражных судов, вынесенных на основе сфальсифицированных доказательств или обстоятельств, признанных сторонами и судом истинными без проверки, в следственной и судебной практике возникают коллизии, принимаются юридически не обоснованные решения, тем более усугубляющие положение участников уголовного судопроизводства, что уголовный суд не может не только игнорировать подобные решения, но и усомниться в их достоверности [19, с. 3].

По мнению В.А. Азарова и Д.М. Нурбаева, межотраслевая преюдиция не позволяет правоохранительным органам в должной мере осуществлять свои полномочия по возбуждению и расследованию преступлений экономической направленности, если арбитражный суд уже вынес решение, в котором оценил действия конкретных лиц и признал их законными [2, с. 5].

Однако анализ судебной практики в полной мере не подтверждает данного утверждения. Так, судебной коллегией по уголовным делам Омского областного суда рассматривалась кассационная жалоба адвоката на постановление Центрального районного суда г. Омска, в котором решение о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении Д. было признано законным и обоснованным. В жалобе заявитель указал, что данное уголовное дело было возбуждено без достаточных на то оснований, вопреки состоявшимся судебным решениям Первомайского районного суда г. Омска, по которым был признан факт невнесения средств гражданами Н. и П. в счет исполнения обязательств по договору инвестирования строительства жилого комплекса. Суд кассационной инстанции признал доводы необоснованными, поскольку, как следует из текста указанных решений, в них установлен факт отсутствия надлежаще оформленного первичного бухгалтерского документа, подтверждающего внесение Н. и П. вклада в инвестирование по договорам долевого строительства, в то время как уголовное дело возбуждено в связи с тем, что Д., являясь директором, путем обмана и злоупотребления доверием граждан, с использованием своего служебного положения заключил от имени юридического лица договоры о долевом участии в инвестировании строительства жилого дома с Н. и П. Получив от них денежные средства, Д. выдал квитанции к приходным кассовым ордерам на полученную сумму, но не внес плательщиков в реестр дольщиков, не передал денежные средства главно-

му бухгалтеру для отражения прихода денежных средств в кассовой книге и на счете организации, а похитил их, используя по личному усмотрению [20]. В данном случае судом правомерно отказано в удовлетворении жалобы, поскольку, хотя приведенные решения имеют преюдициальное значение для рассматриваемого дела, они не подтверждают и не могут подтверждать правомерность действий Д. К сожалению, приведенный пример демонстрирует не только правильное применение межотраслевой преюдиции, но также грубое нарушение принципа презумпции невиновности, так как суд без оговорок на стадии предварительного расследования признал лицо виновным в совершении преступления.

В другом случае также судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда при рассмотрении кассационного представления прокурора на постановление Центрального районного суда г. Омска, которым было отменено постановление следователя о прекращении уголовного дела в отношении К. С. по ч. 3 ст. 159 УК РФ, признала обжалуемое решение законным и обоснованным. Суд кассационной инстанции поддержал выводы Центрального районного суда г. Омска, указав, что следователь, необоснованно сославшись на преюдицию — решение арбитражного суда (которым отказано в удовлетворении иска в связи с тем, что истец не доказал факта наличия обязательства по оплате самовольно захваченного имущества), фактически устранился от установления обстоятельств самовольного захвата помещения [21].

Представляется, что на основе данных примеров невозможно прийти к однозначному выводу о том, что межотраслевая преюдиция является безусловным препятствием для расследования и рассмотрения уголовных дел. Данные примеры также демонстрируют деление преюдиции в зависимости от субъекта принятия процессуального решения в уголовном судопроизводстве (преюдиция, применяемая судом, прокурором, следователем).

Подтверждением обоснованного применения межотраслевой преюдиции может служить следующий пример. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что Б. признан виновным и осужден за злостное неисполнение служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда, а равно воспрепятствование его исполнению. Проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы, приведенные в надзорной жалобе, Судебная коллегия нашла судебные постановления подлежащими отмене, а уголовное дело в отношении Б. — прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку решением Советского районного суда г. Омска было установлено, что с 10 октября 2008 по 14 января 2010 г. должность генерального директора ЗАО «...» занимал М. В связи с этим, принимая решение о виновности Б., суд установил иные факты, чем те, которые ранее были установлены решением суда по гражданским делам [23]. Представляется, что в данном случае межотраслевая преюдиция позволила законно отменить обвинительный приговор, установить факт

отсутствия состава преступления, что также соответствует назначению уголовного судопроизводства — защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Также это пример межотраслевой (или логической) обязательной преюдиции обстоятельств.

В литературе сформировалось достаточно твердое убеждение, что обязательность преюдиции «означает недопустимость проверки судом установленных в ранее вынесенном решении обстоятельств, имеющих значение для дела, которое рассматривается. Все это ограничивает активность суда в части исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что является прямым нарушением принципа публичности в уголовном процессе» [13, с. 8]. Также Е.И. Жидкова указывает, что при производстве по делам о налоговых правонарушениях межотраслевая уголовно-процессуальная преюдиция играет роль «абсолютного препятствия», ввиду того что решение суда по факту налогового правонарушения, принятое в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства и вступившее в законную силу, признающее действия лица законными, становится для правоохранительных органов непреодолимым препятствием. И не играют никакой роли ни характер положенных в основу такого судебного решения доводов, ни процессуальная позиция сторон, ни доказательства, имеющиеся в распоряжении органов уголовного преследования [8, с. 120].

Так, в литературе высказывались предложения предусмотреть в процессуальном законодательстве «перечень исключительных условий, при наличии которых допускается аннулирование законной силы судебного акта, и субъектов, компетентных инициировать подобные процедуры» [7]. По нашему мнению, этот механизм «аннулирования законной силы» без отмены самого судебного акта представляется спорным, поскольку непонятно, какими свойствами в данных обстоятельствах будет обладать подобный документ. Представляется, однако, что в любом случае дальнейшее его использование невозможно, ввиду того что законная сила судебного акта определяет его целевое назначение. Если же речь идет об отмене приговора или иного решения суда, то этот механизм представлен как в УПК РФ, так и в АПК РФ и ГПК РФ — это «возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств».

С.И. Скабелин считает, что «при отсутствии между сторонами спора о существовании закрепленного судебным решением факта необходимость в его доказывании отсутствует. Исключением являются случаи фальсификации доказательств, использованных в процессе доказывания по гражданскому, арбитражному или административному делу» [14, с. 24—28]. Механизм преодоления межотраслевой преюдиции предполагает, что факты, противоположные установленным, должны подтверждаться доказательствами, которые суд будет оценивать по правилам, закрепленным в ст. 88 УПК РФ. Оспариваемые одной из сторон и вызывающие сомнения у суда факты также, в свою очередь, должны подтверждаться соответствующими доказательствами.

Впрочем, последние по времени исследования данной проблемы показывают, что отношение правоприменителя существенным образом изменилось. Так, Конституционный Суд РФ не принял к рассмотрению жалобу привлеченной к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ А. В. Молотовой. При этом суд первой инстанции отклонил доводы стороны защиты о наличии преюдициального значения актов арбитражных судов, признавших недействительным решение инспекции Федеральной налоговой службы о привлечении возглавляемого А. В. Молотовой юридического лица к налоговой ответственности, поскольку предметы рассмотрения в рамках арбитражного и уголовного судопроизводства не совпадали [22].

Так, по справедливому замечанию Н. В. Азаренка, можно сделать вывод, что в настоящее время «не исключается возможность проведения дополнительной проверки обстоятельств, вызывающих сомнение у суда, прокурора, следователя, дознавателя, когда эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства» [1, с. 54].

Однако наличие явных проблем, касающихся использования межотраслевой преюдиции при расследовании и рассмотрении уголовного дела, выразилось в подавляюще негативном отношении большинства респондентов к введению межотраслевой преюдиции в УПК РФ: более 58 % следователей, дознавателей ответили, что отрицательно относятся к введению в 2009 г. межотраслевой преюдиции, поскольку эта новелла существенно затруднила процесс возбуждения уголовных дел; мнение судей разделилось так: 49 % опрошенных высказали свое негативное отношение к данному приему юридической техники, однако 51 % поддержали межотраслевую преюдицию.

Впрочем, не следует забывать, что сложившаяся к 2009 г. диаметрально противоположная ситуация в правоприменительной практике как раз и вынудила законодателя сменить отраслевую преюдицию на межотраслевую. Основным же назначением преюдиции сегодня остается «исключение противоречий между итоговыми судебными актами, обеспечение их стабильности, а также упрощение процесса доказывания в тех случаях, когда факты и правоотношения уже были предметом судебного рассмотрения и установлены судебным решением» [17, с. 13].

Таким образом, механизм межотраслевой преюдиции объединяет различные виды судопроизводства и в перспективе ведет к созданию единых принципов доказывания и возрождению идеи единства процесса. В настоящее время законодательное закрепление межотраслевой преюдиции предполагает необходимость выработки, с одной стороны, единого доктринального подхода к ее пониманию и законодательному закреплению, с другой — единого механизма ее использования в правоприменительной практике для всех видов судопроизводства. При этом не стоит забывать, что нарушение правила о межотраслевой преюдиции воспринимается и органами, осуществляющими международное правосудие [24], и Верховным Судом РФ [25] как одно из проявлений нарушения принципа правовой определенности. Таким образом,

решение обсуждаемого вопроса, скорее всего, лежит в плоскости четкого определения пределов действия преюдиции, однако, как справедливо отметил С.Ю. Кузнеценко, «на данный момент УПК РФ лишь частично урегулировал вопрос пределов действия преюдиции, в значительной степени этот важный аспект остается освещенным лишь в интерпретационных актах Конституционного Суда РФ, что видится законодательным упущением» [11, с. 28].

Так, необходимо разрешить вопрос о правилах исследования в судебном заседании преюдициальных судебных актов. Практика демонстрирует примеры, когда суду было достаточно одного соответствующим образом заверенного судебного акта, в иных случаях суд исследовал также и документы, на основании которых он был принят. По нашему мнению, при рассмотрении уголовного дела должно быть достаточно одного судебного акта, поскольку факт исследования оснований (доказательств) его вынесения не соответствует сущности современной преюдиции (должны приниматься судом без дополнительной проверки).

Также не урегулирован вопрос о том, насколько суд в уголовном судопроизводстве при квалификации деяния может опираться на вступившие в законную силу приговоры, в которых соучастники по рассматриваемому делу уже признаны виновными. При этом речь не идет о производстве в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Так, в определенных случаях суд при переквалификации деяния напрямую ссылается на приговор в отношении соучастника [26]. По нашему мнению, вопрос о квалификации непосредственно затрагивает вопрос виновности, поэтому прямая и категоричная ссылка без исследования иных доказательств недопустима.

На основе представленной судебной практики можно заключить, что постепенно сам правоприменитель изыскивает способы обходить правило о преюдиции в тех случаях, когда это является обоснованным, и применять это правило, когда оно соответствует назначению уголовного судопроизводства. Однако отдавать данный вопрос исключительно на откуп самим правоприменителям никак нельзя. В настоящее время категорически не хватает разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о правоммерном и неправоммерном использовании межотраслевой преюдиции.

Список литературы

1. *Азаренок Н.В.* Изменение конституционно-правового подхода к преюдиции? // *Российская юстиция.* 2019. №7. С. 51–54.
2. *Азаров В.А., Нурбаев Д.М.* Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве. М., 2016.
3. *Балакишин В.С.* Преюдициальная сила решения, принятого в рамках административного процесса, в уголовном судопроизводстве // *Российский юридический журнал.* 2012. №6. С. 110–113.
4. *Большой юридический словарь* / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1999.

5. *Борисевич Г. Я.* О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вест. Пермского университета. Юридические науки. 2014. №1. С. 260–268.
6. *Головкин Л. В.* Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юр. наук, проф. П. А. Лупинской (17–18 марта 2011 г.). М., 2011. С. 48–58.
7. *Денисова А. В.* Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. 2011. №1. С. 94–98.
8. *Жидкова Е. И.* Новая редакция УПК РФ: возврат к прежнему порядку производства по уголовным делам о налоговых преступлениях? // Уголовное право. 2015. №2. С. 118–121.
9. *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993.
10. *Искандеров Р.* О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. №22. С. 22–23.
11. *Кузнеченко С. Ю.* Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // Российская юстиция. 2019. №9. С. 25–28.
12. *Мотовиловкер Я. О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956.
13. *Оськина И., Луту А.* Как избежать судебных противоречий // ЭЖ-Юрист. 2015. №1. С. 8.
14. *Скабелин С. И.* Объективные данные и преюдициальные факты как основание для производства процессуальных действий // Адвокат. 2014. №9. С. 24–28.
15. *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. Л., 1947.
16. *Треушников М. Г.* Судебные доказательства : монография. М., 2005.
17. *Фидельский С. В.* Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2011. С. 13.
18. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.
19. *Чащина И. В.* Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юр. наук. М., 2011.
20. *Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 30.08.2012 г. №22-3673/12 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=ac11348fb320fe859b0617fcdff7f1e8&shard=Уголовные%20дела&from=p&t=> (дата обращения: 08.02.2021).*
21. *Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 26.07.2012 г. №22-3104/12 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#id=41a3056423a7751b53ec075443b79249&shard=Уголовные%20дела&from=p&t=> (дата обращения: 08.02.2021).*
22. *Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 №1697-О.* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Молотовой Агнесы Виллоровны на нарушение ее конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.07.2013 г. №50-Д13-56.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. *Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 г. по делу «Рябых против Российской Федерации» (жалоба №52854/99).* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. *Постановление* Президиума Верховного Суда РФ от 25.12.2013 г. №315-П13ПР. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. *Приговор* Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 3.09.2015 г. №1698/2015 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=513f1d99e4a3ec8035767f1423072834&shard=Уголовные%20дела&from=p&tr=> (дата обращения: 15.02.2021).

Об авторах

Христина Александровна Каландаришвили — ст. преп., Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Россия.

E-mail: konsuelo1919@mail.ru

Вячеслав Васильевич Иванов — канд. юр. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия.

E-mail: Ivanov_sl@rambler.ru

Марина Анатольевна Днепровская — канд. юр. наук, ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», Россия.

E-mail: mariosky@rambler.ru

The authors

Khristina A. Kalandarishvili, Senior Lecturer, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Russia.

E-mail: konsuelo1919@mail.ru

Dr Vyacheslav V. Ivanov, Associate Professor, the Korolev Samara National Research University, Russia.

E-mail: Ivanov_sl@rambler.ru

Dr Marina A. Dneprovskaya, Associate Professor, IRNIT University, Russia.

E-mail: mariosky@rambler.ru

А. А. Абрамовский**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФАЙЛИНГА**

Поступила в редакцию 27.04.2021 г.

Рецензия от 10.07.2021 г.

16

Рассмотрены методологические аспекты профайлинга как нетрадиционной методики, изучаемой криминалистикой. Охарактеризованы основные направления и методы, применяемые профайлингом за рубежом и в России. Цель исследования – выработать методологическую базу, с помощью которой профайлинг можно использовать как поисковую методику в криминалистике. Проанализированы сходства и различия между составлением психологического портрета преступника и профайлингом. На основе сравнительного и также ретроспективного анализа выстраиваются теоретические разработки, применяемые в том числе и профайлингом, а также определяются основные методы, составляющие методологию профайлинга.

Автор приходит к выводу о том, что профайлинг является комплексной методикой, синтезирующей в себе положения из других наук, при этом синтез происходит в рамках поиска преступника и его предполагаемого места жительства. Кроме того, автор констатирует различие между психологическим портретом преступника и профайлингом, заключающееся в дифференциации методов, применяемых профайлингом и портретом, а также в поставленных перед ними целях. Автором проанализирован метод географического профайлинга, оценены возможности его применения в отечественной науке и практике. Дано определение понятию диагностического профайлинга, выявлены основные направления его применения.

The paper considers methodological aspects of profiling as an unconventional technique studied by criminology and focuses on the main fields used by profiling abroad and in Russia. The purpose of the study is to develop a methodological base with which it is possible to use profiling as a searching technique in forensic science. The study analyses similarities and differences between the compilation of a criminal's psychological portrait and profiling. Based on comparative and retrospective analyses, profiling theoretical developments are built, as well as the main methods that make up its methodology.

The author concludes that profiling is a complex technique that synthesizes provisions from other sciences, but the synthesis takes place within the framework of the search for a criminal and his intended place of residence. The author also questions the differences between the psychological portrait of a criminal and profiling, the methods used by profiling and the portrait, as well as their objectives. The author analyzes the method of geographic profiling, as well as the possibilities of its application in domestic science and practice. The concept of diagnostic profiling and the main directions of its application are defined.

Ключевые слова: профайлинг, поиск преступника, поисковый портрет, психологический портрет преступника, методология, криминалистическая диагностика

Keywords: profiling, search for a criminal, searching portrait, psychological portrait of a criminal, methodology, forensic diagnostics

Профайлинг — это относительно новое направление исследований в отечественной криминалистике, которое внедряется в практику обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры [1, с. 3–5]. В таком контексте под профайлингом понимается «технология предотвращения противоправных действий» на соответствующих территориях. Выделяют также различные подходы к определению этого направления — например, «контактный» и «бесконтактный (технический или инструментальный) профайлинг. Представляется, что и дальше в рамках криминалистической профилактики профайлинг будет активно применяться и изучаться в деятельности правоохранительных органов, что подтверждается, в частности, разработкой методических основ по подготовке сотрудников правоохранительных органов по профайлинговому обеспечению их обязанностей по охране соответствующих объектов [2, с. 97].

Однако, на наш взгляд, стоит отметить, что в современной криминалистической науке не выработан четкий, объективный и системный подход к определению места и роли профайлинга при раскрытии и расследовании преступлений. Так, например, существует позиция, согласно которой профайлинг понимается в двух смыслах — широком и узком: «В узком смысле слова криминалистический профайлинг — это моделирование профиля личности, совершившей преступление по следам, оставленным в процессе реализации преступного замысла. В широком смысле слова криминалистический профайлинг определяется как комплекс психологических способов и методов, требующий специальной оценки, включающий в себя определение характера, темперамента, интеллекта и, как следствие, прогноз поведения человека» [3, с. 266]. Однако есть и другая точка зрения: «Профайлинг применяют для определения мотивов и целей преступника, его профессиональных навыков и прогноза его возможного поведения. Вместе с тем криминальный профайлинг ориентирован на непосредственную работу с доказательствами по уголовному делу» [4, с. 143]. Встречается также определение объекта, исследуемого профайлингом, — «психологический аспект в поведении преступника до совершения преступления, в момент совершения и после» [5, с. 169].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отсутствует единый подход к определению профайлинга. В связи с этим возникают неопределенности при трактовке используемых методов и проблемы при их реализации на практике. Так, есть мнение, что профайлинг — это «психологический метод» или совокупность «психологических методов». Однако в таком случае возникает вопрос, на каком основании профайлинг исследуется криминалистической наукой, а не является предметом для исследования только в рамках психологической науки. Является ли профайлинг сферой компетенции криминалистов-исследователей и криминалистов-практиков?

В связи с этим естественно складывается понимание отличия профайлинга от психологического портрета преступника: психологический портрет преступника составляется экспертом в области психологии (в частности, криминальной, виктимной и т.д.). Методология со-

ставления психологического портрета преступника основывается во многом на психологической диагностике преступника с использованием различных диагностических приемов, техник и т.д. Профайлинг, безусловно, использует методы, разработанные психологической наукой, но при этом его методология не строится на применении только частнонаучных методов, представленных психологической наукой. Кроме того, вопрос о том, в чьей компетенции находится составление профиля, остается открытым, так как нет единого мнения о квалификации такого специалиста.

На наш взгляд решение вопроса о методологической основе возможно только при сравнительном анализе существующих методик по составлению профиля, а также при выявлении общих закономерностей в процессе моделирования профиля лица, совершившего преступление.

Так, например, поведенческий отдел ФБР США в основе своей деятельности по составлению профиля использует такой метод, как интервьюирование серийных преступников, уже осужденных и отбывающих наказание за преступления. Помимо этого, в основу работы этого отдела был положен опыт федеральных агентов, а также эмпирическая база по уже совершенным преступлениям, в частности серийным. Результатом обобщения имеющегося опыта стала классификация всех серийных преступников — деление на организованных и дезорганизованных. Критерий выделения двух типов заключается в степени организованности преступной деятельности (выборе места, цели, уровне планирования преступления, способностях к планированию и т.д.). Несмотря на то, что данная теория в дальнейшем будет подвергаться критике, о чем будет сказано ниже, приведенная классификация является одной из первых — она положила начало профайлингу, а именно — изучению причин совершения серийных преступлений, установлению мотивов в действиях преступников [6, с. 208–210]. Стоит отметить, что данный подход в целом свойственен американской науке, которая выделяет целые научные направления для исследования определенной категории участников уголовного судопроизводства [7, с. 39–40].

С другой стороны, в Старом Свете, в частности в Великобритании, сформировался совершенно другой подход к профайлингу и составлению профиля в целом. Английский психолог и криминалист Д. Кантер использовал положения из раздела психологии, а именно психологии окружающей среды (*environmental psychology*), а также обратил внимание на географию совершения преступлений. Им была сформулирована теория кругов (*circle theory*), суть которой заключается в выявлении закономерностей между местом совершения преступлений и местом предполагаемого жительства преступника. Согласно Кантеру, зона совершения преступлений соответствует тому образу местности, который отпечатался в памяти преступника и включает в себя также маршрут до места преступления (ментальная карта). Кроме того, как отмечает Кантер, следует выделять буферную зону — пространство, в котором преступник не будет совершать преступление из опасения, что он будет обнаружен, ему недостаточно хорошо известны пути от-

хода и будет слишком просто установить его место жительства, поскольку у него нет возможностей, способных запутать следствие, идущее по его следу [8, р. 44 – 50].

Кроме того, Кантер выступил с критикой американского подхода, указав на то, что деление преступников на организованных/дезорганизованных необоснованно. Во-первых, эмпирическая база недостаточна для того, чтобы выводить определенные закономерности (всего было опрошено 36 преступников). Во-вторых, подготовка к интервьюированию была строго индивидуальна: вопросы прорабатывались исходя из личностных характеристик каждого преступника. В-третьих, не выработан общий подход к формированию вопросов, следовательно, выводы о той или иной категории преступников (организованный/дезорганизованный) не аргументированы должным образом, поскольку нет единой базы для формирования классификации преступников.

В дальнейшем гипотезу, связанную с восприятием географии преступником, развил канадский криминалист Ким Россмо. Ученый использовал методы, разработанные криминологической наукой, и математические методы. В основу его подхода к изучению географии преступности легла теория «повседневной деятельности», сформулированная канадской криминологической школой. Ее суть заключается в том, что человек выбирает привычный для себя маршрут в повседневной жизни, в частности совершает преступления в привычной для него географической местности [9, р. 328 – 330]. Помимо этой теории Россмо использовал также метод из социальной географии – центрографию. Центрография (изначально метод, разработанный Д.И. Менделеевым) вычисляла центр притяжения населения в той или иной местности, то есть место наибольшего скопления людей на определенной территории (село, город, область и т.д.) [10; 11]. Канадский криминалист выдвинул гипотезу о том, что данный метод применим и к действиям преступника. Однако применение ограничивается только действиями серийных преступников, когда места и механизм совершения преступления схожи и когда преступлений совершено столько, что возможно выявить закономерности поведения преступника. Основываясь на математических формулах по планировке городских кварталов в Канаде и США (в частности, Манхэттенской формуле), К. Россмо выработал собственную формулу по вычислению предполагаемого места жительства преступника [12, р. 560].

Помимо формулы Россмо используются и другие математические средства для вычисления предполагаемого места жительства преступника. Так, например, в США и Канаде применяется формула вычисления пространственного центра всех преступлений, основанная на вышеописанном методе центрографии. Кроме того, несмотря на критику метода, ФБР использует классификатор серийных убийц, разработанный агентами из поведенческого отдела ФБР США. Основываясь на данном классификаторе, специалисты разрабатывают различные версии о возможном поведении преступника, а также профили преступников.

В зарубежной криминалистике методы, применяемые в профайлинге, различаются. Несмотря на то что на этапе своего становления профайлинг расценивался как средство, содействующее расследованию преступлений (investigation tool), на сегодняшний день он вырос до методики, прогнозирующей поведение преступника и место его возможного жительства. Стоит отметить, что профайлинг заложил основы такого направления, как поведенческий анализ следов преступлений (behavioral evidence analysis), который предлагает перейти от абстрактной статистики и существующих типологий преступного поведения к анализу следов конкретного преступления. Как отмечают разработчики данного подхода, поведенческий анализ, в отличие от классического профайлинга, основывается на дедуктивном анализе следов, оставленных на месте преступления, доказательств по уголовному делу и места преступления.

В отечественной теории существует немного иной взгляд на сущность профайлинга. Так, исследователи во многих случаях ставят знак равенства между профайлингом и детекцией лжи. При этом они отождествляют детекцию с методикой предотвращения противоправных действий на объектах транспортной инфраструктуры или методикой выявления заведомо ложных показаний при расследовании уголовных дел. Кроме того, нередко профайлинг выделяют в качестве одной из разновидностей психологического портрета преступника. Также иногда выделяют общее понятие «профайлинг», а в рамках расследования преступлений ведут речь о «криминалистическом профайлинге», под которым следует понимать метод составления психологического портрета преступника [13, р. 15–17]. Наконец, в отечественной науке рассматривается «географический профайлинг» как метод создания модели места жительства преступника.

Однако, несмотря на наличие разнообразных подходов к определению методов профайлинга (детекция, портретирование, диагностика и т. п.), возникает ряд вопросов по поводу их обоснованности. Например, если под профайлингом понимается метод составления психологического портрета, то чем тогда последний отличается от первого? Или речь идет о том, что профайлинг является одним из составных элементов психологического портретирования? В связи с этим необходимость развития данного направления криминалистической наукой как самостоятельного является спорной, если существует направление, находящееся на стыке нескольких наук и именуемое психологическим портретом преступника. Кроме того, в работах авторов, рассматривающих профайлинг как метод составления портрета, используются уже разработанные психологической наукой методы. Следовательно, данные методы используются и при составлении психологического портрета без применения профайлинга, и необходимость в выделении профайлинга как отдельного направления отпадает. Неоднократно отмечалось, что профайлинг проводит «психологическую диагностику». Однако насколько допустимо в целом использовать данный метод при профайлинге? Психологическая диагностика предполагает наличие субъекта, в отношении которого эта диагностика производится.

Если суть профайлинга сводится к поиску личности неизвестного преступника, будет ли реализовываться при этом на практике метод психологической диагностики? На наш взгляд, целесообразней говорить о методе криминалистической диагностики, о чем также будет указано ниже.

Если рассматривать профайлинг как метод детекции лжи [14, с. 308], то в связи с этим возникают вопросы: на чем основывается данное направление? Каким набором компетенций должен обладать соответствующий специалист? Соответствует ли данный метод стандартам экспертного сообщества, регулирующим проведение исследований в этой сфере? Если рассматривать профайлинг как неинструментальный метод детекции лжи, в отличие от применения полиграфа как инструментального метода, то возникает вопрос: какой «инструментарий» использует данный метод? Предлагается также термин *экспертный профайлинг*, который относится к интерпретации детекции лжи [15, с. 12–19]. Авторы отмечают, что суть профайлинга заключается в сопоставлении человека с определенным профилем, при этом профиль характеризуется как связь субъекта с признаками, характеризующими наличие или отсутствие исходящей от него угрозы.

Кроме того, выделяется *авиационный профайлинг* — определение находящихся в аэропорту лиц, склонных к антиобщественному поведению (находящихся в состоянии алкогольного, наркотического опьянения), а также, готовящихся к совершению преступлений (например, террористических актов). Авиационный профайлинг сводится к диагностике асоциального состояния пассажиров с целью выявления отклонений от нормального поведения, что в свою очередь приводит к установлению преступника или лица, нарушающего общественный порядок (например, раскрытия мелкого хулиганства в рамках пресечения административных правонарушений). В связи с этим возникает вопрос: существует ли разница между экспертным и авиационным профайлингом? На наш взгляд, речь опять же идет о диагностике того или иного состояния человека, в связи с чем целесообразнее использовать термин *диагностический профайлинг*.

Наиболее интересной представляется именно проработка метода *географического профайлинга*, основанного в первую очередь на общенаучных методах, в частности математических [16, с. 52–56]. Вместе с математическими методами используются наработки из области поведенческой психологии, связанные с социальной географией (предпочтительность выбора тех или иных мест, маршрут передвижения жителей по городу в соответствии с их симпатиями и т.д.). Принято выделять различные формулы для вычисления места жительства преступника. На наш взгляд, в рамках отечественной правоприменительной практики эффективнее применять метод центрографии, о котором уже писалось выше. Во-первых, это связано со спецификой самого метода географического профайлинга. Так, «формула Россмо» разрабатывалась в рамках так называемых «манхэттенских расстояний», то есть подхода, согласно которому выстраивались городские кварталы в США (отсюда

и название данных расстояний). Соответственно, российский подход к планированию городов отличается от американского, в связи с чем возникают вопросы об апробации в российских реалиях «формулы Россмо». Метод центрографии исходит из теории социальной географии, чьи методы применяются в отечественной социологии. Кроме того, этот метод исследует социальные явления независимо от специфики культурных, социальных и географических особенностей той или иной территории.

Помимо этого, необходимо определить, каким образом связаны психологические методы с профайлингом применительно к раскрытию и расследованию преступлений. Так, например, существует составление психологического портрета преступника, основывающееся на методах прикладной психологии, психологии виктимного поведения, существующих типологиях преступников и преступного поведения и т. д. [17, с. 42–43].

Использует ли профайлинг аналогичные методы и есть ли отличия профайлинга от метода составления психологического портрета преступника? На наш взгляд, это вопрос диалектический. С одной стороны, профайлинг имеет психологическую природу, так как его сущность заключается в том, чтобы выявить особенности поведения преступника, что невозможно без использования знаний из психологии и (в некоторых случаях) психиатрии. Однако, если профайлинг направлен на поиск преступника, то без знания теории и практики проведения осмотра места происшествия, проведения оперативно-розыскных мероприятий невозможно выстроить профиль, соответствующий поисковым целям при раскрытии и расследовании преступлений. При этом необходимо учитывать теоретический опыт криминологии, связанной с виктимологией. Профайлинг невозможно также представить без использования теоретических наработок из психологии, однако, если суть психологического портрета сводится к составлению модели личности преступника и выявлению тех или иных характеристик, связанных с его поведением, то цель профайлинга при раскрытии и расследовании преступлений состоит в поиске самого преступника и (или) его предполагаемого места жительства, поэтому использование психологических знаний сужается в этом направлении и дополняется наработками из других областей.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Профайлинг — явление, исследуемое не только в рамках криминологии, но и ряда других гуманитарных, а также технических наук. На наш взгляд, если речь заходит о междисциплинарном подходе, направленном на достижение не только целей, поставленных перед правоохранительными органами, но и целей в рамках других дисциплин, то речь идет о *диагностическом профайлинге*, нацеленном на установление тех или иных характеристик личности. В его основе лежат методы, напрямую связанные с установлением достоверности или ложности той или иной информации. Если же речь заходит о профайлинге применительно к раскрытию и расследованию преступлений,

это поисковая методика. На основании исследованных выше публикаций можно выделить основные методы, применяемые профайлингом: метод географического профайлинга, в основе которого лежит центрография, психологическая диагностика в области виктимного поведения, анализ следственной практики, криминалистический анализ. Положения в области детекции лжи на сегодняшний момент являются спорными в плане научной обоснованности данного направления, однако в совокупности с другими используемыми методами из других наук они позволяют правоохранным органам ориентирующую информацию.

В заключение следует отметить, что профайлинг — это комплексная методика, направленная на поиск преступника и его изобличение. Комплексность заключается в том, что личность преступника исследуется с разных сторон, что предполагает взаимодействие ряда научных дисциплин — психологии, криминалистики, криминологии и математики.

Список литературы

1. Волчецкая Т.С., Абрамовский А.А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. №4—2. С. 3—8.
2. Зиберова О.С. О происхождении и современном значении криминалистического профайлинга // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №2 (60). С. 92—97.
3. Бурмистрова Н.С., Бертовский Л.В. Особенности применения криминалистического профайлинга в период сбора релевантной информации в ходе расследования преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №6. С. 265—272.
4. Грибунов О.П. Применение технологий профайлинга в деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №4 (68). С. 142—146.
5. Алиев М.Б. Идеальные следы в криминалистике и их значение в расследовании преступлений // Закон и право. 2020. №2. С. 168—170.
6. Веденин А.В., Коробков В.А. Опыт применения психологических методов в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Вестник Владимирского юридического института. 2015. №1 (34). С. 207—213.
7. Волчецкая Т.С., Бедризов А.Г. Особенности криминалистической науки в России и зарубежных странах // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. Уфа, 2019. С. 37—43.
8. Kocsis R.N., Cooksey R.W., Irwin H.J., Allen G. A Further Assessment of «Circle Theory» for Geographic Psychological Profiling // Australian & New Zealand Journal of Criminology. 2002. Vol. 35, №1. P. 43—62. doi: 10.1375/acri.35.1.43.
9. LePard D., Demers S., Langan C., Rossmo D.K. Challenges in serial murder investigations involving missing persons // Police Practice and Research. 2015. Vol. 16, №4. P. 328—340. doi: 10.1080/15614263.2015.1038030.
10. Черкасов А.А., Чернова И.В., Соннев Н.В. Геоинформационно-картографическое моделирование расселения народов в России // ИнтерГИС. 2019. Т. 25, №1. С. 298—307.

11. *Дмитриев А.Л.* Центрография и экономико-математические методы: исторический опыт // Международный экономический симпозиум – 2018 : матер. междунар. науч. конф. СПб., 2018. С. 193.
12. *Rossmo D.K.* Geographic profiling in cold cases // Cold case homicides: practical investigative techniques. Boca Raton, 2017. P. 559–582.
13. *Ветрова Т.В., Статный В.М.* Место профайлинга в системе наук о человеке. виды и отрасли профайлинга // International Journal of Professional Science. 2019. №12. P. 13–21.
14. *Шляхтин Е.П., Кириллова К.А.* Технология профайлинга в деятельности сотрудников оперативных подразделений ОВД: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2019. С. 304–308.
15. *Арпентьева М.Р.* Профайлинг как экспертная технология // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2016. С. 8–19.
16. *Абрамовский А.А.* Профайлинг: понятие и основные направления его развития в криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. №4. С. 48–56.
17. *Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А.* Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника // Психология и право. 2011. №3. С. 33–43.

Об авторе

Андрей Александрович Абрамовский – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: aaa_andrey95@mail.ru

The author

Andrei A. Abramovskiy, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: aaa_andrey95@mail.ru

Р. А. Тагиров

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП,
СОВЕРШАЮЩИХ МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ**

Поступила в редакцию 20.07.2021 г.

Рецензия от 27.07.2021 г.

25

В свете стремительной криминализации кредитных правоотношений, широкой распространенности хищений банковского займа, реализуемого преимущественно групповыми усилиями мошенников, перед криминалистической наукой встала острая проблема разработки эффективной методики расследования преступлений данного вида, включающей рекомендации по выявлению признаков соучастия, установлению круга лиц, причастных к хищению, их поимке и доказыванию вины. При этом изыскания подобного рода немыслимы вне спектра изучения типичных групп кредитных мошенников, описания их основных признаков, формирования представления о характерных особенностях, реализуемой ими противоправной деятельности. Именно решению этих задач и служит данное исследование.

Дано теоретически обоснованное представление о структуре криминалистической характеристики преступных групп, раскрыты формы соучастия, свойственные кредитным мошенникам, объединенным единой противоправной целью, а также проведено разграничение преступных объединений, деятельность которых лежит в различных сферах кредитных правоотношений.

Опираясь на результаты исследования уголовных дел о мошенничестве в сфере кредитования, автор описывает основные категории групп кредитных мошенников, называет особенности их формирования и функционирования, определяет типичные характеристики участников. Уникальность настоящего исследования состоит в том, что оно впервые раскрывает типологию преступных групп кредитных мошенников в контексте внутривидовой дифференциации отношений, в рамках которых такие хищения совершаются. Результаты исследования призваны устранить неполноту научного представления о группах, образующихся в целях хищения корпоративного банковского займа. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего научного исследования затрагиваемых и смежных проблем расследования мошенничества в сфере кредитования, в практике расследования преступлений указанной категории.

Due to the rapid criminalization of credit relations and the widespread theft of bank loans, committed mainly by groups of fraudsters, the forensic science faces a serious problem of developing an effective method for investigating crimes of this nature. The method must include recommendations for identifying signs of complicity, defining the group of people involved in the theft, their arrest and proof of guilt. At the same time, the research of this kind is impossible without the study of typical groups of credit fraudsters, describing their main features, forming an idea of the characteristic features of their illegal activities. This research paper focuses on the ways to solve the mentioned tasks.

In this paper, the author gives a theoretically substantiated idea of the characteristics structure of criminal groups, reveals the forms of complicity inherent in credit fraudsters, united by a single illegal purpose, and also distinguishes between criminal associations whose activities are in various areas of credit relations.

Using the results of the study of credit fraud cases, the author describes the main categories of credit fraudster groups, names the features of their development and functioning and identifies the typical participants. The uniqueness of this research paper is that it is first to give the typology of credit fraudster criminal groups in the context of the intra-structural differentiation of relations within which such thefts are committed. The results of the research are intended to enrich academic understanding of credit fraudster groups. The results of the research paper can be used for further research of similar and related issues of the investigation of fraud in the field of credit, in practical investigation of such crimes.

Ключевые слова: кредит, мошенничество, ложные сведения, хищение, организованная группа, соучастие, сговор, криминалистическая характеристика, подставное лицо, лидер, исполнитель, пособник

Keywords: credit, fraud, false information, theft, organized group, complicity, conspiracy, criminalistic characterization, figurehead, leader, executor, accomplice

Мошенничество в сфере кредитования является специфическим видом экономических преступлений, особенности которого образуются совокупностью условий его реализации. К таким особенностям, в частности, можно отнести исключительную формальность правоотношений, используемых для совершения противоправного деяния подобного рода, аккумулятивность данных о субъектах — получателях ссуды, неочевидность умысла хищения, продолжительность периода выявления преступления и т. д.

Сумма названных свойств образует ключевой детерминант преступлений рассматриваемого вида — условие, определяющее комплекс мер по сокрытию мошенничества. В частности, отношения банковского займа предполагают использование кредитного потенциала ссудополучателя, его некую репутацию в доверительных отношениях с кредитором, определяющую готовность последнего предоставить заемщику денежные средства во временное пользование на условиях возвратности и платности. Кредитный потенциал, не являясь приобретаемым свойством субъекта, играет основную роль в получении займа, создавая для злоумышленника возможность преступного завладения кредитом, а также способствует сокрытию преступного умысла.

Вместе с тем кредитоспособность представляет собой неустойчивую категорию, утрачиваемую при возникновении факта нарушения кредитных обязательств, в том числе однократного. Это создает препятствие для систематического извлечения злоумышленниками преступной выгоды от кредитных хищений. Именно поэтому преобладающая доля кредитных мошенничеств совершается в соучастии, что позволяет преступникам использовать кредитный потенциал постороннего лица, реализовать заимствование кредитных возможностей, оставаясь фор-

мально непричастным к получению ссуды и рассчитывая на сокрытие признаков своего участия в самом хищении. Говоря образно, мошенники, действуя в составе группы, расширяют границы опосредованной кредитоспособности, одновременно воплощая способы сокрытия преступления и создавая препятствия следствию в получении исчерпывающих сведений об обстоятельствах расследуемого дела [3, с. 143–144].

В ходе проведенного нами исследования 190 уголовных дел о мошенничестве в сфере кредитования, приговоры по которым вынесены в 2013–2020 гг., было установлено, что подавляющее большинство кредитных хищений совершается в соучастии – к совершению 82 % преступлений рассматриваемого вида причастны два или более субъекта. Однако представляется, что данный показатель требует уточнения в контексте дифференциации по формам соучастия. Поэтому для целей последующего раскрытия криминалистической характеристики преступных групп кредитного мошенничества обратим внимание на их правовые признаки.

Принимая во внимание то обстоятельство, что мошенничество в сфере кредитования является полноструктурным преступлением, а также ориентируясь на результаты анализа судебно-следственной практики, отметим, что соучастие в хищениях такого рода может быть реализовано в двух формах: группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. При этом, обратившись к разъяснениям, приведенным в пункте 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», отметим следующее. Совершенное группой лиц по предварительному сговору признается кредитное мошенничество лишь в том случае, если все его участники обладали признаками специального субъекта, то есть являлись заемщиками (созаемщиками) – лицами, непосредственно вступившими в правоотношения с банком с целью получения займа. То есть кредитные мошенники образуют группу по предварительному сговору при их взаимном распределении исполнительской роли получателя ссудных средств. Если в группу, образованную для совершения кредитных хищений, входят лица, не выполнявшие роль непосредственного получателя ссудных средств, не вступавшие в правоотношения с банком, то такая группа является организованной, в состав которой могут входить организатор, подстрекатель и пособник [12].

Практика показывает, что мошенничество в сфере кредитования, совершенное группой лиц по предварительному сговору, представляет собой крайне редкое явление (менее 1 % случаев). К такой форме соучастия преступники прибегают исключительно в целях создания условий для совершения преступления. В частности, совместный займ практикуется злоумышленниками, преследующими цель его хищения, если это обусловлено требованиями банка – как правило, при заемном финансировании приобретения недвижимости. То есть мошенники, действующие в составе группы лиц по предварительному сговору, приспосабливаются к обстановке хищения, подчиняясь условиям сделки – неотъемлемого компонента избранного способа достижения преступ-

ного результата. В такой группе нет структурной организованности, группа не образуется в целях психологического или функционального усиления своей противоправной способности, а формируется лишь с целью реализации избранного способа совершения преступления.

Наряду с этим подавляющее большинство хищений банковского займа совершается в составе организованной группы, причем не всех ее участников зачастую удается выявить и привлечь к ответственности.

Результаты анализа следственной практики показали, что 42 % лиц, причастных к совершению мошенничества в сфере кредитования, остаются неустановленными следствием. Из них 14 % – скрывшиеся организаторы, а 30 % – неустановленные пособники, содействовавшие хищению путем фальсификации документов, переданных исполнителем в банк (в 2 % преступлений не установлены ни организатор, ни пособники).

Таким образом, изучение групповых хищений кредитных средств является наиболее острой научной проблемой в аспекте разработки эффективной методики расследования преступлений названного вида. При этом особое значение имеет типизация характерных способов формирования организованных групп кредитных мошенников, распределения между ними ролей в зависимости от личностных свойств типичных участников, а также оценка их мотивационно-поведенческих ориентиров, обусловленных совместной преступной деятельностью. Это позволит разработать результативные способы выявления источников информации обо всех участниках преступления рассматриваемого вида, что существенно расширит практические возможности установления полноты обстоятельств каждого конкретного расследуемого события, состоявшегося в условиях преступного соучастия.

Несомненно, в основе исследования кредитных хищений, совершаемых в соучастии, лежит криминалистическая характеристика группы, которая, как и характеристика иных преступных явлений, образуется совокупностью, точнее системной взаимосвязью ее отдельных элементов. В свою очередь, элементы криминалистической характеристики определяются признаками преступной группы. Так, Р. А. Каледин вкладывает в понятие криминалистической характеристики преступной группы совокупность признаков, обусловленных ее структурой и определяющих согласованную деятельность членов этой группы по подготовке и непосредственному совершению преступлений, а также при осуществлении противодействия расследованию [8, с. 61].

В. М. Быков обращает внимание, что преступная группа представляет собой неформальное объединение на основе преступной деятельности, обладающее определенной организацией, что предполагает наличие в ней психологической и функциональной структуры. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что преступную группу необходимо рассматривать как единый, особый субъект деятельности, характеризующийся социально-демографическими свойствами, численным составом, а также преступным опытом ее участников [4, с. 10]. По мнению ученого, криминалистическая характеристика группы складывается из ее

криминалистического типа, особенностей формирования, функционирования, психологической и функциональной структуры, наличия и типа лидера, состава и межличностных отношений участников [5, с. 13].

Обратившись к научным изысканиям Е.П. Ищенко, в которых он раскрывает криминалистическую характеристику преступной деятельности, можно заметить, что наиболее существенными, по мнению ученого, признаками, характеризующими в совокупности преступную группу, являются следующие: направленность преступной деятельности и особенности совершения преступлений, структура и функциональное распределение обязанностей между участниками, а также типологические черты членов [7, с. 297].

Д.Н. Лозовский называет следующие элементы криминалистической характеристики преступной группы: криминалистический тип группы (особенности деятельности); личностные свойства типичных участников; особенности формирования и функционирования группы; наличие и тип лидера; особенности межличностных отношений между членами [9, с. 272].

Находя все приведенные суждения исследователей справедливыми, мы все же считаем необходимым заметить, что нет никакой необходимости выделять в качестве отдельного элемента криминалистической характеристики преступной группы тип ее лидера, поскольку он полностью охватывается характеристикой ее участников и функциональным распределением в группе.

Кроме того, на наш взгляд, нецелесообразно определять психологическую структуру и межличностные отношения между участниками группы в качестве отдельных элементов характеристики. Стоит сказать, что названные признаки входят в такой элемент характеристики, как функциональная структура группы. Поскольку преступная группа является неформальной организацией, в основе ее образования лежит система отождествления каждого ее члена с сообществом. Исходя из лидерских, организационных и иных психологических свойств участников, в группе определяются их функциональные обязанности, тем самым распределяются роли. Борьба за лидерство в группе является не чем иным, как конкуренцией названных свойств, определяющей доминирование того или иного лица.

Таким образом, в структуре криминалистической характеристики группы ключевыми являются следующие структурные элементы:

- криминалистический тип группы;
- особенности формирования;
- особенности функционирования;
- состав участников и их типологические черты.

По указанным критериям можно выделить характерные черты групп кредитных мошенников.

Вместе с тем применительно к кредитному мошенничеству, учитывая специфические черты данного вида преступлений, важно дифференцировать группы, образуемые для целей противоправного завладения займа посредством корпоративного и потребительского кредито-

вания. Такая дифференциация обусловлена различиями как в особенностях формирования и функционирования группы, так и в описании индивидуальных свойств участников, их социально-демографической характеристикой. В сущности, различие между группами, сформированными для целей рассматриваемого вида хищения, совершаемого в рамках кредитования граждан, а также в рамках кредитования субъектов предпринимательства, почти абсолютное. Сходство заключается лишь в способе достижения противоправного результата, его общих чертах, определяемых диспозицией нормы статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Среди организованных групп, совершающих *мошенничества в сфере кредитования физических лиц*, мы выделяем следующие:

1. Группы, систематически совершающие кредитные мошенничества посредством использования кредитного потенциала индивидов, привлекаемых к соучастию.

В структуре преступных объединений такого рода выделяется основа, состоящая из лидера и его сообщников — постоянных членов, а также исполнителей, сменяющихся при достижении цели каждого преступного акта и планировании нового. Ключом к формированию группы служат личностные свойства участников, привлекаемых к ее противоправной деятельности, наличие навыков, полезных для достижения противоправного результата (например, способность к фальсификации документов), знание финансовых алгоритмов, доверительные отношения с сотрудниками банков.

Приискание исполнителей происходит по двум критериям — наличие «неиспорченной» кредитной истории, а также низкий социальный статус, детерминирующий неспособность реально оценивать характер своих действий в спектре соучастия в преступлении [6, с. 320]. Обычно это лица, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью, либо иные субъекты, в силу своих интеллектуальных свойств не способные здраво оценивать характер своего поведения либо безразлично относящиеся к уголовной ответственности. Такие индивиды, во-первых, готовы участвовать в преступлении за незначительное вознаграждение, во-вторых, легко подвержены влиянию со стороны организатора и, в-третьих, готовы действовать в условиях информационной ограниченности, следовательно, при уголовном преследовании окажутся неспособными раскрыть личности иных членов группы и обстоятельства подготовки и совершения преступления.

Зачастую такие группы — гендерно-смешанные, процентное соотношение женщин и мужчин среди организаторов — 57 % и 43 % соответственно. Их численность составляет от трех до пяти человек. В 37 % случаев к участию в группе привлекаются ранее судимые лица.

Отметим, что противоправная деятельность таких групп наиболее распространена в кредитных мошенничествах.

2. Вторая категория организованных групп кредитных мошенников — это группы, формируемые из сотрудников банка, его филиала (офиса). Они создаются на основе профессиональных взаимоотношений между

участниками, а их внутригрупповая иерархия, как правило, выстраивается в соответствии с организационной структурой подразделения банка [11, с. 245].

Функциональный аспект противоправной деятельности злоумышленников соответствует процедурным критериям кредитной сделки, финансовому механизму, урегулированному локальными нормативными актами кредитора, а также возможностям доступа к данным клиентов.

Типичные участники группы, ранее не судимые (специфика субъектов), численность которых составляет от двух до пяти человек, обычно характеризуются наличием среднего или высшего образования, а также специальными познаниями в области экономики, правил финансового регулирования, банковского дела, производственных алгоритмов самого кредитора.

Пожалуй, наиболее ярким примером преступных групп данной категории стала группа кредитных мошенников, сформировавшаяся в одном из городов Свердловской области. В ее состав входили три сотрудницы подразделения – руководитель филиала, экономист и кассир. Группа совершила пятьдесят шесть преступлений (хищения в крупном размере) путем оформления займов на лиц – клиентов банка, доступ к персональным данным которых имелся у злоумышленников.

Стоит заметить, что следствием исчерпывающим образом была раскрыта структура группы. В частности, установлено, что участие в группе обуславливалось характером занятости каждого из участников в процедуре кредитования (в объеме, необходимом для достижения преступного результата). Так, организатор обеспечивал доступ к персональным данным клиентов, экономист реализовывал формальную сторону преступления, составляя кредитную документацию по ложным заемным инициативам, кассир действовал на этапе фактического изъятия денежных средств банка [12].

Приведенный пример наглядно демонстрирует высокий уровень организованности таких групп, профессиональную компетентность ее участников, четкое распределение ролей, опасность совершаемых преступлений, способность к продолжительному сокрытию хищений.

Важно заметить, что, действуя в составе групп рассматриваемого вида, преступники на посткриминальном этапе мошенничества также способны контролировать процесс взыскания кредитной задолженности банком. При иницировании процедур взыскания соответствующими службами кредитора злоумышленники способны предпринять меры по сокрытию преступления – например, в незначительных суммах погашая задолженность, тем самым предупреждая обращение банка к заемщику с требованием о возврате всей суммы долга. Посредством этого отодвигается срок выявления преступления.

Среди организованных групп, формируемых для совершения *мошенничества в сфере кредитования субъектов предпринимательства*, можно назвать следующие:

1. Организованные группы, преступное соучастие в которых обусловлено перераспределением управления полномочий в отношении юридического лица – заемщика.

Сущность данной категории групп кредитных мошенников в некотором роде схожа с рассмотренной выше разновидностью объединения, специализирующегося на хищении потребительского займа посредством использования кредитного потенциала подставного заемщика — гражданина. Здесь также подставное лицо наделяется титульными свойствами субъекта, задействованного в кредитной сделке, что создает видимость непричастности иных соучастников к хищению. Однако в данном случае кредитный потенциал подставного лица не используется.

Структура группы образуется формальной или фактической способностью каждого участника влиять на деятельность заемщика — юридического лица. Такие группы образуются из участников (бывших участников) общества — заемщика, конечных бенефициаров. Соучастники, как правило — опытные предприниматели, обладающие познаниями в области корпоративного права, хозяйственного оборота, их состав гендерно-смешанный. Ранее судимых соучастников групп такой категории нами выявлено не было. На роль исполнительного органа заемщика или фиктивного собственника бизнеса привлекаются корыстные лица с невысоким социальным статусом и уровнем достатка.

Функционально-противоправное назначение таких групп состоит в совершении хищений в особо крупном размере путем использования в преступных интересах финансовой дестабилизации организации-заемщика, обусловленной наличием крупной задолженности перед кредиторами, его предбанкротным состоянием.

К примеру, в следственной практике имел место прецедент групповых мошенничеств в сфере корпоративного кредитования (группа, совершившая многократные хищения), подготовка, совершение и сокрытие которых включали регистрацию подставных лиц в качестве участников и директоров предприятий — ссудополучателей. Важно заметить, что группа была сформирована супругами, профессионально оказывавшими услуги сопровождения регистрации и ликвидации хозяйственных обществ. В последующем к преступной деятельности были привлечены иные участники [13].

Данный пример раскрывает ключевую черту организованных групп рассматриваемого типа, подчеркивая личностные свойства, характерные для участников и используемые ими для совершения хищений. Действуя как единый субъект криминальной активности, группа в противоправных целях манипулировала полномочиями органов управления заемщика, используя организационные способности ее лидеров, а также их специальную осведомленность в сфере корпоративного устройства, знания механизма регулирования процедур создания и функционирования юридических лиц.

2. Организованные группы кредитных мошенников, в которые входят лица из состава органов управления нескольких субъектов предпринимательства.

Типичная структура групп данной категории формируется соразмерно механизмам, которые используют злоумышленники для введения в заблуждение кредитора, создавая видимость реальности отношений заемщика с контрагентами по хозяйственным сделкам. В частно-

сти, при заключении договора кредитования юридического лица с целью обмана банка по вопросу стабильности финансового состояния заемщика, а также обоснования получения займа мошенники предпринимают меры по совершению фиктивных сделок с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, например по поставке сырья, покупке оборудования и т. д. При этом контрагентами по фиктивным сделкам выступают юридически или фактически аффилированные с заемщиком организации или индивидуальные предприниматели. В этом случае образуется сговор лиц, контролирующих заемщика и его контрагентов по фиктивным сделкам, совместными противоправными действиями которых совершается хищение. В основе характерного способа совершения преступления лежит создание у банка представления о платежеспособности заемщика, обусловленной прибыльностью его правоотношений с контрагентами, в действительности фиктивных.

Такая группа формируется на основе партнерских отношений между лицами, связанными единой экономической целью извлечения прибыли под влиянием лидера-вдохновителя, мотивирующего остальных участников на получение незаконной прибыли. Стоит заметить, что возникновению умысла совершения группового кредитного хищения предшествуют длительные легальные взаимодействия между участниками группы, которые модифицируются в преступное соучастие.

К специфическим чертам объединения можно отнести высокий уровень сплоченности, закрытость, латентность в той мере, в которой это отвечает потребностям реализации преступного умысла. Лидерами групп, согласно проведенному нами исследованию, преимущественно являются мужчины — 79%; группы смешанные, составом 3–5 человек. Образование участников, как правило, не ниже среднего, ранее не судимые (в ходе исследования не были выявлены ранее судимые участники).

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что ключевым признаком дифференциации организованных групп кредитных мошенников является функциональный аспект их противоправной деятельности — избираемый способ совершения преступления, во многом связанный с характером кредитных правоотношений, используемых для хищения. При этом, как показало исследование, каждая из приведенных категорий групп обладает определенными специфическими особенностями формирования, отличиями мотивационной стороны поведения участников объединения, их личностными свойствами, отвечающими потребностям преступной деятельности группы, выступающей в качестве обособленного субъекта преступной активности.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть положены в основу дальнейшего исследования типичных поведенческих моделей кредитных мошенников, действующих в составе организованных групп [10, с. 21], что существенно дополнит криминалистическую характеристику преступлений данного вида, способствуя эффективности ее практического применения. Оценивая неординарность преступлений рассматриваемого вида, о которых мы упоминали в начале работы,

стоит заметить, что особую трудность следственной работы по делам кредитных мошенничествах создает именно латентность признаков его совершения в соучастии. Устранению таких трудностей, на наш взгляд, и должна способствовать разработка методических рекомендаций.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. №25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. №48 // Российская газета. 2017. №280.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
4. Быков В. М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент, 1991.
5. Быков В. М. Криминалистическая характеристика преступных групп: учебное пособие. Ташкент, 1986.
6. Данилова Н. А. Характеристика личности субъектов преступлений в сфере банковской деятельности и ее криминалистическое значение // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №2. С. 319.
7. Ищенко Е. П. Криминалистика : курс лекций. М., 2007.
8. Каледин Р. А. О понятии криминалистического изучения преступной группы // Актуальные проблем борьбы с групповой преступностью. Омск, 1983. С. 55 – 61.
9. Лозовский Д. Н. Некоторые аспекты криминалистического исследования организованной преступной группы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. №2. С. 268 – 273.
10. Лозовский Д. Н. К вопросу о криминалистическом анализе организованной преступной группы // Юрист-Правовед. 2011. №4. С. 20 – 22.
11. Муцалов Ш. Ш., Динаев И. З. Коммерческая банковская деятельности: преступность, понятие, сущность, структура // Инновации и инвестиции. 2014. №5. С. 243 – 247.
12. Приговор Ревдинского городского суда Свердловской области от 14.03.2011 г. // Архив Ревдинского городского суда Свердловской обл. за 2011 г. Уголовное дело №1-6/2011.
13. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 09.10.2015 г. // Архив Вологодского городского суда Вологодской области за 2015 г. Уголовное дело №1-18/2015.

Об авторе

Руслан Амирович Тагиров — асп., Башкирский государственный университет, Россия.

E-mail: ratagirov.sbr@yandex.ru

The author

Ruslan A. Tagirov, PhD Student, the Institute of law, Bashkir state university, Ufa, Russia.

E-mail: ratagirov.sbr@yandex.ru

УДК 94 (4)

С. А. Денисов

**ВООРУЖЕНИЕ ПРУССКИХ ЛЕННИКОВ
В ГОСУДАРСТВЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XIV ВЕКЕ
(по данным письменных источников)**

35

Поступила в редакцию 11.07.2021 г.
Рецензия от 24.07.2021 г.

Ключевым аспектом инкорпорирования пруссов, населявших Юго-Восточную Прибалтику, в социальную систему государства Тевтонского ордена во второй половине XIII – XIV в. стало распределение среди них земельных владений в обмен на военную службу и/или налог. Военные обязанности пруссов, подразумевавшие защиту земель и участие в кампаниях против политических соперников ордена, актуализируют вопрос о составе используемого ими вооружения как показателе сохранения или изменения их уклада жизни, важной частью которого являлось военное дело. Данный вопрос, имея хронологические рамки 1255 – 1370 гг., рассматривается в статье на материале актов, хроник и агиографических памятников, охватывающих более широкий период XI – XV столетий. Основными приемами для его решения выступают типологический и сравнительно-исторический методы, подразумевающие соответственно изучение видов и типов прусского вооружения и их последующее сопоставление. Исследование позволило определить зависимость арсенала прусского ленника от политики ордена и церкви, которые стремились унифицировать как защитное, так и наступательное вооружение новых подданных, включая его в понятие «легкое оружие» и «служба доспехом», регламентируемое нормами Кульмской грамоты. Данная унификация, отражая функции пруссов в орденском войске (охрана границ, разведка и др.), стала одной из основ для их инкорпорирования в новую социальную систему.

The key aspect of incorporation of Prussians, who inhabited the South-East of Baltic region, into the social system of the State of Teutonic Order in the second half of the XIIIth – XIVth centuries was the distribution among them of land estates in exchange of military service and/or taxes. The military duties of Prussians involving defense of lands and participating in the campaigns against political rivals of Order raised the issue of the composition of their weapons which indicated either preserving or changing their current life-style, an important part of which were military affairs. This issue dates back to 1255 – 1370 and studied on the acts, chronicles and hagiography of wider period of the XIth – XVth centuries. The methodology relies on typological and comparative-historical analysis which defines the kinds and types of Prussian weapons and their subsequent comparison. The research established

links between the arsenal of Prussian lieges and politics of the Order and church, who sought to unify both defensive and offensive weapons of Prussian by involving it in the terms «light weapons» and «service by armour» that were regulated by the norms of Kulm charter. This unification identified the functions of Prussians in the Order's army (defense of borders, reconnaissance, etc.) and became one of the basis aspects of their incorporation in the new social system.

Ключевые слова: пруссы, ленник, Тевтонский орден, вооружение, акты, хроники

Keywords: Prussians, liege, Teutonic order, weapons, acts, chronicles

36

Инкорпорирование пруссов в социальную систему орденского государства во второй половине XIII — XIV в. стало одним из основополагающих факторов для становления власти братьев в Юго-Восточной Прибалтике. Оно подразумевало выделение земель нобилям и незнатым общинникам за военную службу и налог, благодаря чему орденская администрация не только увеличила доходы от земельного фонда, но и получила в свои руки значительную военную силу. Потенциал пруссов как воинов был продемонстрирован в ходе Великого восстания (1242—1283) и стал затем актуален в конце XIII — XIV в., когда братья ордена активно использовали отряды пруссов в кампаниях против Литвы и Польши [14, S. 465—466; 481—482; 21, S. 185. №338, S. 189. №348, S. 189—190. №351; 33, S. 176—189]. Это обстоятельство обуславливает вопрос, какое положение занимали пруссы в орденском войске. Маркером их статуса, помимо прочего, был состав вооружения, с которым они участвовали в боевых действиях. Речь идет о том, каким было соотношение в арсенале ленника между видами оружия, традиционными для XI — первой половины XIII в., и новыми видами, появившимися во второй половине XIII — XIV в. Решение данного вопроса позволит определить, в какой степени орденская администрация учитывала специфику прусского уклада жизни, отраженного в военной деятельности.

Рассматриваемая проблема не получила полного освещения в историографии. Большинство исследователей обращало внимание на состав прусского оружия в XII—XIII вв., отраженный в письменных, изобразительных и археологических источниках. Он включал копье, дротик, меч, топор, лук, щит, доспехи и шлем, а также арбалет [3; 7, s. 222—228; 8, s. 160; 15, s. 15—16] и формировался с учетом польского и русского влияний [2, с. 185; 6, с. 393, 396—400, 402—404, 408; 7, s. 225; 8, s. 160]. В XIII—XIV вв. состав прусского вооружения претерпел изменение: у шлемов, имевших коническую форму, появились бармица [19, p. 45] и шишак [19, p. 54—56; 20, S. 76—78], а броню заменил доспех «плата» (plata) [7, s. 225; 17, s. 187—189, 352, 358, etc.; 19, p. 65—67; 20, p. 79—81]. Между тем соотношение между традиционными и новыми видами вооружения, позволяющее сделать вывод о специфике данного арсенала, отдельно в науке ранее не рассматривалось.

Основные хронологические рамки исследования — 1283—1370-е гг., от покорения Пруссии до завершения формирования системы услов-

ного землевладения в орденском государстве [5, с. 134; 8, с. 288–290]. Однако для решения вопроса о специфике вооружения прусских ленников имеющиеся сведения будут сопоставлены с более ранними свидетельствами, а также с описаниями вооружения немецких ленников и европейских рыцарей-крестоносцев, участвовавших в кампаниях против политических соперников ордена в XIV – начале XV в.

К рассматриваемым источникам в первую очередь относятся акты, фиксирующие пожалование ордена или церкви леннику в 1255–1370 гг. и содержащие условия его военной службы. Речь идет о 379 документах, определяющих состав вооружения, с которым ленники были обязаны нести военную службу. Следующими видами письменных источников являются хроники и агиографические произведения, в которых содержатся описания оружия, используемого пруссами, братьями ордена и европейскими крестоносцами в более широких хронологических рамках (XI – начало XV в).

Переходя к изучению сведений о вооружении пруссов, содержащихся в актовом материале и хрониках, следует прежде всего отметить, что в этих источниках оно охарактеризовано отдельно. В большинстве актов (331 из 379), пожалованных пруссам в рассматриваемый период, вооружение ленников определялось как «оружие, предписанное обычаем» («*arma secundum consuetudinem / ritum terre*», «*wopen nach des landis gewonheit*»), «обычное оружие» («*solita arma*») или «прусское оружие» («*arma Pruthenticala*»). Соответственно орден привлекал к службе пруссов, подразумевая использование ими своего вооружения. В ряде актов подробно говорится о составе такого оружия. В грамоте от 12 декабря 1286 г., пожалованной ландмейстером Пруссии Конрадом фон Тирбергом (1283–1288) пруссу Тулокойте и его братьям, говорится о том, что ленники должны служить «с прусским обычным оружием, то есть с броней, шлемом, копьями и щитом» [23, S. 305. №475]. Такой же состав упоминается в грамотах, пожалованных 25 июля 1292 г. ландмейстером Мейнхардом фон Кверфуртом (1288–1299) Пельдете и Кангие, сыновьям Кудраве [23, S. 373. №595]. Этот состав вооружения получил наименование «легкое оружие»: в грамоте комтура Христбурга Лютера фон Брауншвейга (1320–1326), пожалованной Булману 21 января 1322 г., говорится, что ленник обязан служить «на коне и с легким вооружением, таким, каким являются железный шлем-котелок (дословно "шляпа". — С.Д.) или прусский шлем, щит, копье и доспехи или вместо доспехов — хороший панцирь или броня» [24, S. 275. №370, S. 366–367. №545]¹. Аналогичным образом состав «легкого оружия» описан в грамотах, пожалованных церковью немецким ленникам в 1320–1331 гг. [9, S. 345. №200; 31, S. 204. №265]².

¹ «...mit einem hengste und mit lichten wopen, darzu als eysern hut ader eyn preuscher helm, schilt, sper und plathen sind ader an der plathen stad ein gut panzer ader brune».

² Согласно последнему из указанных документов, ленник Гельгенберт обязан нести службу «с легким оружием, в панцире или латах, с железным копьем, щитом и всем, что необходимо» («*in levibus armis, in panzeria sive lathi, pileo ferreo, clipeo et aliis, quociens necesse fuerit*»).

Служба с легким оружием регламентировалась Кульмской грамотой 1251 г., в которой она названа «службой доспехом» (*platedienst*): «Тот, кто владеет аллодом или земельным участком в 10 гуффенов, обязан за этот участок с вооружением, которое по-народному называется "плата", и другим легким оружием и одним конем, для такого оружия подходящим, выполнять те же обязанности, что описаны выше» [22, S. 189]³. Данное определение использовалось для описания военной службы ленников в актах первой половины XIV в. [24, S. 293. №404; 31, S. 139. №193, S. 187. №247, S. 191. №253].

Таким образом, из приведенных документов видно, что прусское оружие получило во второй половине XIII – первой половине XIV в. свое терминологическое оформление. Оно определялось как «легкое оружие», а затем было включено в понятие «служба доспехом» и благодаря этому инкорпорировано в правовую регламентацию условного землевладения, что связано с активным встраиванием пруссов-землевладельцев в социальную систему орденового государства. Для того чтобы понять, как отразился этот процесс на составе вооружения, рассмотрим, что подразумевалось под каждым из предметов, входивших в понятие «прусское обычное оружие», отдельно, разделив его на защитное и наступательное.

Защитное вооружение

Шлем

Шлем («*galea*», «*helm*») упоминается в 12 актах как часть вооружения, используемого ленником. Функции шлема, как вооружения, защищающего голову, описаны в хронике Петра из Дусбурга [21, S. 44. №8]. Однако его использование упомянуто только в цитатах из Библии, в описаниях сражений с участием пруссов он отсутствует. Чаще шлем упоминается в хронике Виганда из Марбурга как часть вооружения, которое использовали пруссы, братья ордена и крестоносцы. Так, в 1336 г. в Пруссию прибыли рыцари из Франции и Священной Римской империи для участия в походе против Литвы, среди них были воины, облаченные в шлемы [14, S. 488. №20]. В 1366 г. комтур Норденбурга выступил против литовского князя Кейстута (1337–1381), имея 12 конных воинов, вооруженных щитами, копьями и также облаченных в шлемы [14, S. 555. №64]. В 1376 г. Теодор фон Эльнер, комтур Бальги (1374–1382), совершил поход в Жемайтию вместе с 21 братом и прусскими нобилями (каждый из воинов был облачен в шлем и броню) [14, S. 583. №92]. В хронике, повествующей о противостоянии польского короля Владислава (1386–1434) с крестоносцами, говорится о шлеме как части вооружения польского правителя [9, S. 438]. Таким образом, данный термин обозначает шлем в общем, не подразумевая каких-либо особенностей.

³ «Is vero, qui idem allodium vel decem mansos enerit, debet ratione euisdem allodia cum armature, que plata vulgariter dicitur, et aliis levibus armis et uno equo, ad arma talia competente...».

Данные особенности выявляются благодаря двум другим терминам, использованным в упоминавшейся грамоте, пожалованной Булману в 1322 г. В документе говорится о том, что ленник может служить с одним из двух видов данного оружия — шлемом-котелком (*hut*) [19, р. 48–50; 20, р. 78–79] или прусским шлемом (*pruzicher helm*). Упоминание в акте прусского шлема, встречающегося в погребениях XII–XIII вв. [4, с. 204–211], говорит о том, что данное вооружение сохраняло свое значение для прусских ленников в XIV в.

Вместе с тем возможность выбора пруссом шлема-котелка, характерного для западноевропейского вооружения, или прусского шлема позволяет судить о смешении двух типов вооружения в рассматриваемом акте. Об этом говорит также то, что в ряде документов приводится общее название для рассматриваемого вида вооружения — железный шлем (*pileum ferreum*). Он упоминается как в грамоте пруссам Дитриху и Генриху, так и в грамоте, пожалованной немецкому леннику Гельгенберту (оба документа рассмотрены выше).

Доспехи

Доспехи имеют несколько названий. Первое из них — «броня» (*brunnia, brennia, bronye, brenge*), используемое в 28 актах. Второе название — «панцирь», обозначаемое тремя близкими по общему значению словами: *thorax* (присутствует в 7 актах), *panzer* (имеется в одном акте) и *lorica* (упоминается в одном документе). Третье название — *plata*, используемое в 4 актах.

Функции доспехов как защитного вооружения описаны в хронике Петра из Дусбурга. В источнике говорится о доспехах (*lorica*), которые носил на своем теле Генрих фон Лихтенбург, брат ордена, как в сражениях, так и в мирное время для умерщвления плоти [21, S. 115–116. №131]. Схожим образом названы в данном источнике доспехи, которые носил также в мирное время другой брат ордена Энгелькон [21, S. 122. №146]. При этом термин *lorica* переведен в хронике Николая фон Ерошина как «панцирь» (*panzir*) [13, S. 455. 13189–13209, S. 465. 14079–14085], что позволяет говорить об идентичности или близости по значению данных названий.

Обращает на себя внимание, что использование доспехов упоминается в хрониках преимущественно в отношении братьев ордена. Только в одном случае о доспехах, используемых пруссами, имеется косвенное свидетельство в хронике Петра из Дусбурга. Во время похода против судовов в 1283 г. брат Фридрих Холее нанес сокрушительный удар мечом по плечу одному воину, который упал вместе с конем. Однако от удара на его теле не было ни одной раны [21, S. 145. №218]. Поскольку речь идет о язычнике, то в этом событии нельзя усматривать традиционную для хроники роль Провидения. Скорее всего, имелось в виду защитное вооружение, закрывавшее, помимо прочего, плечи, то есть доспех.

Почти все термины, встречающиеся как в актах, так и в хронике, приведены в грамоте комтура Христбурга Зигфрида фон Шварцбурга

(1307–1313, 1315) от 8 ноября 1310 г., пожалованной братьям Якобу, Герману и Фридриху. В документе говорится о том, что ленники должны участвовать в кампаниях ордена «на мерине и в доспехе или панцире, который по-народному называется «плата» или «броня» [24, S. 15. №21]⁴. Таким образом, доспех назван при помощи четырех терминов («lorica», «torax», «platis», «brunnia»), два из которых являются народными названиями. Соответственно, налицо термины, используемые в различных сферах коммуникации – официальной и народной. При этом обращает на себя внимание взаимосвязь официальных названий и их народных аналогов: lorica идентично в рассматриваемом случае термину plata, а thorax – термину brunia. Частично это соотношение (идентичность терминов thorax и brunia) подтверждается текстом грамоты Варгино и Напергано, пожалованной 8 апреля 1282 г. Вармийским пробстом Готфридом и локатором Браунсберга Иоганном: пруссы были обязаны нести службу «имея панцирь, называемый по-другому броня» [9, S. 105–106. №59]⁵. Схожим образом рассматриваемое соотношение представлено в грамоте вармийского епископа Эберхарда (1301–1326), пожалованной пруссам Дитриху и Генриху: в документе для обозначения доспеха использовано сразу два названия – официальное (thorax) и народное (brünya) [9, S. 345. №200]⁶.

Отдельное место среди рассматриваемых терминов занимал «панцирь» («panzir»). Использование его в качестве перевода для слова «lorica» позволяет предположить, что он идентичен термину «плата». Однако в акте, пожалованном Булману, эти два термина противопоставляются: ленник обязан служить, имея доспехи «плата» или (вместо них) хороший панцирь или броню. Можно предположить, что «панцирь» – это общий термин, не фиксирующий технологических особенностей доспеха, что, вероятно, стало причиной его редкого использования в актах, подробно регламентирующих вооружение ленников.

Среди терминов, используемых в письменных источниках, можно выделить две группы понятий, подразумевающих два различных вида доспехов. В первую группу входят термины thorax и brunnia, которые означали ламиллярный, то есть созданный из металлических пластин, нашиваемых на кожаную основу, или чешуйчатый доспех [19, p. 65–66]. Ко второй группе относятся plata и lorica, которые обозначали ламинарный доспех, состоявший из горизонтальных металлических пластин, нашитых на кожаную основу [19, p. 66–67]. При этом, судя по количеству упоминаний в актах, в рассматриваемый период первый вид доспеха являлся более распространенным среди прусских ленников.

Разделение доспехов, используемых ленниками, на два вида отражало, как и в предшествующем случае, специфику прусского вооружения. В то же время в ряде актов подразумевалась возможность замены одного доспеха другим. Помимо рассмотренной выше грамоты Якобу,

⁴ «...cum spadone et lorica vel torace, quod vulgariter dicitur plate vel brunie».

⁵ «...toracem habente qui alio nomine brunnia nuncupatur».

⁶ «...viro levibus armato hoc est thorace vel Brünya, hasta, clipeo et pileo ferreo...»

Герману и Фридриху, к таким документам можно отнести акт, пожалованный Булману, где указано, что ленник обязан участвовать в кампаниях, имея плату или броню вместо нее [24, S. 275. №370].

Таким образом, рассмотренные сведения говорят о смешении двух видов доспехов в арсенале прусских ленников.

Щит

Щит (*clipeum, schild*), следующий вид защитного вооружения, упоминается в 34 актах. Его использование как общераспространенного оружия отражено в хронике Петра из Дусбурга. В источнике говорится о том, что один из пруссов, совершавших набег на Польшу, был вооружен мечом и щитом, которые использовал в бою [21, S. 125. №157]. В другом случае, также описанном в хронике, брат Генрих фон Вольфершторф прикрывался щитом, когда над ним проходили конные воины [21, S. 171. №290]. Вместе с тем в указанных источниках щиты названы одними и теми же общераспространенными терминами (*clipeum* и *schild*), не отражающими специфику их конструкции. Данная специфика отражена в судебном документе 1339 г., в котором один из свидетелей упомянул прусский щит («*scutum Pruthenicum*») как указатель на принадлежность воина к орденскому войску [19, p. 82]. Речь идет о щитах-павезах, имевших прямоугольную форму с желобом внутри и распространенных в Европе в XIV – XVI вв. В письменных источниках они получили название «пруссский», или «литовский», щит, что говорит о том, что вооружение этого типа вошло в обиход пруссов независимо от влияния братьев ордена [19, p. 82; 20, p. 82 – 83].

Наступательное вооружение

Меч

В качестве оружия прусского ленника меч в актах не упоминается, однако сведения о нем как о части вооружения пруссов имеются в хрониках, где он назван общераспространенным термином *gladius*. Так, в хронике Петра из Дусбурга говорится о том, что такое оружие имел прусс Стантеко, воевавший против самбов на стороне графа Вильгельма IV фон Юлиха (годы правления 1219 – 1278) в 1262 г. [21, S. 103. №98]. В другом случае помезанин Сиренес защищал замок Христбург от нападения соплеменников в 1271 г., вооружившись мечом и копьями [21, S. 121. №143]. В третьем случае пруссы хотели обезглавить мечом попавшего к ним в плен Мартина из Голина [21, S. 125. №156]. Вождь скалов Сарека, находясь в плену у братьев ордена в 1270-х гг., сумел освободиться от пут, взял меч и начал бой, пытаясь вырваться на свободу [21, S. 135. №186]. В 1297 г. в битве при Нейермюллере в Ливонии упоминается самб, который поражал врагов мечом до тех пор, пока его руки не свело от судороги [21, S. 163 – 164. №269]⁷. Скорее всего, речь

⁷ Буквально: «...и меч застыл в его руках» («...et obrigesceret gladius in manibus ejus»).

идет о том, что прусс держал меч обоими руками. Схожим образом поступил Филипп фон Болант, фогт самбийского епископа (1303–1309), который в битве в 1305 г., произошедшей в Литве, отбросил щит и, взяв двумя руками меч, отрубил голову противнику [21, S. 171–172. №291]. В еще одном случае Мартин из Голина вместе с 11 пруссами выкрал у спящих судовов мечи, щиты и копья и вступил в бой с этим оружием [21, S. 139. №198].

Как видно из сведений хроник, меч был распространенным оружием среди пруссов, на что также указывают результаты изучения прусских погребений второй половины XIII в., в которых присутствует данное оружие [1, с. 106]. Соглашаясь с мнением А. Новаковского, следует связать отсутствие его упоминаний в актах, выданных пруссам, тем, что наличие меча у ленника подразумевалось орденской и церковной администрациями [19, р. 85–86]. Эта точка зрения подтверждается также тем, что в случае, когда использование этого оружия не было очевидным для получателя земельного участка, оно оговаривалось отдельно, как в грамоте кувяского епископа Альберта (1271–1283), выданной локаторам Альберту фон Смолна и Симону Галликусу 28 апреля 1276 г., в которой упоминается обоюдоострый меч (*gladius ancipitus*) [23, S. 235. №349].

Копье

Копье упоминается в актах как часть вооружения ленника в 31 актах: *lansea* (зафиксировано в 19 документах), *sper* (в 7 актах), *hasta* (в 5 грамотах).

Термин *lansea* относился к среднему колюще-метательному оружию. В качестве колющего оружия это копье указано в хронике Петра из Дусбурга. Так, во время боя возле Кёнигсберга в 1262 г. вождь натангов Генрих Монте пронзил (*transfixit*) копьем брата ордена Генриха фон Уленбуша [21, S. 107. №104]. В другом случае прусс после битвы при Крукке в 1249 г. насадил на копье голову убитого Иоганна, вице-комтура Бальги, и высоко поднял ее [21, S. 87–88. №66]. При осаде Эльбинга прусс Виртел пронзил вождя осаждавших при помощи копья [21, S. 129. №169]. В 1273 г. во время осады мельницы, расположенной рядом с Эльбингом, осажденные горожане, пытаясь спастись из горящего здания, падали на копья, поднятые окружившими мельницу пруссами [21, S. 129–130. №170]. В некоторых случаях прусский воин (как упоминавшийся выше Сиренес) мог быть вооружен несколькими копьями.

В ряде случаев о данном копье говорится как о метательном оружии, используемом и пруссами, и литвинами, и братьями ордена. Так, судовы во время похода в Польшу в 1279 г. метали копья в захваченную ими икону с изображением Богоматери [21, S. 141. №207]. Во время похода в Литву на замок Экенберг в 1361 г. брат ордена Конрад Голберг метнул копье и сбил им русского боярина Патрикея с коня [14, S. 528. №52]. Комтур Инстербурга, потерпев поражение во время похода в

Литву в 1376 г., был вынужден спасаться бегством на лодке, в которую литвины вонзили 6 копей [14, S. 581. №91], то есть метнули оружие, стараясь попасть в находившихся в ней братьев.

Помимо перечисленных случаев о широком распространении колюще-метательного копья говорят сведения хроники Петра из Дусбурга, согласно которым оно присутствовало в погребальном инвентаре пруссов, чтобы сопутствовать в загробной жизни [21, S. 54. №7]. Данное утверждение подтверждается археологическими данными, согласно которым копье регулярно присутствует в инвентаре прусских захоронений, сделанных до и после орденского завоевания в XIII–XIV вв. [1, с. 107; 2, с. 301–302].

Термину *lancea* в средневерхненемецком языке соответствовало слово *spere*, о чем свидетельствует перевод рассмотренных выше сведений о сражениях 1249, 1262 и 1273 гг. в хронике Николая фон Ерошина [13, S. 407. 9088, S. 439. 11803, S. 478. 15174].

В противоположность *lancea* длинное копье (*hasta*) упоминается в источниках реже, также имея при этом широкое географическое распространение. В качестве оружия, используемого пруссами, данный вид копья упоминается в страстях св. Адальберта: именно таким оружием прусский воин нанес раны св. Адальберту перед тем, как епископ был обезглавлен [12, S. 230; 34, s. 233]. К XII в. относится использование рассматриваемого термина в Польской хронике, в которой он обозначает оружие, применяемое польскими воинами [11, s. 750].

В хронике Петра из Дусбурга термин *hasta* используется редко: о нем говорится в описании оружия в Библии [21, S. 40. №8], а также при характеристике осады замка Писта в Жемайтии в 1322 г. Литвины, защищавшие замок, взяв вдвоем или втроем одно длинное копье, сталкивали со стен тяжеловооруженных рыцарей и братьев ордена [21, S. 186. №340]. Отдельно следует отметить, что специфика использования копья в этом случае указывает на использование длинного и тяжелого копья. Это позволяет сделать вывод о том, что размеры и назначение данного вида копья, зафиксированные в источниках XI–XII вв., сохранились и в XIV в.

Оба термина, *lancea* и *hasta*, могли обозначать вооружение, которым обладали братья ордена и крестоносцы. В хронике войны короля Владислава с крестоносцами упоминаются они оба как копья, которые рыцари носили на плече и перед битвой при Грюнвальде в 1410 г. прикрепили к щитам [10, s. 438].

Сведения источников позволяют, таким образом, констатировать сосуществование в рассматриваемый период двух видов копий, среднего колюще-метательного (*lancea*) и длинного колющего (*hasta*), которыми пользовались прусские ленники. Это оружие было общепотребительным на всей территории Европы. К концу XIV в. началось смешение двух терминов, о чем свидетельствует описание метательного оружия в житии св. Доротеи, данное Иоганном из Мариенвердера в конце XIV в.: «Тот, кто ранит [чью-либо] любовь, тот, само собой, тут же ранит его душу и сердце на многие годы сильно и с разных сторон ма-

ленькими стрелами, большими стрелами, весьма большими копьями. Маленькая стрела является в общем виде небольшим снарядом, имеющим вид (дословно — по виду. — С.Д.) стрелы или маленького копья; стрела, как она называется всеми, хотя должна приниматься за дротик или метательный снаряд, который начинается острием, а затем с обеих сторон расширяется, [и] который, когда вонзится, можно извлечь с большим ущербом или разрывом; копьё является длинной пикией. И эти три названия звучат по-народному "пфейел" (pfeuel), "штрёл" (stroel) и "шпер" (sper)» [16, S. 363]. Определение копья как длинной пики связано с тем, что его функции как метательного оружия отнесены автором к дротикам, которые он приравнивает к стрелам. Однако это терминологическое смешение не стало в рассматриваемый период нормой, если судить по приведенным выше сведениям польской хроники о раздельном использовании lancea и hasta.

Кроме данных сведений сложившееся значение рассматриваемых терминов подчеркивается использованием в хрониках отдельных названий для обозначения других видов колющего и метательного оружия. В частности, к среднему копьё близок по функциям дротик (jaculum), также используемый как метательное оружие. В хронике Петра из Дусбурга говорится, что во время обороны Хризмемеля в июле 1324 г. братья ордена закидали литовцев дротиками [21, S. 190. №355]. Возможно, схожей функцией обладало короткое копьё (modica lancea), которым слуга Генриха фон Уленбуша ранил Генриха Монте в вышеупомянутом сражении при Кёнигсберге. Схожее значение имел термин «малое копьё» (lansealum), употребляемый в хронике Виганда из Марбурга: во время похода в Жемайтию в 1376 г. литовцы захватили в плен брата ордена и убили его, метнув указанное оружие [14, S. 583. №92].

Таким образом, терминология, используемая для обозначений копий ленников, с одной стороны, была общепотребительной, что связано с широким распространением данных видов оружия, а с другой — подразумевала определенные особенности, связанные с их использованием.

Арбалет

Арбалет (ballista) не имел широкого хождения среди пруссов в XII—XIII вв. Показателен случай, описанный Петром из Дусбурга, о том, как при осаде Кёнигсберга в 1262 г. некий прусс надел себе на шею взведенный арбалет, который при срабатывании убил его [21, S. 107. №105]. Однако уже в 1294 г. в акте вармийского епископа Генриха (1278—1300) упоминается прусс Арнольд, который получил в наследственное владение поле Свенкитен и был обязан за это нести службу на мерине и с арбалетом, а также чинить это оружие [9, S. 162—163. №93]. Быстрая адаптация прусса к новому оружию в данном случае связана с отлаженным процессом обучения, который тем не менее касался только отдельных персон: в рассматриваемый период это оружие упоминается только еще один раз в грамоте 5 июня 1346 г., пожалованной соборным капитулом Вармии Иоганну Спарове [27, S. 35—36. №34].

Таким образом, рассмотренные термины, используемые в письменных источниках, говорят о том, что специфика арсенала прусских ленников отражена в отношении отдельных видов защитного вооружения (шлема и доспехов), в то время как термины, обозначающие наступательное (меч, копье, арбалет) и частично защитное (щит) оружие были общепотребительными. Вместе с тем на протяжении XIV в. наблюдалось смешение видов местного и общеевропейского оружия (шлем и доспехи) в арсенале ленников, что говорит о постепенной унификации вооружения пруссов и остальных воинов, служивших в орденском войске.

Другим маркером специфики или общепотребительности вооружения прусских ленников являются сочетания рассмотренных видов оружия, которые отражены в 58 документах, охватывающих 1255–1369 гг.:

1) щит и копье. К этому виду определений относится также и определение, в котором вместо среднего копья упоминается длинное копье. Данное определение встречается в 21 документе, относящемся к 1255–1310 гг. [22, S. 228. №306; 23, S. 114–115. №138, S. 121. №144, S. 122. №145, S. 125. №148, S. 128–129. №155, S. 188–189. №262, S. 218–219. №322; 32, S. 39. №73, S. 90. №182].

2) щит, копье и броня. Упоминается в 5 документах, охватывающих 1278–1292 гг. и выданных вице-ландмейстером Конрадом фон Тирбергом и ландмейстером Мейнхардом фон Кверфуртом [22, S. 244–246. №362, 363, S. 259–260. №381; 23, S. 362. №575; S. 368. №588].

3) щит и броня. Встречается в одном документе, выданном вармийским епископом Генрихом в 1282 г. [9, S. 105–106. №59].

4) броня, «плата». Упоминается в 15 актах, пожалованных в 1284–1369 гг. [23, S. 279–280. №438, S. 317–318. №499; 24, S. 593–594. №879; 25, S. 120. №166; 26, S. 337. №475, S. 342–343. №479, S. 476–477. №593; 30, S. 412–413. №723; 32, S. 78–79. №161 etc.].

5) броня, шлем, копья и щит. К этому виду определений относится также и то, в котором вместо колюще-метательного копья упоминается колющее копье (*hasta*). Встречается в 6 документах, датированных 1285–1331 гг. [9, S. 345. №200; 23, S. 305. №475, S. 373. №595, S. 373–374. №596; 24, S. 275. №370, S. 366–367. №545].

6) щит. Упоминается в 3 документах, пожалованных ландмейстером Мейнхардом фон Кверфуртом в 1293–1297 гг. [23, S. 386–387. №611, S. 411–412. №650, S. 428. №682].

7) броня и шлем. Встречается в 5 документах, пожалованных в период 1352–1361 гг. [28, S. 67. №114, S. 312. №550, S. 349. №623, S. 451. №793, S. 596. №1048].

8) арбалет. Упоминается в двух документах 1294 и 1346 гг., пожалованных соответственно епископом Генрихом и соборным капитулом Вармийского диоцеза [9, S. 162–163. №93; 27, S. 35–36. №34].

Как видно, выделенные сочетания имеют определенные хронологические рамки: если для второй половины XIII – начала XIV в. характерно использование определения «служба с щитом и копьем», то начиная с конца XIII в. в это определение входят термины «броня» и «шлем», сначала появляясь в отдельных актах, пожалованных орден-

скими чиновниками, а затем получая более широкое распространение. Так, в большинстве документов, пожалованных прусским ленникам в 1278–1370 гг. (35 актах из 42) упоминается это защитное вооружение. В данных случаях дарителям было необходимо подчеркнуть обязательное наличие у прусского ленника именно этого вида вооружения, требуемого для военной службы согласно Кульмской грамоте. Схожая ситуация характерна для пруссов, служивших с арбалетом. Несмотря на то что использование этого оружия не было специально упомянуто в грамоте как условие службы с «легким оружием», выделение стрелков было также характерно для орденского войска. Поэтому, упоминая в акте пожалования службу с арбалетом, даритель подчеркивал военную специализацию ленника.

Таким образом, орден унифицировал терминологию, относящуюся к вооружению, с которым были обязаны служить пруссы, приведя ее в соответствие с положениями Кульмской грамоты, применяемыми в его государстве. Эта унификация отражала функции прусских ленников в орденском войске, которые состояли в охране границ, разведке, а также в рейдах и подразумевали прежде всего конную службу с легким вооружением [18, s. 1008]. Во время походов пруссы также несли охрану укрепленного лагеря (как во время похода 1338 г. в Литву) [14, S. 493. №23] и выполняли обязанности оруженосцев [21, S. 157. №253]. В этой ситуации широкое распространение защитного вооружения (шлема и брони), наблюдаемое в актах 1278–1370 гг., имело социальную основу: происходил процесс формирования группы профессиональных воинов-ленников, близкой по положению к рыцарскому сословию. Об этом свидетельствуют грамоты, фиксирующие их имущественное положение, в которых они определены термином «воин/рыцарь» (*miles*) [29, S. 258. №453; 32, S. 243. №332].

Итак, арсенал прусских ленников XIII–XIV вв. включал в себя как традиционные для них, так и привнесенные завоевателями виды вооружения. Орден и церковь, определяя условия службы пруссов, стремились унифицировать этот арсенал. Для этого защитное прусское вооружение (конический шлем и броня) активно включалось в понятия «легкое оружие» и «служба доспехом», определявшие арсенал ленников согласно Кульмской грамоте, а также смешивалось в определениях условий службы с европейскими аналогами (шлемом-котелком и «платой»).

Данная унификация, отражая функции пруссов в войске (разведка, охрана и рейды) и фиксируя постепенное выделение среди них профессиональных воинов, стала одной из основ для их инкорпорирования в социальную систему орденского государства.

Список литературы

1. *Валуев А.А.* Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велау // Проблемы Балтийской археологии : сб. науч. тр. / науч. ред. Э.Б. Зальцман. Калининград, 2003. С. 104–108.
2. *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М., 2003. Т. 1.

3. *Перцев В.Н.* Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами // Ученые записки Белорусского государственного университета. Сер.: История. 1955. Вып. 23. С. 90–123.
4. *Скворцов К.Н.* Средневековый шлем из могильника Кляйнхайде // Краткие сообщения Института археологии. М., 2014. Вып. 232. С. 203–214.
5. *Трокаль Т.В.* Государство Тевтонского ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
6. *Широухов Р.А.* Импорты древнерусских типов на территории пруссов в X/XI–XIV вв. // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев ; сост. И.Е. Зайцева. М. ; Вологда, 2014. С. 386–412.
7. *Aścik K.* O wojskowości Prusów w V–XIII wieku // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1968. T. 2. S. 221–237.
8. *Biskup M., Labuda G.* Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.
9. *Codex Diplomaticus Warmiensis*. Bd. 1 / hrsg. von C.P. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1860.
10. *Cronica conflictus Wladislai regie Polonie cum cruciferis anno Christi 1410* // wyd. Z. Celichowski. Poznań, 1911.
11. *Chronica et gesta ducum sive principum polonorum* // *Monumenta Poloniae Historica*. Bd. 1 / wyd. A. Bielowski. Lwów, 1864. S. 390–485.
12. *Passio sancti Adalberti episcopi et martiris* // *Monumenta Poloniae Historica*. Bd. 1 / wyd. A. Bielowski. Lwów, 1864. S. 189–222.
13. *Di Kronike von Pruzinlant des Nicholaus v. Jeroschin* // *Scriptores rerum prussicarum*. Leipzig, 1866. Bd. 1. S. 303–624.
14. *Die Chronik Wigands von Marburg* // *Scriptores rerum prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 453–662.
15. *Fischer A.* Etnografia dawnych Prusów. Gdynia, 1937.
16. *Johannes von Marienwerder. Septilium venerabilis dominae Dorothee* // *Scriptores rerum prussicarum* / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 360–367.
17. *Kwiatkowski K.* Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230–1525. Toruń, 2016.
18. *Kujot S.* Dzieje prus królewskich. Toruń, 1915. Cz. 1 : Do roku 1309.
19. *Nowakowski A.* Arms and Armour in the Medieval Theutonic Order's State in Prussia. Łódź, 1994.
20. *Nowakowski A.* Some remarks about weapons stored in the arsenals of the Teutonic Order's castles in Prussia by the end of the 14th and early 15th centuries // *Das Kriegswesen der Ritterorden in Mittelalter* / hrsg. von Z.H. Nowak. Toruń, 1991. S. 75–88.
21. *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae* // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 21–219.
22. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1881. Bd. 1. Hft. 1.
23. *Preussisches Urkundenbuch* / Bearb. A. Seraphim. Königsberg, 1909. Bd. 1. Hft. 2.
24. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg, 1932–1937. Bd. 2. Lief. 1–3.
25. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von M. Hein. Königsberg, 1944. Bd. 3. Lief. 1.
26. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von H. Koeppen. Marburg, 1958. Bd. 3. Lief. 2.
27. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von H. Koeppen. Marburg, 1964. Bd. 4.

28. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1969–1975. Bd. 5. Lief. 1–3.
29. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1986. Bd. 6. Lief. 1.
30. *Preussisches Urkundenbuch* / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 2000. Bd. 6. Lief. 2.
31. *Urkundenbuch des Bisthums Culm* / bearb. von C. P. Woelky. Danzig, 1885. Th. 1.
32. *Urkundenbuch des Bisthums Samland* / hrsg. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig, 1891–1905. H. 1–3.
33. Vercamer G. Die Freien im Deutschordensland Preußen als militärischer Rückhalt Ende des 14. – Anfang des 15. Jahrhunderts // Tannenberg – Grunwald – Žalgiris 1410: Krieg und Frieden im späten Mittelalter / hrsg. von W. Paravicini, R. Petruskas, G. Vercamer. Wiesbaden, 2012. S. 175–189.
34. *Vita Sancti Adalberti* // Monumenta Poloniae Historica. Bd. 1 / wyd. A. Bielowski. Lwów, 1864. S. 162–183.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов – канд. ист. наук, Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

The author

Dr Sergey A. Denisov, PhD (History) Institute of Archeology RAS, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

*И. О. Дементьев***КОНСТАНТИН СКРЯБИН В КЁНИГСБЕРГЕ:
ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ**

Поступила в редакцию 20.07.2021 г.

Рецензия от 03.08.2021 г.

49

На основе мемуаров выдающегося отечественного гельминтолога К. И. Скрябина (1878 – 1972) воссозданы обстоятельства его пребывания в Кёнигсберге в 1912 – 1913 гг. Публикуются архивные документы, отражающие попытки советских руководителей увековечить в 1956 – 1957 гг. память Скрябина в Калининграде. В числе прочего внимание уделено историографическому курьезу вокруг вопроса об установке мемориальной доски К. И. Скрябину. Сформулированы рекомендации по сохранению памяти о Скрябине в современной Калининградской области.

Based on memoirs of the outstanding Russian helminthologist Konstantin Skryabin (1878 – 1972), the article reconstructs the circumstances of his stay in Königsberg in 1912 – 1913. The research introduces the archive documents that reflect the attempts of the Soviet officials to commemorate Skryabin in Kaliningrad in 1956 – 1957 and gives recommendations for preserving the memory of Skryabin in the contemporary Kaliningrad region. The author analyses a curious statement in historiography concerning the issue of the establishment of a plate in memory of Skryabin.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, гельминтология, Кёнигсберг, Кёнигсбергский университет, Константин Иванович Скрябин

Keywords: East Prussia, helminthology, Königsberg, University of Königsberg, Konstantin Skryabin

В немецкой историографии ранней истории Калининградской области вскользь упоминается один любопытный сюжет, связанный с историей Кёнигсбергского университета и русско-немецких научных связей. Берг Хоппе в книге «На развалинах Кёнигсберга. Калининград 1946 – 1970» пишет:

...В декабре того же [1956] года сотрудники местного Ветеринарного института ходатайствовали перед облисполкомом об установке на руине кёнигсбергского Зоологического музея мемориальной таблички К. И. Скрябина, который работал там в 1912 – 1913 годах и позднее стал заслуженным советским ученым. Эта табличка, которая оставалась единственным указанием на гражданскую деятельность россиянина в городе до 1945 года, была установлена в течение следующего года. Что случилось с табличкой после сноса руины, неизвестно [13, С. 199].

При этом исследователь сослался на документ, хранящийся в фондах Государственного архива Калининградской области, — письмо директора Калининградской ветеринарной станции в облисполком от 21 декабря 1956 г. Позднее другой немецкий историк, Пэр Бродерзен, процитировав слова Хоппе о «небольшом буме памятников» в Калининграде середины 1950-х гг., привел в качестве примера наряду с памятниками Багратиону и Кутузову табличку в память «зоолога Константина Скрыбина» [12, S. 110]. Бродерзен дал ссылку на тот же документ из ГАКО, что и Хоппе, но датировал его 13 декабря 1956 г. [Ibid., S. 287].

Информация, опубликованная Хоппе, особенно интересна, потому что действительно для советской политики памяти в новом российском регионе в течение десятилетий был характерен акцент на присутствии в Восточной Пруссии русской армии (в частности, знаменитых полководцев), но не гражданских лиц. Возвращение имен «россиян в Восточной Пруссии» на мемориальную карту калининградцев началось, по сути, лишь в годы Перестройки. В 2001 г. вышел фундаментальный биографический словарь Ю. В. Костяшова и Г. В. Кретицина [4], обобщивший большое количество данных о наших соотечественниках, которые учились или работали (либо просто путешествовали) в Восточной Пруссии до Второй мировой войны. Однако среди более чем полутора тысяч персоналий, сведения о которых приведены в словаре, Константина Скрыбина нет. Российские историки — как специалисты по русско-немецким академическим связям, так и краеведы — не проявляли к нему особого интереса. Между тем этот сюжет, как я постараюсь показать далее, заслуживает особого внимания.

Классик гельминтологии

Константин Иванович Скрыбин родился 25 ноября (7 декабря) 1878 г. в Санкт-Петербурге. Он окончил Томское реальное училище, после чего поступил в Ветеринарный институт в Юрьеве (ныне Тарту, Эстония), где учился в 1900–1905 гг. (здесь и далее биографические сведения приводятся по публикациям: [5; 7; 8; 10]). В течение шести лет после окончания института он работал ветеринарным врачом в Туркестане, где увлекся гельминтологией, изучающей червей — возбудителей гельминтозных болезней. Собрав значительную гельминтологическую коллекцию, Скрыбин повысил квалификацию на курсах усовершенствования ветеринарных врачей в Санкт-Петербурге в 1911 г., после чего получил возможность пройти двухлетнюю стажировку за рубежом (1912–1914). Молодой российский ученый выбрал три места для стажировки — Кёнигсберг, Невшатель и Париж.

В Кёнигсберге его научным руководителем стал профессор Макс Браун. Скрыбин привез с собой свою туркестанскую коллекцию и под руководством авторитетного ученого разработал собственную научную методику. По итогам стажировки и на основе своих многочисленных

материалов он защитил в 1916 г. в Юрьевском ветеринарном институте магистерскую диссертацию «К характеристике гельминтофауны домашних животных Туркестана».

Скрябины с сыном Сережей и братом ученого Николаем Ивановичем Скрябиным в Пруссии

Источник: [9, вкл. между с. 80–81].

После революции Скрябин работал в Новочеркасске, а с 1920 г. — в Москве, где состоялся как всемирно известный ученый-гельминтолог, основоположник научной школы, организатор науки. Он создал в 1932 г. Всесоюзный институт гельминтологии (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт гельминтологии им. К.И. Скрябина Российской академии сельскохозяйственных наук), в годы Великой Отечественной войны — гельминтологическую лабораторию Академии наук СССР (ныне Институт паразитологии РАН). В течение нескольких десятилетий он вел интенсивную исследовательскую работу, которая прекратилась только с его смертью, наступившей 17 октября 1972 г. в Москве.

За свою долгую, почти вековую жизнь Скрябин снискал признание — доктор ветеринарных, медицинских и биологических наук, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Сталинских премий, Герой Социалистического Труда, он стал одним из самых авторитетных гельминтологов не только в СССР, но и в мире. Кроме ВНИИ гельминтологии его имя носят Кыргызский национальный аграрный университет в Бишкеке и Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии; в Москве и Бишкеке есть улицы, названные в память о

Скрябине; в российской столице установлены мемориальные доски на домах, где он жил, а в городе Новомиргороде Кировоградской области (Украина) – бюст выдающегося ученого. Не отмечена никак его память только в Калининграде – в городе, где в некотором смысле началось его восхождение к славе.

Скрябин в Кёнигсберге

В подробных воспоминаниях Скрябина уделено внимание и восточнопрусскому отрезку его биографии. Он вместе с отцом, женой и четырехлетним сыном приехал в Кёнигсберг в первой половине июня 1912 г. [9, с. 84]. Описание знакомства русского ученого с Брауном заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным полностью:

Я направился в Зоологический музей, в здании которого располагалась кафедра зоологии. Здесь работал знаменитый гельминтолог Макс Браун. Звоню. Открывает мне дверь швейцар, который на мой вопрос, могу ли я видеть профессора Брауна, отвечает подчеркнуто: «Гехеймрат (то есть тайный советник) Браун занят».

Оказалось, я попал в тот час, когда Браун отдыхает после обеда, и мне предложили зайти в 5 часов вечера. Браун принял меня в своем кабинете, в котором он работал после обеда, в домашнем халате и в мягкой обуви. Я рассказал о цели своего приезда. Мне предоставили рабочее место возле одного из окон музея между двумя шкапами. Руководить моей работой обещал сам Браун.

Стояло жаркое лето, в городе было душно. По совету знакомых я снял виллу невдалеке от Кенигсберга, в Кранце, курортном местечке, на самом берегу Балтийского моря. Здесь поселилась моя семья, сюда привезли мы больного отца. Я ежедневно после работы приезжал в Кранц из Кенигсберга на дачных поездах, которые везли маленькие паровозы, носившие имена: «чайка», «сокол» и «тюлень» [9, с. 85].

Отец К. И. Скрябина тяжело болел, и из-за этого осенью семья не смогла выехать из Кранца. Между тем начались холода, а отопления на вилле не было, поэтому они «вынуждены были разливать на железные противни денатурированный спирт, разжигать его и этим греться» [Там же, с. 86]. В октябре 1912 г. Иван Константинович Скрябин умер. «Мы похоронили его на курортном кладбище, – пишет мемуарист, – в сосновом парке, возле самого берега моря» [Там же]. Территория кладбища на востоке Кранца в настоящее время занята старым городским кладбищем Зеленоградска (по ул. Московской). Кладбище действующее, но надгробий немецкого времени там не сохранилось (благодарю за эти сведения Н. А. Шумилу).

В воспоминаниях Скрябин рассказывает о своей работе с научной литературой, которая не была ему доступна ранее, а также о том, как у него зародились идеи систематизировать виды гельминтов. Молодой исследователь вознамерился описать «весь огромный мир паразитических червей» [9, с. 86], хотя уже тогда он отдавал себе отчет в сложности подобного предприятия.

Особого внимания мемуарист удостаивает Максимилиана Брауна — своего куратора в Альбертине. Браун родился в 1850 г. в силезском городе Мысловиц (ныне Мысловице, Польша), учился в Грайфсвальде и Вюрцбурге, в 1880–1883 гг. работал прозектором Анатомического института в российском Дерпте и в разных городах Германии. С 1891 г. Браун — профессор зоологии и анатомии в Кёнигсбергском университете, где ему довелось занимать разные административные посты. С начала 1920-х гг. Браун сосредоточился на гельминтологии. Активный организатор исследовательских экспедиций, опытный преподаватель, издатель научных трудов, директор Зоологического музея Альбертины (основанного в 1830 г. знаменитым К. Бэром), сооснователь Кёнигсбергского зоопарка и орнитологической станции на Куршской косе, Макс Браун был одним из самых авторитетных профессоров Кёнигсбергского университета на протяжении нескольких десятилетий. В столице Восточной Пруссии он и умер в 1930 г. [14, S. 508–509].

Зоологический музей в Кёнигсберге, 1930 г.

Источник: URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/4c/Zoologisches_Museum_K%C3%B6nigsberg.jpg (дата обращения: 15.07.2021). Распространяется по лицензии Creative Commons (CC BY-SA 4.0).

Браун помог Скрыбину опубликовать в авторитетных немецких журналах в 1913 г. первые научные работы с описанием новых видов гельминтов. По всей видимости, он действительно был неординарной личностью — мемуарист рисует такой его портрет:

Отношения с Брауном у меня установились хорошие, невзирая на то, что это был суровый, надменный старик, державший своих подчиненных в

страхе и трепете. Я чувствовал, что со мной он держится более просто, чем с немцами. Бывало, подойдет к моему рабочему месту, сядет непринужденно на соседний стол, опершись ногами на стул, и рассказывает мне, как он работал в России (в 80-х годах он был профессором Дерптского университета, где сделал свое знаменитое открытие по расшифровке биологического цикла гельминта человека, так называемого широкого лентеца). Если в это время он слышал чьи-либо шаги, он сразу принимал официальный вид и становился «гехеймратом».

У меня язык не поворачивался называть Брауна тайным советником. И наедине с ним и при посторонних я всегда называл его профессором. Он на меня не обижался, однако надо было видеть вытянутые лица докторантов и ассистентов, при которых я разрешал себе такую, с их точки зрения, вольность. Думаю, они относили ее за счет некультурности русского человека. Впоследствии они к этому привыкли, а первое время смотрели на меня не только с удивлением, но и с явным беспокойством: «как бы чего не вышло» неприятного. Субординация была очень строгой: младшего ассистента Дампфа все именовали доктором, старшего ассистента Люэ — профессором, а самого Брауна никто не смел назвать иначе, как гехеймратом. Был в Пруссии еще более высокий титул — превосходительство, но Браун до него не дослужился [9, с. 87]¹.

Скрябин упоминает наряду с Брауном других кёнигсбергских зоологов. Макс Люэ (Max Lühe, 1870—1916) учился в Альбертине и защитил в 1897 г. кандидатскую диссертацию под руководством Брауна. Титулярный профессор с 1909 г., он также занимался гельминтологией. Участвуя в Первой мировой войне как медик, умер от инфекционной болезни в госпитале на Восточном фронте [14, S. 579]. На 1906 г. Люэ проживал по адресу: Трагхаймер Пульверштрассе, д. 4а [11, S. 287], в настоящее время на месте этого дома парковка за д. 9—15 по ул. Минской. Альфонс Дампф (Alfons Dampf, 1884—1949) — энтомолог, сын капитана русского торгового судна, также выпускник Альбертины, с 1907 г. — второй ассистент в Зоологическом музее в Кёнигсберге, с 1913 г. — первый ассистент. Работал на государственной службе как энтомолог в Восточной Африке. Добровольцем участвовал в Первой мировой войне, затем, в начале 1920-х гг., непродолжительное время работал в Кёнигсбергском университете, после чего переехал в Мексику. Там он получил гражданство и умер вскоре после Второй мировой войны [14, S. 516—517].

...Весной 1913 г. Скрябины покинули Кёнигсберг и отправились в Невшатель, где Константину Ивановичу предстояло повышать квалификацию под руководством швейцарского зоолога Отто Фурмана.

¹ Автор художественной биографии Скрябина М. Поповский явно «приукрашивает» характеристику Брауна, к которому русский стажер относился с большим уважением до конца жизни: «Профессор Макс Браун в Кёнигсберге багровел от возмущения, если только кто-нибудь из студентов пытался именовать его иначе, как "герр гехаймрат" — господин тайный советник. Но этот пруссак-солдафон отлично знал все особенности трематод — большого класса паразитических червей» [8, с. 38].

«Перед отъездом, — пишет мемуарист, — мы навестили папину могилу, поставили памятник. Мы сфотографировали могилу на память, зная, что больше сюда никогда не приедем» [9, с. 88].

Адрес Скрябиных в Кранце, к сожалению, не сохранился. Но место, где он бывал постоянно в Кёнигсберге, локализовано со всей точностью. Это Зоологический музей на Штернвартштрассе, д. 1, в здании которого, собственно, проживал и сам Макс Браун [11, S. 58] — ныне на месте его руин стоит дом 35—39 по ул. Генерала Галицкого в Калининграде. Именно там профессор Браун принимал Скрябина, и именно там должна была появиться в 1957 г. мемориальная доска.

Была ли доска?

55

Документ, который обнаружил в калининградском архиве Б. Хоппе, публикуется ниже. Он датирован не 13 и не 21 декабря, а 14 декабря 1956 г., именно эта дата указана на бланке. Рукописные пометки на документе позволяют восстановить хронологию событий: 15 декабря письмо было зарегистрировано в канцелярии общего отдела облисполкома (№531), а 21 декабря — под №1234 в управлении культуры; тогда же оно было отписано для предложений «т. Зубкову».

Документ отложился в фонде исполнительного комитета Калининградского областного Совета депутатов трудящихся — в деле, содержащем переписку исполкома за 1955—1963 гг. [2, л. 42]. Текст публикации приведен к современным нормам орфографии.

СССР

Министерство сельского хозяйства и заготовок
Калининградская научно-исследовательская
ветеринарно-опытная станция

14 декабря 1956 г.

№997

г. Калининград обл., ул. Тельмана, 9

тел. 53—16

Заместителю председателя Калининградского Облисполкома
тов. Марцеву К. П.

Коллектив Калининградской научно-исследовательской ветеринарной станции ходатайствует об установлении мемориальной доски на здании бывшего Кёнигсбергского зоологического музея выдающемуся русскому ученому, депутату Верховного Совета СССР 2 и 3-го созывов, Лауреату Сталинских премий, Действительному члену Академии Наук СССР, Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук имени Ленина, Академии Медицинских Наук СССР и Председателю Правления Всесоюзного Общества Гельминтологов Академии Наук СССР СКРЯБИНУ Константину Ивановичу, который с апреля 1912 г. по февраль 1913 г.² работал в этом музее по гельминтологии.

Вместе с этим также ходатайствуем о восстановлении могилы отца академика К. И. СКРЯБИНА в г. Зеленоградске. Он был похоронен в бывшем г. Кранце, на немецком кладбище в песчаных дюнах недалеко от берега моря.

² Согласно мемуарам самого Скрябина, с июня 1912 г. в течение десяти месяцев, то есть до марта 1913 г.

На могиле был водружен прочный большой цементный (с мраморной крошкой) крест с надписью «СКРЯБИН Иван Константинович 1850–1912» и положена рака (прямоугольная цементная с мраморной крошкой рама для посадки цветов).

Директор НИВС,
канд. ветнаук

П. БИТЮКОВ

Секретарь парторганизации,
канд. ветнаук

Г. ЗЕЛЕНЕНКО

Председатель месткома,
канд. ветнаук

В. КОЛОКШАНСКИЙ

56

В деле также подшит черновик ответа К. П. Марцева на это письмо [2, л. 43]. Он написан не на бланке, но содержит рукописную пометку с указанием на номер исходящего письма — №8-г (?) от 16 января 1957 г., есть еще пометка с датой 12 января 1957 г. и подписью — вероятно, готовившего его лица. Документ не подписан.

г. Калининград, ул. Тельмана
Директору Калининградской научно-исследовательской ветеринарной
опытной станции
тов. БИТЮКОВУ П. А.

На №997

Исполком Калининградского областного Совета депутатов трудящихся сообщает, что областное Управление культуры в 1957 году восстановит мемориальную доску на здании бывшего Кёнигсбергского зоологического музея, где в 1912–1913 годах работал выдающийся русский ученый гельминтолог СКРЯБИН Константин Иванович.

Что касается восстановления могилы отца академика СКРЯБИНА К. И. в гор. Зеленоградске, то найти ее на немецком кладбище в гор. Зеленоградске не представилось возможным, так как кладбище в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. немцами было изрыто траншеями и большинство могильных знаков уничтожено.

Зам. председателя Калининградского
исполкома Областного Совета депутатов трудящихся К. Марцев

Таким образом, уверенности в том, что доска была установлена, нет. Берт Хоппе в письме автору статьи 21 мая 2021 г. подтвердил, что единственный имевшийся в его распоряжении источник сведений о намерении облисполкома установить доску — вышеуказанный ответ К. П. Марцева. Однако этого протокола о намерениях недостаточно: не говоря о том, что документ в деле — лишь черновик, нужно понимать, что в условиях 1957 г. намерение необязательно должно было быть реализовано, причем по разным причинам. Любопытно, что в письме речь идет о *восстановлении* доски — это, вероятно, описка. Характерно также, что работники исполкома, судя по ответу, провели какую-то проверку обстановки на старом кладбище в Зеленоградске.

Судя по точности описания могилы в письме руководителей ветстанции, источником сведений мог быть и сам К. И. Скрябин (странно, впрочем, в этом случае, что месяцы его кёнигсбергской жизни указаны

со смещением). Нет информации о том, смог ли он побывать в Калининграде после Великой Отечественной войны. По крайней мере в воспоминаниях он об этом не говорит, упоминая лишь свой визит в ГДР в 1951 г.:

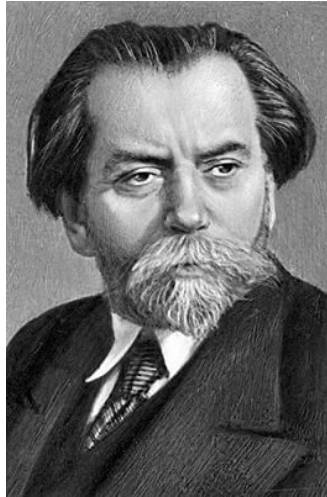
Выступая в ГДР с лекциями по гельминтологии, я видел, насколько далеко мы ушли вперед в развитии этой науки. Было время, когда я прибыл в Германию, чтобы из дилетанта вырасти в специалиста-гельминтолога. Я вспоминал свое первое посещение Кёнигсберга, его Зоологический музей и свою десятимесячную работу у знаменитого Макса Брауна. С тех пор прошло 40 лет... [9, с. 382].

Как бы то ни было, какой-то контакт между сотрудниками опытной ветеринарной станции в Калининграде и К.И. Скрябиным в 1956 г. мог иметь место. Косвенно это подтверждает внук К.И. Скрябина, также выдающийся российский биолог и академик РАН К.Г. Скрябин (1948–2019). В интервью он рассказывает о своих поисках могил предков:

Есть могилы, которые я не нашел, – моего прадеда, отца Константина Ивановича. Дело в том, что в 1911 году Константин Иванович и Елизавета Михайловна, мои бабушка и дедушка, уехали во Францию, взяв с собой старшего сына (отца еще не было, он родился в 1917-м) и своего отца. И по дороге во Францию, в Кенигсберге, он скончался, где и был похоронен. *После войны дед пробовал найти эту могилу, но она не сохранилась* (курсив мой. – И.Д.). А все остальные могилы мы знаем начиная примерно с 1700 года [1].

О подписавших письмо сотрудниках ветстанции есть довольно скудные сведения (авторефераты кандидатских диссертаций двоих из них хранятся в фондах Российской государственной библиотеки, диссертацию П. А. Битюкова найти не удалось). Григорий Семенович Зелененко (ум. не ранее 1964 г.) защитил в 1956 г. диссертацию «Сибирезвенное кожсырье как источник распространения сибирской язвы крысами и домовыми мышами» в Ленинградском ветеринарном институте. На начало 1960-х гг. и по крайней мере до начала 1970-х гг., судя по публикациям, он уже жил и работал в Молдавии [6]. Владимир Алексеевич Колокшанский (1916–1988) был призван на фронт в 1941 г., начал боевой путь во Львове, участвовал в обороне Ленинграда, встретил окончание войны в Риге. Лейтенант ветеринарной службы, он был награжден медалью «За оборону Ленинграда» и орденом Красной Звезды [3]. В 1949 г. закончил Ленинградский ветеринарный институт Минсельхоза СССР, потом аспирантуру там же и сразу после этого приехал жить в Калининград. В 1953–1958 гг. работал на Калининградской научно-исследовательской ветеринарной станции сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим отделением. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию в том же Ленинградском институте по теме «Вакцинация телят ВСГ и дифференциация вакцинированных животных от естественно больных туберкулезом» (автореферат был отпечатан в типографии газеты «Калининградская правда»). В 1958 г. переехал в Молдавию, где продолжил работу по специальности (благодарю за биографические сведения внучку В. А. Колокшанско-

го З. А. Колокшанскую). Можно полагать, что оба они, Г. С. Зелененко и В. А. Колокшанский, имели возможность лично быть знакомыми с К. И. Скрябиным, но полной уверенности в этом пока нет.

К.И. Скрябин

Источник: [1].

...В октябре 2022 г. исполняется пятьдесят лет со дня смерти выдающегося отечественного биолога К. И. Скрябина. Увековечение его память в Калининградской области стало бы актом уважения к заслугам соотечественника и признания значимости и многообразия русско-немецких академических связей. Было бы уместным исполнить наконец обещание облисполкома — установить мемориальную доску, скажем, на доме, который стоит на месте здания Зоологического музея на ул. Генерала Галицкого. Целесообразно подумать об увековечении памяти гельминтолога в одном из корпусов Балтийского федерального университета им. И. Канта. Возможно, следует также установить мемориальную доску или памятный камень в Зеленоградске — в районе кладбища, на котором похоронен отец Скрябина, либо где-то в центре курортного города. Тот факт, что основатель отечественной гельминтологии учился в Кёнигсберге и во многом именно здесь сформировался как специалист, достоин того, чтобы быть отмеченным в коллективной памяти калининградцев.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-49-390003.

Список литературы

1. Академик К.Г. Скрябин: «России необходима собственная биотехнология». URL: <https://medbook.ru/news/30328> (дата обращения: 01.06.2021).
2. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 602.
3. Колокшанский, Владимир Александрович. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer12532940 (дата обращения: 01.06.2021).
4. Костяшов Ю. В., Кретишин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии. Калининград, 2001. Ч. 1 : Биографический словарь.
5. Маркевич А. П. Академик Константин Иванович Скрябин (к 90-летию со дня рождения) // Вестник зоологии. 1968. №5. С. 87–93.
6. Методические указания по исследованию, профилактике и ликвидации туберкулеза крупного рогатого скота в Молдавской ССР / сост. В. А. Колокшанский, В. А. Кузьяев, Л. Б. Колокшанская [и др.] ; Молд. науч.-исслед. ин-т животноводства и ветеринарии. Кишинев, 1975.
7. Мовсеян С. О., Теренина Н. Б., Воронин М. В. Жизнь и научная деятельность академика Константина Ивановича Скрябина (к 140-летию со дня рождения) // Зоологический журнал. 2019. Т. 98, №2. С. 238–242.

8. Поповский М. Разорванная паутина. М., 1963.
9. Скрыбин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969.
10. Тимченко А. Д., Васильев К. К., Шевеленкова А. В., Пашилок С. П. Исторические аспекты развития гельминтологии (к 135-летию со дня рождения академика Константина Ивановича Скрыбина) // Интегративна антропология. 2013. № 2. С. 74–79.
11. *Adreßbuch* der Haupt- und Residenzstadt Königsberg in Preußen und der Vororte. 1906. Königsberg, 1906.
12. Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen, 2008.
13. Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970. München, 2000.
14. Tilitzki Ch. Die Albertus-Universität Königsberg. Berlin, 2012. Bd. 1 : 1871–1918.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

А. А. Курганский

**ИГНАЦИЙ ПАДЕРЕВСКИЙ О ГРАНИЦАХ
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ
НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ (1914 – 1921)**

Поступила в редакцию 18.04.2021 г.

Рецензия от 12.08.2021 г.

60

Игнаций Ян Падеревский родился в Российской империи, долгие годы шел к славе всемирно известного композитора и пианиста, а в годы Первой мировой войны неожиданно с головой ушел в политику, став одним из «отцов-основателей» возрожденного в 1918 г. Польского государства. Цели статьи – выявить взгляды Падеревского по вопросам границ и внешнеполитической ориентации Польши, оценить его вклад в восстановление ее независимости. Взгляды и деятельность Падеревского изучаются на основе вышедших из-под его пера политических манифестов, дипломатической корреспонденции, публицистических статей, а также публичных выступлений и интервью; привлекается также междоунарная литература. В ходе исследования проанализирована концепция Падеревского о принципах и форме государственного устройства независимой Польши, которая, по его мнению, должна была быть воссоздана в границах до первого раздела Речи Посполитой (1772). Эта концепция легла в основу беспрецедентной агитационной кампании, которую он развернул в годы войны в Северной Америке и Европе. После получения его родиной независимости при поддержке США Падеревский становится премьер-министром и министром иностранных дел Польши и отдает все силы для продвижения своей идеи создания «великой Польши» на Парижской мирной конференции и в Лиге Наций. После провала его плана, как и других проектов польского великодержавья, он уходит в отставку, покидает большую политику и уезжает из Польши. Однако имя Игнация Падеревского навсегда осталось в летописи возрождения польской государственности.

Ignacy Jan Paderewski was born in the Russian Empire, for many years he was working for the glory of the world-famous composer and pianist, and during the World War I he suddenly plunged headlong into politics, becoming one of the “founding fathers” of the Polish state, which revived in 1918. The article attempts to identify Paderewski's views on the borders and foreign policy of Poland, to assess his contribution to the process of restoring its independence. The views and activities of Paderewski are studied in published political manifestos, diplomatic correspondence, publicist articles written by Paderewski, as well as his public speeches and interviews and memoirs. The study identified and analyzed Paderewski's concept of the principles and form of independent Poland state structure, which, in his opinion, should be recreated within the borders before the first partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1772. This concept was used as the basis for an unprecedented campaign that he launched in the war years in North America and Europe. After his homeland gained independence with the support of the United States, Paderewski became Prime Minister and Minister of Foreign Affairs of

Poland and devoted all his efforts to promoting his idea of creating a "Greater Poland" at the Paris Peace Conference and the League of Nations. After his plan had failed, like all other projects of the Polish great power, he resigned, gave up big politics and left Poland. However, his name will forever remain in the memory of the Polish state rebirth.

Ключевые слова: Игнаций Падеревский, Польша, польский вопрос, границы, внешняя политика

Keywords: Ignacy Paderewski, Poland, Polish Issue, borders, foreign policy

Игнаций Падеревский (1860–1941) – всемирно известный польский музыкант, а также видный государственный деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Второй Речи Посполитой с января по декабрь 1919 г. Он родился на Подолье (ныне Украина) в крестьянской семье. В конце XIX – начале XX в. сделал блестящую музыкальную карьеру в качестве композитора и виртуозного пианиста, много концертировал по разным странам и континентам. В 1910-х гг. началась его активная политическая деятельность, направленная на достижение независимости Польского государства. Он был одним из лидеров американской Полонии, поддерживал тесные связи со многими главами государств и ведущими политиками западных держав (с некоторыми дружеские).

Падеревский справедливо считается одним из «творцов независимости» Польши наряду с Юзефом Пилсудским и Романом Дмовским. Интерес к его фигуре не ослабевает и сегодня. Об этом свидетельствуют, например, слова Леха Валенсы, первого президента постсоциалистической Польши: «Падеревский был выдающимся, широко известным в мире артистом, но прежде всего верным сыном своего Отечества. Пламенным патриотом. Великим человеком и еще более великим Поляком. Он пожертвовал своим великим искусством, талантом и богатством ради самого важного для него дела – возрождения свободной Польши, а затем укрепления ее независимого существования» (цит. по: [25, s. 4]).

Для политических лидеров и дипломатов западных стран в начале XX в. Польша и польский вопрос часто ассоциировались с фигурой Падеревского. Советник американского президента Вудро Вильсона Эдвард Хауз, который имел дружеские отношения с музыкантом, отмечал, что «быть другом Падеревского почти наверняка означает быть другом Польши» (цит. по: [12, p. 53]). Лидер национальных демократов Роман Дмовский писал, что внимание Вильсона к польскому вопросу стало возможно благодаря тому, что Падеревский был знаком с Э. Хаузом [15, s. 336]. Депутат и председатель комиссии по международным делам Законодательного сейма Станислав Грабский в мемуарах охарактеризовал Падеревского так: «...у него действительно была одна-единственная цель – благо Польши. Я в жизни не встречал более бескорыстного и более самоотверженного политика» [19, s. 114].

Самые известные работы о Падеревском, в которых анализируется политическая деятельность музыканта, принадлежат британским исто-

рикам польского происхождения — А. Замоискому и А. Пражмовской, а также польским историкам М.М. Дроздовскому, Х. Марчевской-Загданьской и директору Архива новых документов в Варшаве М. Ольчаку [16–18; 20; 22; 24; 26]. Указанные исследователи высоко оценивают роль Падеревского в польском национальном движении в контексте международных отношений. Отдельный и во многом критический взгляд на политическую деятельность Падеревского дает один из ведущих историков польского происхождения в США М. Бискупский [12–14], который опровергает некоторые связанные с ним мифы, называет некомпетентным стратегом, но харизматичным и успешным государственным деятелем. Белорусский исследователь О.Г. Казак сравнивает федералистскую концепцию Падеревского с другими популярными в его время идеями национально-государственного строительства [5].

В российской историографии Падеревский известен прежде всего как выдающийся музыкант и лишь изредка упоминается как премьер-министр Польши и глава польской делегации на Парижской мирной конференции, подписавший вместе с Р. Дмовским от имени Польши Версальский договор. Самый серьезный анализ политических событий, в которых принимал непосредственное участие Падеревский, провел ведущий российский полонист Г.Ф. Матвеев [1; 6; 9]. Отдельные аспекты его деятельности как главы правительства и МИД затрагивались в работах по истории Польши и советско-польских отношений [2–4; 7–8; 10]. Однако в российской историографии до сих пор нет специальных работ, посвященных взглядам и деятельности Падеревского как политика.

Цели настоящего исследования — характеристика взглядов Падеревского по проблеме границ и концептуальным основам внешней политики возрожденной Польши, а также оценка его вклада в восстановление независимости польского государства в годы Первой мировой войны и послевоенное урегулирование.

Основным источником для изучения политических взглядов Падеревского в изучаемый период являются его сочинения, составившие первые два тома «Политического архива Игнация Падеревского» [11]: переписка с главами государств и различными общественными, партийными, военными деятелями, а также деятелями культуры; декларации, в подготовке которых участвовал Падеревский; его многочисленные статьи, выступления и интервью. Они охватывают разные аспекты решения польского вопроса, связанные с образованием Польского государства, формированием его границ, созданием национальной армии, сбором средств для восстановления экономики и некоторые другие.

Уже в 1914 г. Падеревский, как и многие поляки, находившиеся в эмиграции на Западе, посчитал, что польский вопрос после начала мировой войны вновь оказался на повестке дня, поскольку «три державы, которые разделили Польшу как трофей, подчеркнули международный характер этого вопроса, дав громкие обещания о создании независимой Польши» [11, t. 1, s. 56]. В процитированном манифесте группы швейцарских поляков в декабре 1914 г., в написании которого принимал участие Падеревский, было высказано мнение о пророссийской ориентации будущего Польского государства. Анализируя историю польско-

го вопроса в трех империях и ситуацию, которая сложилась накануне войны, авторы документа делали вывод, что поляки после объявления манифеста великого князя Николая Николаевича 1914 г. верили «в искреннюю доброжелательность императора Николая» и были «полностью солидарны с интересами России» [Ibid., s. 57]. Авторы манифеста демонстрировали уверенность, что война обязательно приведет к изменению российской политики в Польше, а причины предшествующего русификаторского курса царизма объясняли доминированием реакционной национальной партии в Государственном совете и негативным немецким влиянием, под которое Россия попала еще со времен союза Фридриха II с Екатериной II, засильем немцев в правящих элитах империи Романовых [Ibid., s. 57–58]. С этим влиянием покончено, так как с началом войны разрыв России и Германии стал неизбежным и окончательным.

О правильности пророссийской ориентации Падеревский говорил в сейме Польского национального союза в Америке в октябре 1915 г. Он сравнил Польшу с «орехом, защищенным скорлупой, и эта скорлупа — Римско-католическая церковь», высказав мнение, что именно «католическая польскость» позволила полякам отстоять свою самобытность в Российской империи, тогда как в протестантской Пруссии она почти утрачена [11, t. 1, s. 78]. Эти высказывания подтверждали близость внешнеполитических установок Падеревского и Национально-демократической партии (эндэков) Дмовского, хотя известно, что их позиции расходились по некоторым вопросам, прежде всего по отношению к национальным меньшинствам.

Очень важна для анализа взглядов Падеревского реакция его и объединения польских организаций в США на Акт 5 ноября 1916 г. о провозглашении австро-германскими союзниками создания Польского королевства. В коллективной декларации, текст которой перед публикацией был отправлен Падеревским премьер-министру Франции Аристиду Бриану, заявлялось, что этот документ не давал королевству ни короля, ни границы, а содержал лишь расплывчатые обещания и указ о создании польской армии. По словам группы поляков, Акт 5 ноября означал «новый раздел Польши», не допустить которого они призывали международное сообщество [11, t. 1, s. 93]. Эта реакция подтверждала проантантовскую, а значит, и пророссийскую позицию Падеревского, позитивно относившегося к плану объединения всех польских земель под российской короной как первому шагу к будущей независимости Польши. Падеревский заявлял, что вынужденно согласился на первоначальный союз с Россией под давлением правительств Англии и Франции, чтобы привлечь поляков — сторонников Центральных держав, которых среди польских эмигрантов, особенно социалистов, насчитывалось немало [12, p. 41].

Позиция Падеревского по одному из главных вопросов, связанных с образованием независимого Польского государства, — вопросу границ, была подробно изложена им в двух обстоятельных письмах президенту США Вудро Вильсону 11 января 1917 г. Есть сведения, что Падеревский подготовил эти письма Вильсону по личной просьбе Хауза [21, s. 75].

В своих рассуждениях он повторял многие известные аргументы польских идеологов национального движения, основанные на идее воссоздании независимой Польши в границах 1772 г. Однако несколько оригинальных моментов обращают на себя внимание.

Прежде всего Падеревский пытается объединить два альтернативных подхода к определению государственных границ — исторический и этнографический. Исторические польские земли он выводит со времен государства Пястов, описывая территорию монархии Болеслава Храброго (992–1025), которая включала Моравию, Словакию, Померанию по обеим берегам реки Одры, всю Силезию, половину Саксонии и доходила почти до Берлина, то есть занимала обширное пространство от Балтики до Дуная. С другой стороны, он оспаривает тезис «Поляки — малый народ», утверждая, что «чистых» поляков — 23 миллиона, а говорят на польском языке 35 миллионов человек, к чему надо добавить еще 15 миллионов хорошо понимающих его. «Если бы Польша была полностью свободной и ее старая граница была бы восстановлена, — делает вывод политик, — то у нас была бы однородная нация из 54 миллионов человек, такая же однородная, как Франция, и намного более однородная, чем Австрийская империя, в которой 11 миллионов немцев управляют конгломератом из 52 миллионов человек, главным образом славянского происхождения» [23, s. 111]. В этих словах явно прослеживается претензия на восстановление польского великодержавья, не учитывающая особенности разделенных территорий и структуру населения трех империй, претерпевшую существенные изменения за более чем столетие польской неволи.

Описывая историю своей страны, он проводит параллели с европейской историей, пытаясь показать, что государство Ягеллонов было республикой во главе с избираемыми пожизненно королями, по объему своей власти напоминавшими современных ему президентов. Падеревский идеализирует политический строй Речи Посполитой, утверждая, что причинами разделов страны были не анархия и острые внутренние противоречия, а агрессивная политика соседних реакционных монархий.

Чтобы получить поддержку американского президента, который резко негативно относился к политике колониализма и феодальным пережиткам, Падеревский указывает, что польское дворянство было не классом аристократии, а скорее, «привилегированной демократией» [23, s. 112]. Радомскую конституцию «Nihil novi» 1505 г., по его мнению, следует считать первой попыткой ввести демократическую парламентскую систему в Европе [Ibid.]. Оставляя без внимания пестрый национальный и религиозный состав Речи Посполитой, автор пытается убедить своего адресата в том, что Польша была светочем либерализма, демократии и прогресса, «хранителем европейской цивилизации», а разделы Речи Посполитой оказались фатальными для судеб Европы и ее народов. Они нарушили баланс политических сил в Старом Свете и, по мнению Падеревского, санкционировали «систему политического, экономического и религиозного угнетения малых народов, создали преступную атмосферу, которая царит в Европе в течение 142 лет и которая, похоже, сейчас достигла своего пика» [23, s. 113].

В личных обращениях к президенту, в апелляциях к его взглядам и заслугам вполне уместная дипломатическая вежливость автора зачастую переходит в неприкрытую лесть. Этот банальный прием был вызван стремлением опереться в решении польского вопроса на Вильсона, чье влияние на Антанту возрастало, так как вступление США в войну было уже практически решенным вопросом. При этом часто, по словам историка М. Бискупского, высказывания Падеревского диктовались не столько политическим расчетом, сколько эмоциями, «капризами артистического темперамента», в них форма преобладала над содержанием [12, р. 42].

Касаясь перечня земель, на которые претендуют поляки, Падеревский нередко оперирует сомнительными аргументами. Так, из областей «пруссского захвата» Польша имела виды на Великое герцогство Познаньское, Западную Пруссию с Гданьском, Восточную Пруссию, прусскую Силезию с Вроцлавом. Указывая на их давние связи с Польшей, он пишет, например, что Восточная Пруссия (а точнее государство Тевтонского ордена и герцогство Пруссия) в XV—XVII вв. принадлежала Польше [23, s. 113—114], тогда как на самом деле речь шла лишь о ее достаточно формальной вассальной зависимости от Польши.

Второе из упомянутых писем Падеревского Вильсону целиком посвящено правам Польши на Гданьск и Восточную Пруссию и жизненной необходимости для нового Польского государства обрести выход к морю. Он отмечает, что Восточная Пруссия делится на три почти равные части: восточную, населенную литовцами, южную — с преимущественно польским населением и прусскую северную. Из этого расклада делается знаменательный вывод: «...так называемая Восточная Пруссия с этнографической точки зрения — это немецкий остров в польском море, далекий остров, полностью отрезанный от Германии плотной массой поляков на левом берегу Вислы вплоть до Балтийского моря. Для Германии это отдаленная колония, малонаселенная, малоценная с экономической точки зрения, отодвинутая слишком далеко на восток. Эта колония, как и другие немецкие колонии, должна быть отрезана от своей империи, и несколько тысяч немцев, которые могли бы остаться там, вполне могут жить в свободной Польше, как их предки жили в Гданьске...» [23, s. 122]. Задаваясь вопросом, возможна ли политическая или экономическая самостоятельность Польши без выхода к морю, он приходит к однозначному ответу: «Для Польши Гданьск — это окно во весь мир. Это легкие, без которых она не может дышать. Он для нее то же самое, что Лондон для Англии, Гавр для Франции и Антверпен для Бельгии» [Ibid., s. 123]. Тот факт, что в Гданьске поляки составляют меньшинство, по мнению автора письма, компенсируется их преобладанием на окружающей город территории Поморья.

Говоря о присоединении Галиции и других австрийских областей и не имея возможности подкрепить свои претензии демографической статистикой, Падеревский упирает на исторические связи земель с Польшей. Выборочно ссылаясь на летописца Нестора и «первого из великих историков России» Н.М. Карамзина, он приходит к выводу, что исторические права России на эти земли «полностью абсурдны» [23, s. 115—116].

Из земель Российской империи в состав Польши помимо Царства Польского должны были, по мнению Падеревского, войти Литва, Белоруссия и «Русь», под которой он понимает Украину с Волынью и Подольем. Падеревский указывает на нерушимость связи между Польшей и Литвой, ставя под сомнение существование независимой от Польши Литвы, ведь даже литовский язык «сегодня беден, недостаточно развит и примитивен» [23, s. 116]. В качестве аргумента в пользу присоединения белорусских губерний к Польше, в которых поляки составляли явное меньшинство, Падеревский указывает на прочные позиции там католической церкви и то, что «в этой стране родились величайший польский поэт Мицкевич и величайший польский патриот эпохи неволи Костюшко» [Ibid., s. 118]. Украину же с населением от 25 до 28 миллионов человек следует присоединить по историческим соображениям: «На этой земле, — патетически восклицает автор, — в течение почти 400 лет непрерывной борьбы с татарами и турками было пролито много крови лучших представителей Польши, защищавших свою свободу и свободу Европы» [Ibid., s. 118—119]. Он также утверждал, что именно поляки цивилизовали этот регион, были ее первопроходцами, строили города, крепости, церкви, школы, создали промышленность и т.д. Вся эта аргументация Падеревского относительно восточной границы Польши выглядела очень неубедительно.

В целом представленная Вильсону «программа» воссоздания Польского государства была в некотором роде «программой максимум». Например, на восточную Белоруссию и левобережную Украину Польское государство не имело вообще никаких прав, так как на этих землях польское население лишь в некоторых местах достигало 5%, что подтверждает и сам автор писем, отмечая, что по некоторым территориям возможны переговоры.

Наверное, самая интересная часть двух январских писем, адресованных Вильсону, посвящена устройству будущего государства — проекту Соединенных Штатов Польши, включающих Королевство Польское, Литовское королевство, Полесское королевство, Королевство Галиция-Подолье, Королевство Волынь. В первое королевство должны были войти наряду с Царством Польским все вышеперечисленные территории, отошедшие от Германии и Австро-Венгрии, кроме Восточной Галиции. Литовское королевство должно было включать города Вильно, Каунас, Сувалки, Тильзит, Клайпеду и северный берег Немана. По расчетам Падеревского, поляки там представляли бы лишь 25% населения. Полесское королевство в основном составляли белорусские области с 20% польского населения. Четвертое королевство охватывало бы Восточную Галицию и часть Волыни, где доля поляков колебалась бы от 30 до 39%, с католическим и греко-католическим большинством населения. А президент Соединенных Штатов Польши должен был принять титул короля всех перечисленных образований.

Идея Соединенных Штатов Польши была собственным оригинальным проектом Игнация Падеревского, находившимся в русле других федералистских концепций того времени. При этом Падеревский пытался представить свой проект как не противоречащий целям одной из

союзных держав Антанты — России и даже якобы соответствующий содержанию российского манифеста полякам, однако сам признавал, что реализация амбициозных польских целей означала бы крах Российской империи [23, s. 121]. Эта идея была замаскированным великодержавным планом восстановления былой славы Речи Посполитой 1772 г. Несмотря на красивое название, рассуждения о демократии, федерализме, свободе вероисповеданий и равенстве национальных языков, что должно было понравиться и было призвано привлечь В. Вильсона к решению польского вопроса, послевоенное урегулирование на принципах самоопределения народов и создания национальных государств вступало в явное противоречие с идеями восстановления «великой Польши».

О.Г. Казак считает, что федералистский план Падеревского был во многом схож с некоторыми другими популярными идеями того времени — созданием федерации/конфедерации по образцу швейцарских кантонов [5, с. 130]. Исследователи отмечают, что Падеревскому удавалось оказывать влияние на Вильсона по некоторым вопросам, но американский президент никогда не принимал логику идей Падеревского и, по всей видимости, даже не читал его масштабный план. В частности, аргументацию Падеревского относительно передачи Гданьска Польше он не принял [12, р. 48]. Впрочем, важно отметить, что на два письма Падеревского ответ был получен — в июне 1917 г. помощник Вильсона полковник Хауз обратился к пианисту с просьбой прислать этнографическую карту польских земель.

Что касается внешнеполитической ориентации независимой Польши и планов по построению систем союзов, Падеревский высказался об этом уже в октябре 1918 г. У будущего премьер-министра Польши в это время была безоговорочная ориентация на США, а самые большие надежды связаны с созданием и работой Лиги Наций. Будучи приверженцем ягеллонской традиции, Падеревский отводил Польше мессианскую роль, по крайней мере на пространстве Восточной Европы: «Нам нужно пространство, нам нужна сила, чтобы мы все, поляки и литовцы на севере с чехословаками в центре, с югославами и румынами на юге, готовились к великой и славной задаче. Мы должны построить эту мощную огромную непреодолимую стену из 75 миллионов человек от Балтики до Адриатики и Черного моря, от Данцига и Мемеля до Констанцы и Фиуме. Мы должны защитить Россию и Малую Азию, Ближний и Дальний Восток. Мы должны защитить балтийские провинции от германизации, чтобы предотвратить превращение Балтийского моря в немецкое озеро. Мы должны быть самыми бдительными и ответственными членами будущей Лиги Наций, что было бы немислимо без нашего собственного и безусловного обладания морским побережьем» [11, t. 1, s. 511].

Эта мысль о региональном объединении была популярна среди малых и средних стран, чьи правительства понимали необходимость искать альтернативные способы защитить свой суверенитет помимо опоры на великие державы.

Более подробно практические действия по реализации своих внешнеполитических замыслов Падеревский изложил в инструкции для создаваемого польского дипломатического корпуса 7 июля 1919 г. Основные цели внешней политики Второй Речи Посполитой премьер-министр и глава МИД ранжировал следующим образом: а) необходимо заключение договора с Германией и выполнение этого договора; б) в споре с Чехословацкой Республикой по Тешинской Силезии готовность пойти на уступки, но не за счет уменьшения национальной территории; в) Восточная Галиция должна была оставаться неотъемлемой частью Польши, однако русины могли рассчитывать на широкую политическую автономию; г) проблему принадлежности «восточных кресов» Польше предлагалось подвергнуть самому широкому обсуждению.

Дипломат призывал считать отправной точкой восстановления Польши на востоке 1772 год. Но политические и военные события конца 1918 — начала 1919 г. заставили его сделать существенную оговорку: «...мы заранее и добровольно отказываемся от определенной части восточных территорий и стремимся оставить Польше только те земли, которые являются этнографическими польскими, или те, где имеется значительный процент польского населения, — цивилизационно польские» [11, t. 2, s. 255]. Расплывчатость формулировок означала, что Падеревский не давал четких ориентиров, какие именно территории нужно обязательно включить в состав Польши, а какие нет. Упоывая на мирное урегулирование спорных вопросов, но обходясь без критики силовых действий Пилсудского по захвату территорий, Падеревский тем самым следовал в фарватере политики начальника государства.

Российские исследователи отмечают, что в это время Падеревский в своей политике был солидарен с Пилсудским, оправдывал перед Антантой польские военные инициативы в Восточной Галиции и стремился добиться создания системы региональных союзов, которые выдвигал начальник государства [4, с. 82; 7, с. 105; 10, с. 49].

Что касается устройства создаваемого государства, Падеревский считал, что в случае присоединения к Польше всей или незначительно сокращенной территории бывшего Великого княжества Литовского было бы логично использовать форму федерации или союза. Он отмечал, что было бы целесообразно включить этнографически или цивилизационно польские территории в состав Польского государства, но с согласия местного населения [11, t. 2, s. 256]. При этом он выступал против проведения плебисцитов в спорных зонах, опасаясь, что они могли показать результат не в пользу Польши.

По поводу отношения к великим державам, премьер пояснял, что Польша добилась независимости в союзе с великими державами, прежде всего Францией и США, и призывал поддерживать с ними тесные связи не столько в силу благодарности, но и с учетом польских государственных интересов, ведь стране еще могла понадобиться их экономическая, в том числе кредитная, помощь. Тут же он давал два важных комментария по поводу отношений с «будущей Россией»: констатировал опасность российско-германского сближения и необходимость от-

крытия рынков в России для поддержания экономических связей с этой страной. В то же время он призывал осознавать тот факт, что даже «преображенная и демократическая Россия не избавится быстро от своих экспансионистских инстинктов» [11, t. 2, s. 256].

По вопросу отношений с новообразованными малыми и средними странами в Европе Падеревский писал, что Польше необходимо приложить усилия, чтобы нарастить свое влияние не только в южных и западных славянских странах, но и в остальных странах Балканского полуострова. По отношению к странам Балтии премьер-министр призывал польских дипломатов развивать политику солидарности с этими странами против Германии, которая никогда не откажется от стремления господствовать на Балтийском море. По поводу самой Германии Падеревский предупреждал о необходимости противодействовать ее историческому «натиску на Восток» [11, t. 2, s. 256].

Оценивая свою работу в процессе послевоенного урегулирования, Падеревский писал так: «...выполнил все, что было моим долгом» [11, t. 2, s. 616]. В просчетах польской политики в тот период (например, в случае с Тешинской Силезией) он винил своих преемников. Решение уйти в отставку в конце 1919 г. он объяснил несогласованностью и противоречивостью внешней политики страны, когда на конференции в Париже Польша заявляла о мирных способах решения территориальных проблем, а ее армии вовсю шли в наступление. На него тяжелое впечатление произвела «акция генерала Желиговского» по захвату Вильно, которую он, будучи представителем Польши на конференции Лиги Наций в Женеве, должен был представлять как «личную инициативу Желиговского» [11, t. 2, s. 618].

В то время Падеревский старался добиться изменения внутривнутриполитической ситуации, чтобы триумфально вернуться в политику. Это объясняет его стремление оправдаться и «обелить себя», переложив вину на других. В 1920 г. Падеревский глубоко разочаровался в военной политике Пилсудского, которая вызывала резкую критику на Западе. Биограф Падеревского объясняет его желание вернуться во власть большим самомнением и желанием в скором времени избраться на должность президента Польши [13, p. 503 – 505, 508 – 512].

Что касается вопросов завершения формирования восточной границы Польши и мира с Советской Россией, то Падеревский 11 февраля 1921 г. выражал уверенность, что в скором времени наступит мир. Попытки обвинить Польшу в милитаризме он отвергал: «Абсурдно говорить о польском милитаризме и империализме. Мы всегда будем милитаристами, даже женщины и дети, если на нас нападут, но ни при каких других обстоятельствах» [11, t. 2, s. 630].

Подводя итоги бурной политической активности Игнация Падеревского в 1914–1921 гг., следует сделать вывод, что он, несомненно, был выдающимся деятелем польской культуры, который в годы Первой мировой войны оказался вовлечен в сферу мировой политики и которому был предоставлен шанс побороться за независимость родины. Используя свой авторитет, мировую славу, личное знакомство со мно-

гими главами государств и политиками он всеми силами стремился добиться восстановления независимой Польши. Неслучайно многие исследователи ставят появление 13-го пункта (о создании независимого Польского государства) в известной программе послевоенного урегулирования «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона в заслугу именно Падеревскому и его близким и даже дружеским отношениям с полковником Хаузом и Гербертом Гувером. Будучи премьер-министром и министром иностранных дел в 1919 г., он многое сделал, чтобы Польша получила международное признание держав Антанты. Его заслуги в возрождении Польского государства значительны и никем не оспариваются.

Вместе с тем программа Падеревского по созданию Соединенных Штатов Польши в границах 1772 г. носила утопический характер, она не отвечала ни интересам Антанты, ни реалиям времени, ни, главное, интересам населения бывшего Великого княжества Литовского. Падеревский был одержим романтической ягеллонской идеей воссоздания былой славы Речи Посполитой на востоке. Ее провал наряду с разногласиями с другими игроками на польской политической сцене вынудил его уйти из политики, оставить занимаемые посты и уехать из Польши.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Аспиранты» № 20-39-90011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период».

Список источников и литературы

1. *Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях.* М., 2017.
2. Гришин Я.Я., Галицуллин М.З., Туманин В.Е. Россия и Польша в устремлениях А.И. Деникина // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, №3 (24). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43940461> (дата обращения: 23.03.2021).
3. Гришин Я.Я., Галицуллин М.З., Туманин В.Е. Юзеф Пилсудский и вопрос совместного похода с А.И. Деникиным на Москву. 1919 год // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, №2 (23). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42816671> (дата обращения: 23.03.2021).
4. Гуцин А.В. Вопрос о Восточной Галиции на Парижской мирной конференции в 1919 г. // Вестник РГГУ. Сер.: История, филология, культурология. 2012. №4 (84). С. 76–86.
5. Казак О.Г. Проблематика «восточных окраин» в оценках польского политика и публициста Владислава Студницкого (1918–1922 годы) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2019. Вып. 5. С. 128–139.
6. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
7. Мусаев В.И. Прибалтика в сфере польских внешнеполитических интересов на рубеже 1910–1920-х годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2019. Вып. 5. С. 100–114.
8. Позднякова И.И. Проблема Польского коридора на Парижской мирной конференции // Славянский мир: общность и многообразие / под ред. Е.С. Узенёвой, О.В. Хавановой. М., 2020. С. 121–125.
9. *Польша в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2012.

10. Юрченко Е. С. Проблема еврейских погромов в польско-американских отношениях 1918–1919 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. №3. С. 45–55.
11. *Archiwum polityczne* Ignacego Paderewskiego. Wrocław, 1973–1974. Т. 1–4.
12. *Biskupski M. B.* Paderewski as Leader of American Polonia, 1914–1918 // *Polish American Studies*. 1986. Vol. 43, №1. P. 37–56.
13. *Biskupski M. B.* Paderewski, Polish Politics, and the Battle of Warsaw, 1920 // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46, №3/4. P. 503–512.
14. *Biskupski M. B.* The origins of the Paderewski government in 1919: a reconsideration in light of new evidence // *The Polish Review*. 1988. Vol. 33, №2. P. 157–166.
15. *Dmowski R.* *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Warszawa, 1988. Т. 1.
16. *Drozdowski M. M.* *Ignacy Jan Paderewski: pianista, kompozytor, mąż stanu*. Warszawa, 2001.
17. *Drozdowski M. M.* *Ignacy Jan Paderewski – współtwórca Niepodległej*. Warszawa, 2017.
18. *Drozdowski M. M.* *Ignacy Jan Paderewski: zarys biografii politycznej*. Warszawa, 1986.
19. *Grabski S.* *Pamiętniki*. Warszawa, 1989. Т. 2.
20. *Marczewska-Zagdańska H.* *Wilson – Paderewski – Masaryk: Their Visions of Independence and Conceptions of How to Organize Europe* // *Acta Poloniae Historica*. 1996. №73. P. 55–69.
21. *Niewierowicz M.* *Paderewski – artysta w świecie polityki* // *Z dziejów gospodarczych Polski*. №8. S. 73–76. URL: https://mowiawieki.pl/templates/site_pic/files/NBP-z-dziejow-gospodarczych-Polski-odcinek-8.pdf (дата обращения: 31.03.2021).
22. *Olczak M.* *Ignacy Jan Paderewski 1860–1941*. Warszawa, 2018.
23. *Paderewski I.* *Myśli o Polsce i Polonii*. P., 1992.
24. *Prazmowska A.* *Ignacy Paderewski: Poland*. L., 2009.
25. *Weber B.* *Paderewski*. Kraków, 1992.
26. *Zamoyski A.* *Paderewski: a biography of the great Polish pianist and statesman*. N. Y., 1982.

Об авторе

Анатолий Анатольевич Курганский – мл. науч. сотр., асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: anatkurg@yandex.ru

The author

Anatolii A. Kurganskiy, Junior Researcher, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: anatkurg@yandex.ru

М. В. Филёв

**О МОТИВАЦИИ ТРУДА КОЛХОЗНИКОВ
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛИНИЗМА (1946 – 1956)**

Поступила в редакцию 19.02.2021 г.

Рецензия от 10.08.2021 г.

72

На основе неопубликованных архивных материалов (протоколов общих колхозных собраний, заседаний правления колхоза, партийных собраний) изучаются причины отсутствия мотивации и низкой производительности общественного труда колхозников. Исследование сельской повседневности выполнено в рамках микроисторического подхода на примере колхоза «Большевик» Правдинского района Калининградской области (1946 – 1956). Рассмотрены вопросы организации, учета и стимулирования колхозного труда, взаимоотношения между правлением, бригадирами и рядовыми колхозниками, проблема соблюдения трудового регламента и дисциплины, причины и способы уклонения крестьян от работы в сельхозартели. Сделан вывод о неэффективном функционировании колхозной системы, вынуждавшей крестьян прибегать к таким стратегиям выживания, которые предусматривали поиск дополнительных заработков и получение средств к существованию за пределами колхозного хозяйства.

Having analyzed the unpublished archival materials (minutes of general collective farm meetings, meetings of the collective farm board, meetings of members of the Communist Party), the article examines the reasons for the lack of motivation and low productivity of peasant labor in the collective farms. The study of rural everyday life is carried out within the framework of a micro-historical approach on the example of the collective farm "Bolshevik" of the Pravdinsky district of the Kaliningrad region in 1946 – 1956. The issues of management, accounting and promotion of collective farm labor, the relationship between the board, foremen and ordinary collective farmers, the problem of compliance with labor regulations and discipline, the reasons and ways of avoiding farmers from working in agricultural artel are in the focus of the research. The collective farm system is concluded to be inefficient as it forced the peasants to resort to such survival strategies, which provided for the search for additional earnings and obtaining means of subsistence outside the collective farm.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Калининградская область, колхоз, микроистория, история повседневности, 1946 – 1956 гг.

Keywords: agriculture, the Kaliningrad region, collective farm, microhistory, history of everyday life, 1946 – 1956

Если выделить главную тему в повестке дня колхозных собраний в последние годы сталинизма, то можно с уверенностью сказать, что это были вопросы трудовой дисциплины, вернее, ее отсутствия. По сути, речь шла о факторах, определявших пороки колхозной системы, ее экономическую неэффективность.

Цель настоящей статьи — выявить причины низкой производительности труда и отсутствия у колхозников мотивации к общественному труду. Исследование выполнено в русле микроисторического подхода на основе комплексного изучения архивных фондов колхоза «Большевик» Правдинского района Калининградской области и является частью более общей работы, посвященной истории этого колхоза с момента его образования в 1946 г. и до ликвидации в 1991 г. Микроистория имеет целью обогатить социальный анализ, предложить большее многообразие его вариантов [19]. Применение микроисторического подхода открывает возможность проникнуть в ранее неисследованные области социальной истории [15, с. 195]. Данное направление исторической науки, объектом исследования которого становятся отдельные малые территории или общности, наиболее перспективно для изучения сельской советской повседневности.

К сожалению, микроистория не снискала особой популярности среди российских аграрников, а в региональной историографии она представлена только статьей Ю. В. Костяшова, посвященной совхозу «Чистые Пруды» [10], хотя в целом по истории сельского хозяйства Калининградской области в последние годы появилось немало содержательных работ [2; 6; 8; 12; 14; 18].

Настоящая статья относится также к истории сельской повседневности. За последние 15 лет по этой тематике было защищено несколько диссертаций на материале разных регионов [7; 9; 16; 20], однако их авторы зачастую опираются на традиционные источники и обращаются к таким привычным аспектам сельской жизни, как демографические процессы или государственная политика в аграрной сфере, оставляя без внимания мотивы социальной деятельности, модели поведения и жизненные стратегии крестьянства.

Объектом исследования выступает сельхозартель «Большевик», основанная в октябре 1946 г. в составе поселков Поречье, Лукино и хутора Раздольное. Этот типичный для края колхоз был выбран в связи с наличием солидной источниковой базы: документация в «Большевике» велась исправно и сохранилась в фондах Государственного архива Калининградской области практически в полном объеме. Основными источниками для исследования стали протоколы общих собраний колхозников, заседаний правления колхоза, собраний первичной партийной организации [3; 5]. Также были использованы годовые отчеты колхоза [5, д. 21], документы из фондов райкома партии, райисполкома, сельхозотдела [4], материалы районной газеты «Колхозная правда» [13].

«Колхоз не развивается в связи с плохой организацией труда...»

В основу организации коллективного труда был положен бригадный подход: с самого начала в колхозе было образовано три полеводческих бригады, которые делились на звенья. Позже были созданы строительная и садово-огородная бригады [5, д. 20, л. 3 об.]. Бригадиры назначались правлением из числа наиболее опытных и подготовленных работников на срок не менее двух лет [1], но в реальности меня-

лись гораздо чаще. Будучи промежуточным звеном между правлением и рядовыми колхозниками, бригадиры находились между двух огней: за очередной провальный сев или уборочную они получали взыскания от правления, а рядовые колхозники были недовольны их попытками принуждения к интенсивному труду. В определенный момент «Большевик» дошел до того, что никто не хотел занимать бригадирскую должность на только что организованном сортоиспытательном участке, а главы полеводческих бригад написали заявления об увольнении в самый разгар полевых работ [5, д. 9, л. 13, 54 об.].

Одновременно с полевыми бригадами начала функционировать и молочно-товарная ферма (МТФ). Изначально колхоз позиционировал себя как зерноводческо-животноводческий, но с течением времени животноводство стало превалировать. Должность заведующего фермой была неблагоприятной: колхоз постоянно испытывал трудности с кормами и помещениями для животных, но при этом правление требовало достижения высоких плановых показателей.

Несоответствие имевшихся условий и требований руководства отчетливо продемонстрировал спор на одном из заседаний правления в 1953 г. между «бригадиром от животноводства» Бологуровым и председателем Старовойтовым. Последний требовал поднять продуктивность общественного животноводства, а бригадир резонно отвечал, что этого невозможно достичь «без достаточного количества концентратов» (кормов) [5, д. 20, л. 41–41 об.].

В подобных обстоятельствах ответственные за животноводство часто менялись. Первый руководитель МТФ Яковлев продержался чуть больше года. В ноябре 1947 г. его попытались заменить Боголеповым, но тот категорически отказался [5, д. 1, л. 74 об.]. В дальнейшем заведующие менялись несколько раз в год, что не добавляло колхозному животноводству стабильности.

Помимо бригад в колхозе существовали вспомогательные службы и должности: конторские работники, кузнецы, шоферы, электромонтеры, пожарная дружина. С апреля 1947 г. артель имела договорные отношения с Первой Правдинской машинно-тракторной станцией (МТС) [5, д. 1, л. 42], которая выполняла для колхоза механизированные полевые работы, за что получала 20 % урожая [17, с. 141]. Большие надежды правление возлагало на сформированную при МТС колхозную тракторную бригаду, но состояние техники было таково, что она постоянно простаивала, а механики МТС не оказывали должной помощи в ремонте [8, с. 173–174]. И хотя, судя по протоколам собраний, колхозники считали работу МТС некачественной, в отчетах она признавалась удовлетворительной, и договор на следующий год неизменно продлевался [5, д. 4, л. 17].

Важную роль в колхозном производстве играл кузнец. Правление старалось нанять настоящего мастера своего дела, не брезгуя перемаживанием работников из других хозяйств. Из соседнего колхоза «Новая жизнь» удалось заполучить кузнеца Корха, которому пообещали в месяц 60 кг ячменя и 80 кг картофеля, а также по два литра молока в день

[5, д. 1, л. 85]. Для кузнецов устанавливалось особое расписание: рабочий день длился с 8 утра и до 8 вечера, но включал в себя несколько продолжительных перерывов [5, д. 9, л. 59]. Трудились кузнецы не всегда исправно, по воскресеньям часто «справляли выходной», из-за чего в начале недели их было сложно найти на рабочем месте [Там же, л. 69 об.].

Ценили в колхозе и шофера. Правление не только без лишних колебаний находило средства для покупки запчастей, но стремилось удовлетворять все просьбы водителей об улучшении условий труда. Шофер Курочкин просил у правления и неизменно получал деньги на покупку спецовки, премию за экономию авторезины и подготовку стажера, месячный отпуск [5, д. 17, л. 44–44 об.]. Заработная плата водителей была скромной, но они могли это компенсировать дополнительными доходами от оплаты колхозниками поездок в Калининград. Тот же Курочкин за одну поездку сдал в колхозную кассу 15 рублей, тогда как собрал с пассажиров 120 рублей, которые после возникшего скандала пришлось вернуть [Там же, л. 12]. Порой грузовик приходилось водить даже тем, кто не имел водительского удостоверения. Это выяснилось в отношении шофера Виноградова лишь после того, как он в 1950 г. устроил аварию [5, д. 8, л. 37]. Но и после этого он продолжал управлять транспортным средством еще 8 месяцев, пока сам не написал заявление о том, «что не имеет прав на право ведения машины». Новый шофер был найден лишь еще через несколько месяцев [5, д. 9, л. 25, 38].

Изучаемый период – время электрификации деревни, в связи с чем колхозу пришлось нанимать электромонтера. В очереди сменявшихся на этом посту работников, не отличавшихся высокой квалификацией и добросовестным трудом, несколько дольше других задержался Егор М. Он отметил, что «прикарманивал» плату за электричество, пытался дважды получить оплату за один и тот же труд, а также был замечен в том, что в «рабочее время пьянствует и халтурит» и потом развлекает себя тем, что «переключает фазы напряжения, в результате чего у колхозников перегорают лампочки». В конце концов, его пришлось уволить, о чем даже сообщила районная газета [13, 1954, 26 сент.]. Но и спустя годы из-за некачественной проводки в колхозе случались пожары [13, 1958, 15 авг.].

Положение в артели на общем собрании охарактеризовал агроном Бекоев, заявивший, что «колхоз не развивается в связи с плохой организацией труда» [5, д. 9, л. 56]. Не спешили в колхозе и с регламентацией трудовой деятельности. Заведующий фермой Яковлев спустя полгода после основания «Большевика» жаловался, что «нет в колхозе распорядка дня» [5, д. 1, л. 13 об.]. Часы работы варьировались в зависимости от сезона – во время посевной и уборочной трудовой день начинался раньше (в 6–7 утра), заканчивался позже (в 9–10 вечера). В остальное время рабочий день обычно продолжался с 8 до 18, при этом предусматривался длительный обеденный перерыв (2–3 часа). После многочисленных обращений колхозниц, имевших детей, было решено разрешить им выходить на работу на час позже [5, д. 20, л. 49 об.].

Отношение крестьян к общественной собственности, то есть к колхозной технике, инвентарю, скоту и другому имуществу, в источниках часто определялось как «халатное», сопровождавшееся мелкими и крупными хищениями, причем пример часто подавало колхозное начальство. Первый председатель колхоза Суворов был снят, будучи обвиненным в хищении на сумму более 5 тыс. руб. [5, д. 4, л. 34]. Впрочем, его пришлось вскоре на должность вернуть, так как пришедший ему на смену «проходимец И.» в компании с секретарем партячейки Ж. и председателем ревизионной комиссии «пройдохой и жуликом» С. подделывали отчетную документацию и занимались «присвоением молочных продуктов с целью корыстной наживы», а в результате «развалили колхоз», который после этого «не может поправиться» [3, д. 1, л. 30, 62].

О хищениях становилось известно, как правило, в ходе возникавших среди работников конфликтов. В январе 1955 г. заведующий МТФ Филиппчик уличил доярку Надежду Ч. в том, что она «взяла без всякого разрешения комбикорм и забрала его себе». В ходе разбирательств на колхозном собрании выяснилось, что не только Ч., но и другие доярки присваивали с каждого удоя по 3 литра молока, таскали домой силос для своих коров. Однако доярки проявили солидарность и выступили против заведующего, обвинив его в том, что он «не проверяет молоко, и что в молоке как будто имеется вода», «корма расходует не по rationу, из-за чего скот плохой упитанности», «корма непригодные для вскармливания, особенно силос», «корма непригодные для вскармливания, особенно силос», а «комбикорм был роздан [колхозным] коровам». Заслушав доводы всех фигурантов, руководство «Большевика» решило конфликт не раздувать, предложив оштрафовать одну Ч. на 5 трудодней [5, д. 22, л. 8–9].

Типичными и регулярными случаями хищений были покосы травы на колхозных угодьях и кража уже заготовленного сена для своих нужд, присвоение части урожая, кража приплода скота. Но когда колхозников уличали в этом, они парировали, что берут пример с председателя, бригадиров и членов партии [5, д. 9, л. 4, 6 об., 23, 32, 56 об.; д. 22, л. 22 об.].

В целом организацию трудовой деятельности в колхозе следует признать малоэффективной. Должностные лица (председатели, члены правления, бригадиры) менялись слишком часто, колхозников перемещали из одной бригады в другую, а звенья существовали лишь номинально.

**«Наши колхозники расположены к городу больше,
чем к колхозу»**

Бригадиры колхоза «Большевик» постоянно жаловались, что на работу выходит половина, а то и треть членов артели. Уже в ходе первой уборочной кампании, в ноябре 1946 г., бригадир полеводческой бригады Кудрявцев уведомил правление о том, что из 42 человек на работу выходят только 13 [5, д. 1, л. 27]. В дальнейшем ситуация в лучшую сторону не менялась.

Уклонение от общественного труда не было проявлением лени. Просто колхозники искали способы выживания, ведь оплата работы в колхозе была скудной и не позволяла прокормить семью [11, с. 138–139]. Наиболее популярным выходом из положения являлось отходничество.

Многие члены артели отправлялись в районный центр Правдинск, чтобы устроиться на работу в городе (другие варианты: железная дорога, лесничество, МТС). Для этого нужно было получить согласие правления, с чем часто возникали проблемы. В правлении утверждали, что «наши колхозники расположены к городу больше, чем к колхозу» [5, д. 20, л. 41 об.], и не желали отпускать людей в город, ведь рабочей силы самим катастрофически не хватало. В таком случае крестьяне уходили самовольно. Колхозница Молодцова, после упреков на заседании правления по поводу невыхода на работу, сказала прямо: «Пойду получать деньги в город» [5, д. 4, л. 23]. Поступали так не только рядовые колхозники. Бригадир Бологуров «оставил руководство бригадой и ушел на работу в город» [5, д. 9, л. 49].

Некоторые, чтобы отправиться на заработки на сторону, шли на различные ухищрения. Самым удобным вариантом для легального ухода из колхоза была учеба, на которую правление обычно колхозников отпускало без сопротивления. Однако параллельно или вместо обучения крестьяне обустроивались в городе. Так поступила колхозница Смирнова, которая поступила в зооветтехникум Багратионовска, не стала там обучаться, но и в колхоз не возвращалась [5, д. 4, л. 31 об.]. Мария Ивченко пошла еще дальше: она заявила о своем зачислении в Лесную школу Домновского сельсовета, что оказалось вымыслом — это выяснилось после обращения правления в администрацию школы [5, д. 9, л. 25 об.].

Другой способ выживания в колхозных протоколах именовали спекуляцией. Колхозник Михаил Смирнов объяснил свои прогулы тем, что «его семье было нечего кушать и он хож за картошкой», то есть ездил с женой торговать на базаре в райцентре [5, д. 1, л. 40–41]. На собраниях всплывали и другие факты о «спекуляции» сельхозпродукцией на городском рынке кассира Т., члена ревизионной комиссии К. и даже самого председателя Ф. [5, д. 9, л. 56 об.], а чемпионом в этом промысле можно считать жену секретаря первичной парторганизации Я., о которой было сказано так: «...не заработала ни одного трудодня в колхозе, а торгует на базаре» [3, д. 1, л. 27 об.].

Самовольно ушедших в город пытались вернуть в колхоз. Правление выносило предупреждения, выговоры, штрафовало «отходников» и «уклонистов» на 3–5 трудодней и даже передавало дела в народный суд. Такие санкции оказывались неэффективными: провинившиеся обещали исправиться или вовсе игнорировали подобные воспитательные мероприятия.

В редких случаях принималось решение об исключении из колхоза, которое вступало в силу после одобрения общим собранием. И хотя работать в колхозе крестьяне не хотели, но местом в артели дорожили — это позволяло владеть домом, приусадебным участком в 50 соток, скотом. Таких уклонистов называли «околоколхозниками», которые «ра-

ботаю в городе, а правами пользуются колхозника» [5, д. 16, л. 14 об.]. Обычным явлением для них была своеобразная специализация внутри семьи, когда одни ее члены трудились на производстве в городе, а другие — в личном подсобном хозяйстве. «У нас есть много таких семей в колхозе, которые совершенно не участвуют в общественной работе, и много таких семей, у которых работают по одному члену семьи в колхозе, а все остальные работают в городе...», — так председатель Старовойтов характеризовал положение дел в артели на одном из общих собраний [5, д. 20, л. 52].

Самыми жесткими методами борьбы с уклонистами были конфискация или обрезание приусадебного участка. Такая участь постигла Николая Пнюшкова, ушедшего работать в Правдинское лесничество. У него забрали участок, но оставили дом и надворные постройки. Семье колхозницы Гайдашовой, взрослые дети которой трудились в городе, участок сократили с 50 соток до 15. Применяли такую санкцию и к некоторым другим колхозникам, но довольно редко [5, д. 22, л. 18–19 об.]. Бывали и уникальные наказания. Колхознику Ивану Ладонову, который «форменным образом начал бойкотировать общественные мероприятия и выкопку картофеля», не только выписали стандартный штраф в 5 трудодней, но и отключили свет в квартире «до исправления» [5, д. 9, л. 21]. Матрене Филиппчик запретили выпас личного скота на общественных пастбищах [5, д. 17, л. 37 об.].

Особый случай — попытки уклонения от работы женщин-матерей. Детские ясли в «Большевике» функционировали не всегда, что создавало удобный повод для невыхода на работу. Но и когда ясли работали, колхозницы не отдавали туда детей, ссылаясь на разные обстоятельства [5, д. 9, л. 7 об.]. В наказание им списывали по 3–5 трудодней в виде штрафа, что никак не влияло на их дальнейшее поведение [5, д. 20, л. 28 об., 31 об.].

В официальных отчетах указывалось, что в год в среднем на одного трудоспособного в артели «Большевик» вырабатывали 418 трудодней [5, д. 21, л. 3]. В реальности же и законодательно установленный минимум выработки в 120 трудодней из года в год не выполнялся. В июле 1954 г. Калининградский облисполком повысил его до двухсот, а в качестве мер воздействия на уклонистов ввел увеличение норм сдачи сельхозпродуктов государству, повышение подоходного налога, ограничение права использования колхозных лошадей в личном хозяйстве. Общее собрание членов колхоза данные решения всецело одобрило [5, д. 20, л. 19, 54 об.]. Равнодушная реакция крестьян была неслучайной — они понимали, что массово применять крайние меры наказания в виде лишения приусадебного участка или исключения из колхоза правление не станет, ведь и само начальство личные интересы ставило выше общественных.

Справедливости ради надо упомянуть и о моральном поощрении к трудовым свершениям, объявлении благодарностей, помещении портретов передовиков на «Доску почета», принятие социалистических обязательств и т. п. Все эти методы механически применялись, но никакого заметного эффекта не производили.

«На работу выходят поздно, бросают рано, да и на работе стоят»

Если колхозники все-таки выходили на общественные работы, то особого рвения при их выполнении они не демонстрировали. Правление пыталось призвать людей к ударному труду в колхозе, но призывы не подкреплялись личным примером. Например, член правления Мальцева во время сбора урожая ушла с работы на свадьбу [5, д. 9, л. 20]. Михаил Мокроусов упорно отказывался от работы, заявив, что выйдет, только «когда будут работать все» [5, д. 4, л. 30 об.]. Подобной позиции придерживались и многие другие члены артели.

Приоритет личного хозяйства в сравнении с общественным демонстрирует проблема копки колхозного картофеля, который ежегодно оставался не полностью убраным. В связи с этим уполномоченный облисполкома Емельянов упрекал крестьян, что они совсем по-другому, рачительно относятся к урожаю картофеля на личных сотках [5, д. 9, л. 20]. Эти обличения, как и призывы председателя «бросить все и начать копать», положительного эффекта не имели. Более того, колхозное начальство в чем-то даже попустительствовало членам артели. Так, председатель Ивченков «допустил по существу антиколхозную практику», так как вместо выполнения указания районного отдела сельского хозяйства по подъему паров, раздал колхозных лошадей для обработки личных приусадебных участков колхозников [4, д. 4, л. 95].

Вечной проблемой «Большевика» была заготовка кормов, что обычно объяснялось плохими погодными условиями. Но, по словам одного коммуниста, «обеспечить кормами личный скот колхозников никакая погода не помешала» [5, д. 20, л. 58]. Крестьяне нередко использовали колхозный инвентарь, технику и особенно лошадей в личных целях, для обработки собственных участков [5, д. 4, л. 22 об.].

Распространенным явлением был уход с рабочего места. Пастух Федор Ч. утром выводил скот из поселка, после чего оставлял его без присмотра, а сам отправлялся на заработки в Правдинск. Пастуха называли «дезорганизатором» и «разложителем трудовой дисциплины» [5, д. 9, л. 26 об.]. Доглядчица на МТФ Марущик самовольно покинула рабочее место, предварительно напоив цыплят кислым молоком, а доглядчики Астанины ушли и забыли в холод протопить птичник, что привело к гибели сотен цыплят [5, д. 22, л. 20 – 22].

Любопытно, что самые нерадивые работники часто выступали на собраниях с замечаниями в адрес других колхозников или с разнообразными «рационализаторскими» предложениями. На июльском собрании 1954 г. часто прогуливавшая работу М. Филиппчик обрушилась с критикой на других колхозников, особенно досталось счетоводу В., который «часто бывает в нетрезвом состоянии, неизвестно только, откуда берет деньги»; а Н. Лукьянов, систематически уходивший на заработки в город, предложил «создать транспортную бригаду, которая своевременно должна убирать зерно от комбайна и своевременно отправлять на молотильный ток и сушилку» [5, д. 20, л. 52 об.].

В протоколах собраний то и дело встречаются обвинения в отношении членов артели, которые «встали на путь саботажа», «категорически отказывались выходить на работу» [5, д. 1, л. 35]. Осенью 1947 г. «дезорганизатор» Д., заручившись поддержкой П. и Б., рассказывал односельчанам «о развале колхоза», призывал к «невыходу на работу» и даже «сделал покушение на членов партии, и на правление, и на бригадиров». В результате правление обратилось за помощью к райсовету и райкому партии, чтобы приняли меры к этой группе саботажников [5, д. 1, л. 65 об.]. В такой же антиколхозной агитации была замечена семья С., призывавших отказываться от работы, так как «правление колхоза не дает хлеба». Такие обобщения терпеть было уже невозможно: обоим С. исключили из колхоза и лишили приусадебного участка [5, д. 1, л. 41].

Проблемы с дисциплиной начинались уже при распределении нарядов, которые выдавались бригадирами с опозданием, так как они не имели соответствующих указаний от правления. Для самих бригадиров было нормой приходить на работу к 11 или 12 часам дня [5, д. 1, л. 13, 53 об.]. Бригадир Соколов и вовсе «назначил людей на работу, а сам ушел спать, и в результате... ничего не сделали» [3, д. 1, л. 81].

Как и в случае с нормами выработки, к вопросу о продолжительности трудового дня колхозники относились равнодушно: какой бы она ни была, все равно ее мало кто соблюдал. На собраниях говорилось, что «на работу колхозники выходят вместо 6 часов, принятых общим собранием, в 10–11 часов и уходят с работы в 7–8 вечера» [5, д. 20, л. 52], «на работу выходят поздно, бросают рано, да и на работе стоят» [5, д. 9, л. 67], «народ наш размягчен, что обедает по 3–4 часа» [3, д. 1, л. 77]. Эта критика, впрочем, не приводила к каким-либо переменам.

Не способствовал мотивации к ударному труду и плохой учет выполненных работ. Бригадиров критиковали за то, что «неправильно ведется начисление трудодней, имеются случаи недочисления колхозникам по нормам выработки, имеются жалобы и недовольство колхозников». Иногда такие обвинения заканчивались освобождением от работы, но чаще предупреждением или выговором [5, д. 16, л. 4; д. 17, л. 22–24 об.].

Но и по начисленным трудодням нормы выдачи были очень скудными. Первый председатель «Большевика» Суворов откровенно признался, что «колхоз из своего урожая не видел ни грамма зерна на трудодни, а пользуется лишь ссудами» [5, д. 9, л. 56]. Случались ситуации, когда рассчитывать было вообще нечем. Колхозник Мальцев написал заявление, в котором просил выделить деньги, необходимые ему для ремонта дома, «на мои трудодни за 1953 г.». Правление в просьбе отказало, дав предельно честный ответ: «В кассе колхоза не имеется денег и неоткуда взять для расчетов по трудодням» [5, д. 20, л. 9].

Расчет по трудодням с рядовыми колхозниками производился в последнюю очередь. Это вызывало их недовольство. Колхозник Курочкин был недоволен тем, что бригадир Филиппчик «получил зерно лучше, чем колхозники», из-за чего «пала трудовая дисциплина». Сам Филиппчик в ответ на это заверил, что «трудовая дисциплина пала не из-за меня, а из-за правления колхоза, которое не принимало мер, не обсуж-

дало на правлении». При этом он согласился, что учет трудодней велся плохо [5, д. 16, л. 3–3 об.]. Ситуация с Филиппчиком и Курочкиным продемонстрировала не только неразбериху с трудоднями, но и сложность взаимоотношений в системе «правление – бригадиры – рядовые колхозники», в которой каждый стремился снять с себя ответственность за некачественную работу.

Были и примеры неожиданных вознаграждений для колхозников. Уникальной в этом плане стала осень 1947 г., когда после завершения уборочной кампании в «Большевике» устроили колхозный праздник. Было решено выделить на человека по 500 г пшеничной и 300 г ржаной муки, по 2 кг картофеля, по 200 г свежей рыбы, по 500 г водки и огурцов, остатки сыра и масла [5, д. 1, л. 69]. В дальнейшем подобного уже не случалось, выплату скромных премий или выдачу дополнительных продуктов проводили 2–3 раза в год и приурочивали к большим государственным праздникам.

Подводя итог, следует отметить, что плохая организация колхозного труда, отсутствие ясных критериев оценки и продуманной системы учета трудовых затрат отнюдь не создавали благоприятных условий для производительного труда. Высокая норма эксплуатации колхозов, из которых в рамках государственных поставок изымалась даже часть необходимого продукта, имела своим следствием то, что полученного колхозниками дохода не хватало даже для обеспечения элементарной выживаемости крестьянской семьи. Вот почему выработав установленный государством минимум трудодней, крестьяне прекращали выходить на общественные работы, экономя силы для получения дополнительных заработков, занимаясь отходничеством или переходя на постоянное место жительства в город. Те же, кто не решался на разрыв с колхозом, сосредоточивали свои усилия для работы на личном приусадебном участке.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43039 «"Советский народ" на крайнем западе России: теория и практика формирования "новой исторической общности" в Калининградской области (1945–1991)».

Список источников и литературы

1. Аксенов Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Колхозное право. М., 1950.
2. Баранова Е. В., Маслово В. Н. Штрихи к демографическому портрету сельских переселенцев в Калининградскую область в 1946 году // Балтийский регион – регион сотрудничества, регионы в условиях глобальных изменений / под ред. А. А. Михайловой. Калининград, 2020. Т. 4, ч. 1. С. 311–320.
3. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-145. Партийная организация колхоза «Новая жизнь» (быв. «Большевик») Правдинского района. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-308. Управление по гражданским делам Правдинского района Калининградской области. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-1059. Объединенный архивный фонд колхоза «Новая жизнь» (быв. «Большевик») Правдинского района. Оп. 2.

6. Гергель О.В., Полх П.П. Структура производства и управления АПК Калининградской области в исторической эволюции (1945–1993) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. №12. С. 75–82.
7. Григорьев А.В. Труд и повседневный быт сельских жителей в 1946–1965 гг.: на материалах Чувашской АССР : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008.
8. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград, 2006.
9. Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009.
10. Костяшов Ю.В. История одного совхоза: опыт микроисторического исследования // Веков неспешный ход: Проблемы социально-экономической и политической истории России. Калининград, 2018. С. 336–353.
11. Костяшов Ю.В. Калининградские переселенческие колхозы 1946–1953 годов в свете статистики // Актуальные проблемы современной гуманитаристики. Калининград, 2015. С. 132–142.
12. Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946–1953 гг. М., 2015.
13. Колхозная правда. 1951–1958.
14. Манкевич Д.В. Сельское население Калининградской области в условиях послевоенной демографической компенсации и эпидемиологического перехода // Веков неспешный ход: Проблемы социально-экономической и политической истории России. Калининград, 2018. С. 354–363.
15. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193–202.
16. Миронов Р.Б. Социальные проблемы колхозного крестьянства Байкальского региона: 1945–1956 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012.
17. Полх П.П. Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений // Калининградские архивы. 2008. Вып. 8. С. 139–149.
18. Полх П.П. Система управления сельским хозяйством в советском государстве на региональном уровне в начале 1960-х гг. и попытки ее реорганизации (на материалах Калининградской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №5–6. С. 100–107.
19. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 236–261.
20. Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2017.

Об авторе

Максим Викторович Филёв — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

The author

Maksim V. Filev, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

УДК 329.055.1(430)

И. П. Максимов

**ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»
В 2017 – 2021 ГОДАХ**

83

В 2017 г. на выборах в бундестаг впервые в послевоенной немецкой истории было выбрано сразу шесть партий, впервые в парламент смогла пройти праворадикальная партия – «Альтернатива для Германии» (АдГ). Ее появление в общественно-политическом пространстве страны и в парламенте вызвало в немецком обществе и в науке повышенный интерес к феномену правого популизма. Очень быстро АдГ оказалась в центре внимания политологов, социологов, психологов и т.д. Предполагалось, что у АдГ может быть несколько основных сценариев развития: постепенно сдвинуться ближе к центру и стать системной партией, исчезнуть после нескольких электоральных циклов или продолжить движение вправо. К парламентским выборам 2021 г. партия подошла, укрепив свои позиции в восточных регионах страны и продолжив при этом сдвигаться вправо. В статье рассматриваются внутрипартийная борьба, эволюция программных установок и результаты партийного съезда в Дрездене 10 – 11 апреля 2021 г.

As many as six parties made a precedent to be simultaneously elected in post-war German history in the elections to the Bundestag in 2017. Moreover, the right-wing radical party, Alternative for Germany, was able to enter the Parliament for the first time. The emergence of the party in the social and political space of the country and in the Parliament aroused in German society and science an increased interest in the phenomenon of right-wing populism. The Alternative for Germany rapidly became the focus of attention of political scientists, sociologists, psychologists, etc. It was assumed that Alternative for Germany could have several main scenarios of development: gradually move closer to the center and become a systemic party, disappear after several electoral cycles, or continue moving to the right. By the elections to the Parliament in 2021, the party strengthened its positions in the eastern regions of the country, while continuing to shift to the right. This article examines the internal struggle among members of the party, the evolution of program guidelines and the results of the party congress in Dresden on April 10 – 11, 2021.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», правый экстремизм, популизм, евроскептицизм

Keywords: Alternative for Germany, right-wing extremism, populism, Euro-scepticism

В 2017 г. правоконсервативная партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) триумфально ворвалась в бундестаг, финишировав на третьей позиции. На тот момент ожидалось, что скорее всего партия будет постепенно встраиваться в систему или же наоборот – смещаться

вправо, блокируясь с другими более мелкими ультраправыми группами. Каковы же результаты деятельности АдГ спустя четыре года работы в немецком парламенте?

С одной стороны, можно говорить об успехах, поскольку электоральная поддержка партии продолжала расти. На эти четыре года пришлось выборы в ландтаги нескольких немецких земель. 2018-й можно записать в актив партии, так как она впервые прошла в парламенты Баварии с результатом 10,2 %, Гессена (13,1 %) и Нижней Саксонии (6,2 %) [16; 20; 22]. Все эти земли не относятся к территориям бывшей ГДР, где у партии традиционно лучшие позиции, чем на западе. В свою очередь, результаты в бывших восточногерманских землях еще выше: в 2019 г. в Саксонии партия получила 27,5 %, (было 9,7 %) [17], а в Бранденбурге – 23,5 % (было 12,2 %), заняв второе место после ХДС и СДПГ соответственно [13]. Значительно выросла электоральная поддержка и в Тюрингии – с 10,6 % до 23,4 % [18].

Позиции АдГ в Бремене на выборах 2019 г. и Гамбурге в феврале 2020 г. почти не изменились. В Бремене партия чуть улучшила свои показатели (с 5,5 % до 6,1 %), а в Гамбурге, напротив, слегка ухудшила (с 6 % до 5,3 %) [14; 15].

Таким образом, можно говорить о том, что успех 2017 г. не был случайностью, и партия продолжала укреплять свои позиции.

Рост правопопулистских настроений в Европе в последние годы заставляет специалистов обращаться не только к его конкретным проявлениям, но и к феномену в целом. К. Мудде отмечает, что правый популизм пользуется сегодня большей популярностью, чем все остальные партийные семьи [26]. Признанным специалистом в этой области политической науки является Э. Лакло, которому принадлежит наиболее известная теория правого популизма [21]. Ряд работ по этой тематике опубликовала М. Канован [9; 10].

Причины успеха правопопулистской АдГ активно исследуются в последнее время и в отечественной науке. Большинство авторов в качестве основной причины указывают миграционный кризис [2, с. 225; 3, с. 51]. Так, например, С.В. Свечникова напрямую связывает рост правого популизма с проблемами миграции: «С нарастанием проблемных миграционных явлений в начале XXI в. логично росла и популярность крайне правых, в отличие от традиционных партий не стеснявшихся говорить о проблемах и необходимости сохранения национальной и европейской идентичности» [4, с. 10]. Миграционный кризис в свою очередь дает массу скандальных информационных поводов, позволяющих постоянно держать в напряжении общественность: беспорядки в саксонском городке Хемниц в августе 2018 г., связанные с убийством гражданина ФРГ (предположительно беженцами), безусловно, увеличили электоральную поддержку партии на выборах в ландтаг Саксонии через год.

Однако наплыв беженцев не был единственной предпосылкой для роста популярности АдГ. Е.А. Захарова отмечает также недееспособность «большой коалиции», то есть традиционных правящих партий

ФРГ (ХДС/ХСС и СДПГ), дать адекватные ответы на вызовы времени [2, с. 234]. Автор приводит еще один любопытный фактор, влияющий на успехи АдГ: за нее голосуют «русские немцы» (выходцы с постсоветского пространства, которые переселились в ФРГ в 1990-е гг.). Впрочем, это обстоятельство явно можно считать второстепенным ввиду незначительного числа «русских немцев» (по разным оценкам, от 1,7 до 4,8 %), что, собственно, и отмечает автор [2, с. 232].

В.И. Кирьянова и С.И. Дмитриева дополняют перечень факторов: помимо провалов в миграционной политике это также общее разочарование населения в традиционной модели евроинтеграции. Авторы обращают внимание на то, что партия начала свою деятельность с отставания евроскептицизма [3, с. 51].

Несмотря на ряд объективных причин, способствующих росту популярности АдГ, партия по-прежнему остается раздражителем общественного спокойствия и регулярно оказывается в центре внимания информационных скандалов: высказывания партийных лидеров, участие в «похоронном марше» в Хемнице (2018), политический кризис в Тюрингии (2020), обвинения в экстремизме, исключение из партии Андреаса Кальбица (2020) и т. д.

Как и прежде, в АдГ сохраняется проблема единства. С момента основания не прекращается внутренняя борьба между умеренной частью партии и радикальной – «крылом». Сразу после выборов 2017 г. это привело к уходу из партии Фрауке Петри, которая посчитала, что АдГ слишком сильно сдвигается вправо. Но это не прекратило раскола даже формально. Партия по-прежнему имеет двух сопредседателей – это Йорг Мойтен (воспринимается в немецких масс-медиа как умеренный) и Тино Хрупалла, представляющий более радикальных однопартийцев. Председателями фракции АдГ в бундестаге также являются двое – Александр Гауланд и Алиса Вайдель. Комментируя ситуацию, немецкий политолог Вольфганг Шрёдер охарактеризовал состояние партии в ноябре 2020 г. следующим образом: «Две партии в одной» [5]. После успехов на региональных выборах в сентябре 2019 г. сдвиг партии вправо усилился. Немецкий политолог Матиас Квент сделал прогноз о постепенном возрастании роли Бьорна Хёке, который возглавляет внутрипартийный альянс «крыло»; что касается Й. Мойтена, то, по мнению Квента, «дни его сочтены»: так же, как сам Й. Мойтен выдвинул к 2017 г. из партии Ф. Петри, теперь его выдвигает «крыло» [12].

Надо сказать, что у партии есть возможность двигаться и дальше вправо, поскольку в ФРГ имеются еще более праворадикальные движения и организации (например, ПЕГИДА, от которой дистанцируются даже некоторые лидеры АдГ). Однако дальнейший дрейф в этом направлении может легко привести к маргинализации АдГ, так как ранее главным преимуществом партии было как раз маневрирование между радикальной и умеренной повесткой [5].

В марте 2020 г. стало известно, что федеральное ведомство по охране Конституции официально объявило о подозрениях в правом экстремизме в адрес «крыла», что в свою очередь давало право спецслуж-

бам страны осуществлять надзор за работой партии, а Хёке обещал прекратить деятельность «крыла» до 30 апреля 2020 г. Правда, 5 марта 2021 г. административный суд Кёльна этот запрет отменил.

Сопредседатель партии Й. Мойтен назвал это «тактическим фолом» [7], имея в виду, что подобное решение поднимает ненужный шум, а партия в глазах избирателя ассоциируется с подозреваемым, что несомненно должно повлиять на итоги предстоящих 14 марта парламентских выборов в Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце.

В результате спустя одиннадцать дней в Баден-Вюртемберге АдГ значительно ухудшила свои позиции, потеряв 5,4% и набрав в итоге 9,7% [23]. Примерно с таким же результатом закончились выборы в Рейнланд-Пфальце, где поддержка АдГ сократилась на 4,3% — с 12,6 до 8,3% [25].

Борьба между умеренной и радикальной частями партии в 2017–2021 гг. шла с переменным успехом. В 2020 г. Й. Мойтену удалось исключить из партии Андреаса Кальбица за правоэкстремистскую деятельность. Мойтен обвинял Кальбица в том, что его действия нанесли серьезный удар по имиджу АдГ. В мае 2020 г. федеральный исполнительный совет партии исключил Кальбица семью голосами «за» при пяти «против» и одном воздержавшемся. Сам Кальбиц все обвинения отрицал, но заявил, что не будет баллотироваться в бундестаг в 2021 г., чтобы избавить партию от дополнительных нападков. Оппонент Мойтена в партии Т. Хрупалла в августе 2020 г. заявил, что за шесть лет знакомства с Кальбицем он никакого экстремизма в его взглядах не заметил [9].

Впрочем, на падение рейтингов повлияла не только история с обвинениями партии в правом экстремизме, но и эпидемия коронавируса. С одной стороны, пандемия заслонила проблему мигрантов, на волне которой АдГ и прошла в бундестаг в 2017 г., с другой — коронакризис заставил партию определиться со своей позицией в данном вопросе. В апреле 2020 г. как умеренные, так и радикальные члены АдГ стали выступать за смягчение ограничений и оказались на позиции ковид-диссидентов [1]. В августе 2020 г. в интервью ЦДФ (второе немецкое телевидение) Т. Хрупалла высказывался за отмену обязательного ношения масок, утверждая, что эта мера должна быть исключительно добровольной, а эффективность использования масок так и не была доказана [11]. Подобные действия привели к снижению рейтингов партии в течение 2020 г. Несмотря на это, партия продолжила и в начале 2021 г. критиковать А. Меркель за слишком прямолинейный курс борьбы с ковидом. Й. Мойтен обращал внимание на то, что Франция и Нидерланды проводят гораздо более гибкую политику в области экономики и образования в связи с эпидемией [20].

10–11 апреля 2021 г. в Дрездене состоялся федеральный съезд партии, на котором присутствовало 600 делегатов. Он должен был выработать предвыборную повестку. Ожидалось возможное укрепление единства в партии и выдвижение единого лидера на предстоящих парламентских выборах.

Достигнуть единства не удалось, небольшой тактический успех Й. Мойтена в связи с «делом Кальбица», не позволил ему укрепить свои позиции. Было принято решение о том, что АдГ вновь пойдет на выборы под руководством двух лидеров — Й. Мойтена и Т. Хрупаллы.

Либеральная «Зюддойчецайтунг» назвала съезд поворотом вправо, отметив активность в дебатах лидера «крыла» Бьорна Хёке и единодушные депутатов (многие инициативы были приняты подавляющим большинством голосов — 570 из 600) [6]. Бьорн Хёке и его группа, как и ранее, призывали к ограничению иммиграции, выступая против нормы о «воссоединении семей», которая позволяет гастарбайтерам привозить свои семьи в Германию. Хёке осудил канадскую модель иммиграции (за нее в партии высказывается А. Вайдель) и австралийскую, но похвалил японскую.

Что касается программы, то она также отражает сдвиг партии вправо, хотя риторика съезда стала гораздо более умеренной. В июне 2018 г. Александр Гауланд очень неосторожно заявил, что нацистский период — это лишь незначительный отрезок в истории Германии: «У нас славная история, и, дорогие друзья, она продолжалась дольше, чем проклятые двенадцать лет» [19]. Высказывание было крайне негативно воспринято в немецких масс-медиа, и на апрельском съезде делегаты не позволили себе столь шокирующие заявления. Небольшие предвыборные ролики, продемонстрированные на съезде, не содержали никакого намека на экстремизм, а предвыборный лозунг, выдвинутый в Дрездене, звучал абсолютно безвредно: «Германия. Но нормально» (Deutschland. Aber normal). Так партия стремилась привлечь на свою сторону электорат, который легко отпугнуть экстремистскими заявлениями. Что же скрывалось за этим лозунгом?

На съезде партия обсуждала ставший для нее традиционным вопрос о миграционном кризисе. По мнению Тино Хрупаллы, это главный вопрос на сегодняшний день, и кабинет А. Меркель до сих пор не мог сформулировать ответ на него. Постоянное обсуждение правыми партиями на Западе примерно одних и тех же проблем на протяжении десятилетий позволило П. Тагарту выделить отдельный тип «нового правого популизма» [27, р. 100], который как раз и сконцентрирован на вопросах миграции, безопасности, преступности.

Однако на этот раз вопрос о беженцах и мигрантах был дополнен еще двумя тезисами, которые и стали основой предвыборной программы 2021 г.

Во-первых, АдГ потребовала выхода Германии из ЕС и возвращения немецкой марки. Партия и ранее зачислялась в разряд евроскептиков, но столь четко подобный постулат прозвучал впервые. Характерно, что хотя Й. Мойтен затронул этот вопрос только как один из возможных вариантов, партия почти единодушно его подхватила. Журналисты мгновенно окрестили эту идею Декситом (dexit) — по аналогии с Брекситом.

Во-вторых, партия выступила категорическим противником сохранения ограничительных мер, вызванных пандемией. На съезде была

принята так называемая «коронавирусная резолюция». АдГ потребовала не допустить принудительной вакцинации, дальнейшего нагнетания атмосферы страха, поддержала активизацию поддержки детей, пострадавших от эпидемии, более широкое и свободное обсуждение пандемии с привлечением независимых экспертов. Лишь один из девяти пунктов резолюции был непосредственно связан с экономическими вопросами: «Немедленно прекратить установленную государством изоляцию и вернуть многим компаниям, находящимся под угрозой выживания, а также их сотрудникам и всем людям их гарантированные конституцией права на свободу в полном объеме» [8]. Остальные тезисы сводились к тому, что рядовые граждане опасаются фактического ограничения свободы в рамках борьбы с эпидемией. Сложилась парадоксальная ситуация: партия, которую обвиняют в экстремизме и угрозе демократии, заявляет, что она выступает за сохранение традиционных демократических ценностей. Интересно и то, что позицию АдГ по этому вопросу разделяют столь далекие от нее политические силы как Левая партия и Свободная демократическая партия Германии.

Прозвучали на съезде и явно консервативные тезисы: восстановление пограничного контроля, возвращение к обязательной военной службе и восстановление военного потенциала бундесвера, что в современной Германии вызывает устойчивые ассоциации с нацизмом. С небольшим перевесом на съезде была отклонена резолюция о либерализации продажи оружия.

Отдельного упоминания заслуживает позиция партии по климатическому вопросу. В настоящее время АдГ высказывается за сохранение ядерной и угольной энергетики, и, соответственно, против проекта декарбонизации. Лидеры партии полагают, что он очень дорого обойдется Германии, а экологическая повестка навязана Германии Соединенными Штатами. Аргументация в этом вопросе напоминает тезисы против карантинных мер: нет научных доказательств, подтверждающих, что изменения климата вызваны деятельностью человека.

Позиция АдГ в области экологии и энергетики вступает в противоречие с повесткой Союза 90/Зеленые, который, серьезно укрепил свои позиции в 2017–2021 гг. и превратился в главного конкурента АдГ за третью строчку в немецкой партийной иерархии. Двадцатого апреля 2021 г. Мойтен предположил вероятное создание черно-зеленой коалиции, результатом которого станет сдвиг Германии влево [20]. Поэтому можно говорить о том, что именно Зеленые воспринимаются руководством партии как главный соперник на выборах 2021 г.

Таким образом, можно констатировать, что надежды на вращение партии в систему, как и на ее быстрое исчезновение, не оправдались. АдГ имеет вполне устойчивую электоральную группу поддержки (особенно на востоке страны), которая, вероятно, в ближайшее время радикально не вырастет, но и не исчезнет. Это подтвердили парламентские выборы 26 сентября 2021 г., по итогам которых АдГ осталась примерно на тех же позициях, сократив свое представительство с 12,6 до 10,3%. Борьба за власть в партии приводит к тому, что у самой «Альтернативы

для Германии» есть несколько альтернатив развития в зависимости от того, как будет идти борьба за власть и, следовательно, как изменится повестка дня.

Однако очевидно, что миграционные проблемы, которые способствовали росту популярности АдГ, остаются для ФРГ столь серьезным вопросом, что ни одна партия не сможет решить их в течение нескольких лет или даже десятилетий. Это, в свою очередь, будет способствовать укреплению позиций партии в политическом ландшафте Германии. Кроме того, у АдГ есть возможность и дальше эволюционировать вправо, и, видимо, надолго задержаться на правом фланге немецкой партийной системы.

Список источников и литературы

1. Бадаева А.С. Пандемические стратегии западноевропейских ультраправых партий // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, №5. С. 94–113.
2. Захарова Е.А. Факторы электорального успеха «Альтернативы для Германии» // Политическая наука. М., 2019. №2. С. 219–244.
3. Кирьянова В.И., Дмитриева С.И. Альтернатива для Германии: реалии и перспективы // Панорама. 2017. Т. 29. С. 45–58.
4. Свечникова С.В. Альтернатива для Германии»: миграционная проблема партии и политика партии // Культура как фактор цивилизационного развития: достижения и просчеты. Орёл, 2018. С. 9–16.
5. AfD – zwei Parteien in einer. URL: https://www.deutschlandfunk.de/politologie-schroeder-zu-richtungskaempfen-in-der-afd-afd.694.de.html?dram:article_id=488403 (дата обращения: 29.04.2021).
6. AfD bläst Kandidatenkür ab. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/afd-bundesparteitag-kandidatenkuer-1.5260538> (дата обращения: 29.04.2021).
7. AfD-Sprecher Meuthen wirft Verfassungsschutz „taktisches Foul“ vor. URL: https://www.deutschlandfunk.de/einstufung-als-verdachtsfall-gekippt-afd-sprecher-meuthen.868.de.html?dram:article_id=493673 (дата обращения: 29.04.2021).
8. Bundesparteitag in Dresden beschließt Corona-Resolution. URL: <https://www.afd.de/bundesparteitag-in-dresden-beschliesst-corona-resolution/> (дата обращения: 29.04.2021).
9. Canovan M. Populism. L., 1981.
10. Canovan M. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47, №1. P. 2–16.
11. Chrupalla: Streit «hört auch mal der Nachbar». URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/zdf-sommerinterview-afd-chrupalla-100.html> (дата обращения: 29.04.2021).
12. Die AfD wird als rechtsradikale Partei gewählt. URL: <https://www.tagesanzeiger.ch/ausland/europa/die-afd-wird-als-rechtsradikale-partei-gewaehlt/story/21777646> (дата обращения: 29.04.2021).
13. Ergebnisse der Bürgerschaftswahlen in Brandenburg. URL: <https://www.wahlergebnisse.brandenburg.de/wahlen/LT2019/diagramUberblick.html> (дата обращения: 29.04.2021).
14. Ergebnisse der Bürgerschaftswahlen in Bremen. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bremen.html> (дата обращения: 29.04.2021).
15. Ergebnisse der Bürgerschaftswahlen in Hamburg. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/hamburg.html> (дата обращения: 29.04.2021).

16. *Ergebnisse der Landtagswahlen in Niedersachsen*. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/niedersachsen.html> (дата обращения: 29.04.2021).
17. *Ergebnisse der Landtagswahlen in Sachsen*. URL: <https://wahlen.sachsen.de/landtagswahl-2019-wahlergebnisse.php> (дата обращения: 29.04.2021).
18. *Ergebnisse der Landtagswahlen in Thüringen*. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/thueringen.html> (дата обращения: 29.04.2021).
19. *Gauland: «Hitler und Nazis nur ein Vogelschiss» – Kramp-Karrenbauer reagiert sofort*. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/bundeskongress-der-jungen-alternative-hitler-und-nazis-nur-ein-vogelschiss-gauland-relativiert-ns-zeit_id_9028845.html (дата обращения: 29.04.2021).
20. *Jörg Meuthen: Ob Laschet oder Söder – wer die Union wählt, bekommt am Ende grün*. URL: <https://www.afd.de/joerg-meuthen-ob-laschet-oder-soeder-wer-die-union-waehlt-bekommt-am-ende-gruen/> (дата обращения: 29.04.2021).
21. *Laclau E. On Populist Reason*. L., 2005.
22. *Landtagswahl 2018: Amtliches Endergebnis*. URL: <https://www.bayern.landtag.de/abgeordnete/landtagswahl-2018/das-amtliche-endergebnis/> (дата обращения: 29.04.2021).
23. *Landtagswahl 2021*. URL: <https://www.landtag-bw.de/home/aktuelles/landtagswahl-2021.html> (дата обращения: 29.04.2021).
24. *Landtagswahl 2021*. URL: https://www.statistik-hessen.de/1_2018/html/landesergebnis (дата обращения: 29.04.2021).
25. *Landtagswahl 2021: Endgültiges Ergebnis*. URL: <https://wahlen2021.rlp.de/de/ltw/wahlen/2021/> (дата обращения: 29.04.2021).
26. *Mudde C. The problem with populism*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/17/problem-populism-syriza-podemos-dark-side-europe> (дата обращения: 29.04.2021).
27. *Taggart P. Populism*. L., 2000.

Об авторе

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: iliamaks@mail.ru

The author

Dr Ilya P. Maksimov, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: iliamaks@mail.ru

Ю. О. Рачинская-Спивакова

**СФЕРЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АСЕАН
С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Поступила в редакцию 01.06.2021 г.
Рецензия от 06.08.2021 г.

Эволюция гражданского общества в Юго-Восточной Азии широко рассматривается в актуальных политических исследованиях, посвященных анализу процессов регионализации в этой части мира. В этой связи особое внимание уделяется имплементации провозглашенной концепции АСЕАН, направленной на укрепление взаимодействия с общественными организациями. Цель статьи – выявление сфер эффективного взаимодействия между официальными структурами АСЕАН и гражданским обществом в регионе. Данное исследование опирается на теорию нового регионализма, согласно которой вследствие таких глобальных трендов, как децентрализация государственной власти, переход на стадию многополярного мирового порядка и др., гражданское общество играет важную роль в региональной интеграции. Выявлены три сферы эффективного взаимодействия – борьба с морским пиратством, защита прав трудящихся-мигрантов и преодоление последствий природных катастроф. Эти сферы могут послужить примером для расширения сотрудничества и поиска ответов на другие вопросы, волнующие население данного региона.

Evolution of civil society in South-East Asia have been widely analyzed in the framework of current political researches dedicated to regionalization processes in that part of the world. In this regard, special attention has been given to the implementation of ASEAN's concept of strengthening cooperation with CSO's. This article aims at identifying the areas of effective cooperation between official ASEAN and civil society organizations in the region. The research is based on the concept of "New regionalism", which refers to the increasing involvement of civil society in regional integration processes, following such global trends as decentralization of national power, a global shift to multi-polar world etc. The author identified three such areas of effective cooperation: maritime piracy, natural disaster management and the rights of migrant workers. These cases may serve as a successful example for expanding the cooperation between official ASEAN and civil society into other areas of regional priority.

Ключевые слова: гражданское общество, регионализм, АСЕАН, общественные организации, НПО, Юго-Восточная Азия

Keywords: civil society, regionalism, ASEAN, NGO's, South-East Asia

**Введение – Концепция нового регионализма
в контексте развития Юго-Восточной Азии**

Тема гражданского общества, его взаимодействия с государственными структурами и влияния на государственную политику часто затрагивается современными отечественными и зарубежными политоло-

гами в связи с наблюдаемым расширением областей взаимодействия и усилением влияния первого на политические, экономические и культурные процессы регионального сотрудничества. С зарождением теории нового регионализма все большее внимание начало уделяться как региональному сотрудничеству между представителями общественных организаций, так и их влиянию на процессы региональной интеграции. Согласно этой теории, на процессы регионального уровня воздействуют не только государственные структуры власти, как в классическом регионализме, но также и негосударственные игроки. В отличие от теории классического регионализма в данном случае исследования фокусируются на влиянии внутрирегиональных акторов на региональную интеграцию, исходя из понимания, что динамика постколониального периода, в рамках которой мировые державы продолжали оказывать сильное влияние на политику бывших колоний на региональном уровне, утрачивает свою актуальность [1; 8; 13].

Возникновение данной концепции обусловлено несколькими основными факторами. Во-первых, современная система международных отношений характеризуется рядом исследователей как многополярная или находящаяся в стадии перехода к многополярности [2]. В рамках этой системы формируется несколько центров политического и экономического влияния. В отличие от однополярной или биполярной системы периода Холодной войны, в рамках многополярной системы наблюдается относительное ослабление централизованной власти и расширение возможностей негосударственных игроков взаимодействовать и оказывать влияние на государственных акторов. По мнению некоторых исследователей, мировая система вступила в стадию «сложного общества», которое характеризуется нелинейными связями и в котором все ее составляющие находятся в постоянном движении и оказывают непреднамеренное и непредсказуемое влияние друг на друга [1; 13].

Глобализация является еще одним фактором, который оказал положительное влияние на активизацию гражданского общества как на локальном, так и на региональном уровне. Она способствовала появлению новых и разнообразных каналов коммуникации, быстрому распространению информации и облегчению различного рода связей между неправительственными структурами. Благодаря средствам массовой информации и новым социальным медиа современное общество гораздо в большей степени осведомлено о происходящих событиях и имеет в своем распоряжении ряд средств и каналов для оказания влияния на политику государств. Сегодня практически невозможно утаить от общественного взгляда последствия природных катаклизмов, вооруженных конфликтов, миграционных кризисов и любых значимых социальных изменений в целом. Помимо этого, глобализация также способствовала возникновению «эффекта бабочки», при котором одно событие способно спровоцировать цепную реакцию со значительными последствиями [13, р. 237]. Несмотря на различного рода ограничения физической коммуникации в период пандемии коронавируса нового типа, возможности для гуманитарных взаимодействий не сократились, а в какой-то степени даже расширились.

Та же тенденция наблюдается и в контексте деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в которой интерес к укреплению взаимодействия между правительствами и гражданским обществом начал проявляться в конце 1990-х гг. в результате азиатского финансового кризиса. Этот кризис, с одной стороны, убедил руководство АСЕАН в необходимости более активного взаимодействия с гражданским обществом как инструмента сохранения региональной легитимации. С другой — представители гражданского общества, которые до этого момента оказывали влияние на региональные процессы, обращаясь в международные организации, такие как Всемирный банк, Программа развития ООН и т. д., осознали под влиянием тяжелых экономических последствий финансового кризиса необходимость взаимодействия непосредственно с самой АСЕАН с целью совместного поиска выхода из сложившейся ситуации [11]. В итоге был сформулирован принцип «человекоориентированной» АСЕАН, который впоследствии был зафиксирован в официальных документах организации.

На сегодняшний момент, несмотря на провозглашенную направленность на укрепление взаимодействия с гражданским обществом, сотрудничество продолжает оставаться ограниченным, в особенности по вопросам безопасности и внешней политики, что обусловлено основополагающим принципом организации, предполагающим невмешательство во внутреннюю политику членов организации («путь АСЕАН») [5; 6].

Когда речь заходит об областях, в которых все-таки наблюдается взаимодействие АСЕАН с гражданским обществом, зачастую приводится пример сотрудничества в сфере прав человека, подчеркивается вклад общественных организаций в основание межправительственной комиссии АСЕАН по правам человека [7]. Тем временем недостаточное внимание уделяется изучению и анализу иных возможностей эффективного взаимодействия, под которым подразумевается физическое присутствие представителей гражданского общества на официальных заседаниях АСЕАН, а также участие в формировании региональной политики. Цель данной работы состоит в демонстрации возможности эффективного и не противоречащего принципу невмешательства взаимодействия с гражданским обществом в рамках АСЕАН в сферах, носящих преимущественно транснациональный характер.

Принцип «человекоориентированности» АСЕАН

Направленность АСЕАН на укрепление роли гражданского общества в региональных процессах начала проявляться в провозглашении «человекоориентированности» и закреплении этого намерения в нормативной основе организации вследствие азиатского финансового кризиса 1997 г.¹ В программе под названием «Видение-2020», выпущенной

¹ Изначально речь шла о «человекоцентричности», но впоследствии было принято решение об изменении термина на «человекоориентированность», так как он показался руководству организации менее обязывающим.

АСЕАН в 1997 г., подчеркивалась приверженность стран – членов ассоциации созданию сообщества, которое «расширяет полномочия» гражданского общества, а также «уделяет особое внимание уязвимым, недееспособным и малоимущим», тогда как сами страны «управляются с согласия и большего участия со стороны общества»². В 2003 г. было подписано соглашение Бали-II, которое привело к укоренению идеи о «человекоориентированном» АСЕАН. Последующие встречи лидеров АСЕАН, в том числе и годовые саммиты, стали использовать этот термин в официальной документации. Тем не менее, несмотря на рекомендацию рабочей группы по формулировке Устава АСЕАН, касавшейся создания консультативных механизмов с участием представителей гражданского общества в регионе, конечная версия документа, которая была анонсирована в 2013 г., не включила этот пункт, что вызвало разочарование в среде общественных организаций [10, р. 42–45].

Многие исследователи АСЕАН сходятся во мнении, что провозглашенная «человекоориентированность» ассоциации используется АСЕАН как дымовая завеса, за которой продолжает скрываться элитарный характер регионального управления и принятия решений [7]. В этой связи часто приводится проблематичность процесса получения аккредитации АСЕАН для неправительственных организаций. Инструкции по получению аккредитации для неправительственных организаций 2006 г. включают ряд требований, которые расцениваются как намеренно созданный механизм со стороны АСЕАН для блокировки организаций, чья идеология не соответствует официальной политике ассоциации [5; 6; 11]. Так, один из пунктов включает требование, согласно которому организация, подающая кандидатуру на аккредитацию, должна осознавать задачи АСЕАН, поддерживать их и стремиться к их укреплению. Каждое действие со стороны аккредитованной организации, которое противоречит политике ассоциации, может повлечь за собой лишение ее этого статуса. Таким образом, процесс аккредитации, который якобы должен выступать основным каналом для взаимодействия с руководством АСЕАН, на практике представляет собой механизм для отбора НПО, которые не представляют угрозу для организации [4; 5, р. 315–316]. В связи с этим на сегодняшний день аккредитованными организациями являются по большей части профессиональные ассоциации, такие как ассоциация бухгалтеров, юристов, ортопедов, преподавателей и т. д.

Дополнительная форма взаимодействия АСЕАН с гражданским обществом выражается в создании официальных форумов и площадок для взаимодействия. К подобного рода организациям относится, например, Институт стратегических и международных учений АСЕАН (ASEAN-ISIS), который объединяет подобные институты из некоторых стран региона и периодически консультирует АСЕАН по ряду вопросов начиная с конца 1980-х гг. В связи с тем, что членами этой организации были ученые, они в большей степени представляли интересы элит,

² 1997 ASEAN Vision 2020, online.

нежели слабых слоев населения, и поэтому их взаимодействие с АСЕАН не выполняет задачу по интеграции различных представителей гражданского общества [5, p. 316].

Первая площадка для взаимодействия с гражданским обществом — Народная Ассамблея АСЕАН, а также заменивший ее в 2009 г. Народный Форум, тоже не смогли предоставить возможность для полноценного взаимодействия с гражданским обществом в связи с отказом лидеров некоторых стран АСЕАН принимать в них участие либо запретом на участие «неугодных» общественных организаций [11, p. 173–174].

Таким образом, механизмы, направленные на взаимодействие с общественными организациями и созданные по инициативе АСЕАН в рамках продвижения принципа «человекоориентированности», на сегодняшний день не смогли достичь желаемой цели по углублению кооперации с гражданским обществом.

Сферы эффективного взаимодействия с гражданским обществом

Несмотря на ограниченную эффективность существующих площадок, сотрудничество общественных организаций с официальными структурами все-таки находит свое отражение в некоторых сферах региональной политики [3, p. 33]. В этой части статьи будут рассмотрены три таких направления: борьба с морским пиратством, защита прав трудящихся-мигрантов и устранение последствий стихийных бедствий.

Морское пиратство является одним из основных вызовов «нетрадиционной безопасности» в Юго-Восточной Азии в связи с географическими особенностями региона. Общественные организации сыграли важную роль в самом определении проблемы как существенного вызова безопасности навигации, морской торговле, энергетической безопасности, а также в трактовке пиратства как потенциального источника терроризма. Тем самым они смогли привлечь внимание правительств к данной проблеме и подтолкнуть их к поиску регионального решения. Одним из примеров такого решения стала организация совместных морских патрулей в Малаккском проливе с участием Малайзии, Сингапура и Индонезии [3, p. 34]. Тем не менее пиратство остается фактором развития морской наркоторговли, контрабанды оружия, торговли людьми и т.д. По утверждению Дж. Мака, для полного разрешения проблемы АСЕАН должна привлечь общественные организации для расширения возможностей жителей прибрежных поселений, которые зарабатывают на жизнь пиратством и морской преступностью [9].

Также актуален вопрос трудящихся-мигрантов, который особенно остро воспринимается в Юго-Восточной Азии, так как является существенной составляющей региональной экономики. Страны АСЕАН существенно разнятся в своих подходах к данному явлению в связи с тем, что Сингапур и Малайзия принимают трудящихся-мигрантов, тогда как Филиппины и Индонезия выступают их отправными пунк-

тами для рабочей силы. Этими различиями обусловлен длительный процесс формирования и подписания Декларации АСЕАН по охране прав трудящихся-мигрантов, которая была успешно ратифицирована в 2017 г.

Вследствие актуальности проблемы трудящихся-мигрантов для региона в целом в Юго-Восточной Азии работает наибольшее количество общественных организаций, занимающихся защитой прав трудящихся-мигрантов [12, р. 37–38]. Общественные организации принимали активное участие в подготовке вышеупомянутой декларации посредством создания рабочей группы АСЕАН по правам иммигрантов, которая координировала работу огромного количества национальных общественных организаций (только из Филиппин в рабочей группе принимали участие 130 представителей), в результате чего были сформулированы и переданы на рассмотрение секретариата АСЕАН основные принципы по защите прав трудящихся-мигрантов [Ibid., р. 40].

Наконец, одним из наиболее ярких примеров сотрудничества с гражданским обществом в рамках АСЕАН считается сфера устранения последствий стихийных бедствий. Один из пунктов соглашения по управлению стихийными бедствиями и предоставлению экстренной помощи АСЕАН (AADMER) призывает к сотрудничеству с общественными организациями, согласно которому стороны должны задействовать их и местное население в процессах, связанных с выработкой регионального подхода к стихийным бедствиям [3, р. 37]. Кроме того, сотрудничество также проявляется в интенсивном взаимодействии группы общественных организаций с комитетом АСЕАН по управлению стихийными бедствиями, которое выражается в их участии в формулировании рекомендаций, содействии в распространении информации, участии в подготовке волонтеров и т. д. [Ibid.].

Тем не менее, когда речь заходит о более щепетильных вопросах, затрагивающих национальные интересы членов АСЕАН, взаимодействие с гражданским обществом обретает иную форму. На примере военного переворота в Мьянме, произошедшего в феврале 2021 г., стало очевидным, что в ситуациях, в которых общественное мнение противоречит официальным интересам АСЕАН и принципу принятия решений через консенсус, общественные организации оказывают косвенное влияние на политику своих государств. В связи с этим общественные организации опубликовали декларацию, выражающую их позицию по вопросу разрешения конфликта в Мьянме, которая включила призывы к немедленному освобождению политических заключенных, непризнанию военного правительства и делегированию специального посланника от АСЕАН для урегулирования ситуации³.

Незадолго до проведения народного собрания по инициативе индонезийской стороны состоялась специальная встреча между лидерами АСЕАН, по результатам которой также была опубликована деклара-

³ *Joint Declaration of the Southeast Asian People-to-People Region Hall on the Crisis in Myanmar*. URL: https://r2pasiapacific.org/files/6545/Joint_Declaration_SEA_RegionHall_Myanmar_2021.pdf (дата обращения: 08.04.2021).

ция, включившая пункты о делегировании специального посланника для разрешения конфликта в Мьянме, призыв к диалогу между враждующими сторонами и к прекращению насилия⁴. В связи с тем, что подобные заявления не характерны для АСЕАН, которая на протяжении всей своей истории стремилась придерживаться принципа невмешательства во внутреннюю политику стран-членов, можно предположить, что косвенное давление со стороны гражданского общества возымело свое действие и сыграло роль в оформлении официальной политики организации по данному вопросу.

Таким образом, несмотря на разный характер региональных вызовов, анализируемых в данном исследовании (нетрадиционная безопасность и политическая стабильность), гражданское общество успешно прибегает к различным средствам для оказания влияния на формирование региональной политики.

Заключение

Несмотря на провозглашенный принцип «человекоориентированности» АСЕАН, взаимодействие с гражданским обществом остается ограниченным, в особенности когда речь идет о сотрудничестве в рамках официальных площадок, созданных по инициативе АСЕАН. Тем не менее существуют сферы, в которых взаимодействие с общественными организациями проявляется особенно ярко, в особенности когда речь заходит об угрозах транснационального характера: стихийные бедствия, морская преступность, положение рабочих-мигрантов. Из приведенных примеров следует, что на данный момент влияние общественных организаций наиболее очевидно в привлечении внимания чиновников к той или иной региональной проблеме и к необходимости выработки программы для ее эффективного решения.

С другой стороны, пример Мьянмы демонстрирует, что взаимодействие возможно и по особенно щепетильным вопросам, даже если оно проявляется косвенным способом, без элементов открытого сотрудничества между правительственным и неправительственным сектором. Возможно, относительные успехи в этих областях послужат в будущем примером для расширения взаимодействия и подчеркнут его необходимость для дальнейшего развития региона.

Список литературы

1. Воскресенский А. Д., Колдунова Е. В., Киреева А. А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, №2. С. 37–57.

2. Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. №3. С. 27–37.

⁴ *Chairman's Statement on the ASEAN Leaders' Meeting*. URL: <https://asean.org/storage/Chairmans-Statement-on-ALM-Five-Point-Consensus-24-April-2021-FINAL-a-1.pdf> (дата обращения: 24.04.2021).

3. *Allison L., Taylor M.* ASEAN's 'people-oriented' aspirations: civil society influences on non-traditional security governance // *Australian Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 71, №1. P. 24–41.
4. *Aviel J. F.* The growing role of NGOs in ASEAN // *Asia-Pacific Review*. 1999. Vol. 6, №2. P. 78–92.
5. *Collins A.* A people oriented ASEAN: a door ajar or closed for civil society organizations // *Contemporary Southeast Asia*. 2008. Vol. 30, №2. P. 313–331.
6. *Gerard K.* Explaining ASEAN's Engagement of Civil Society in Policy-making: Smoke and Mirrors // *Markets and Development: Civil Society, Citizens and the Politics of Neoliberalism*. 2015. Vol. 12, №3. P. 365–382.
7. *Gomez J., Ramcharan R.* The protection of human rights in Southeast Asia: Improving the effectiveness of civil society // *Asia-Pacific Journal on Human Rights and Law*. 2012. №2. P. 27–43.
8. *Hettne B., Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5, №3. P. 457–472.
9. *Mak J. N.* NGOs, piracy and maritime crime in Southeast Asia [2013]. URL: <https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/apb228.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).
10. *Morada N. M.* ASEAN at 40: Prospect for community building in South-East Asia // *Asia-Pacific Review*. 2008. Vol. 15, №1. P. 36–55.
11. *Nesadurai H. E. S.* The ASEAN People's Forum as authentic social Forum // *Routledge Handbook of Asian Regionalism*. L., 2012. P. 166–176.
12. *Rother S., Piper N.* Alternative Regionalism from Below: Democratizing ASEAN's Migration Governance // *International Migration*. 2015. Vol. 53, №3. P. 36–49.
13. *Urry J.* The Complexities of the Global // *Theory, Culture and Society*. 2005. Vol. 22, №5. P. 235–254.

Об авторе

Юлия Олеговна Рачинская-Спивакова — соискатель ученой степени, МГИМО МИД России; дипломат, МИД Израиля.
E-mail: rachinsk@hotmail.com

The author

Yulia O. Rachinskaya-Spivakova, PhD student, Moscow State University of International Relations, Russia; diplomat, MFA of the State of Israel.
E-mail: rachinsk@hotmail.com

Е. С. Фидря, А. Н. Данилин, С. Ю. Куликов, М. И. Кришталь

ПРИНЦИПЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ИЗВЛЕЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ КОММЕНТАРИЕВ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ОСНОВЕ ТРЕХФАКТОРНОЙ
КОММУНИКАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Поступила в редакцию 26.05.2021 г.

Рецензия от 26.07.2021 г.

99

Работа посвящена исследованию основных коммуникативных стратегий, которые используются субъектами риск-коммуникации при обсуждении и интерпретации государственных мер по управлению неблагоприятными последствиями кризисов (на примере пандемии коронавируса COVID-19). Для извлечения и классификации комментариев авторами была разработана трехфакторная модель классификации текстов и комментариев на основе сочетания коммуникационной модели кодирования/декодирования текстов С. Холла, теории функциональных подсистем Н. Лумана, классификации коммуникативных стратегий. При помощи инструментов автоматического извлечения данных сформирован массив кодированных текстов (76 тысяч) и комментариев к ним (около 1,5 млн), разработана сверточная нейронная сеть, определяющая применяемые в ходе интерпретации текстов режимы декодирования текстов. Примененный коллективом подход не только позволяет учесть тематику, но и обеспечивает учет модели «мера / высказывание-реакция», позволяет рассмотреть широкий спектр государственных мер и высказываний политических акторов, оценить более широкий набор потенциальных реакций аудиторий на них при использовании русскоязычного материала.

The paper aims at examining the main communication strategies used by those involved into risk communication on the governmental regulations on the management of the adverse aftermaths of the crises (on the case of COVID-19 pandemics). In order to extract and classify the set of comments, a three-factor model was developed to classify the texts and comments through S. Hall's 'encoding/decoding' model, N. Luhmann's functional subsystems theory, and communicational strategies' types. Using tools for the automatized data extraction we got the texts (76.000) and comments (1.500.000) samples and developed a neural network classifying the texts decoding regimes during its interpretation. The approach developed by authors both allows to consider the issues, and the 'measures/statements – reactions' model, it helps to examine broader set of governmental measures and statements, users' reactions and analyze texts in the Russian language.

Ключевые слова: риск-коммуникация, онлайн-коммуникация, кодирование, декодирование, код, государственное регулирование, пандемия, COVID-19, коммуникационная модель

Keywords: risk communication, communication online, encoding, decoding, code, governmental regulation, pandemic, COVID-19, communication model

Введение

Управление коммуникациями во время кризиса имеет ключевое значение не только для формирования общественного мнения как такового, но и для управления поведением населения, профилактикой неэффективных или общественно опасных действий. Легитимация принятых мер в публичном дискурсе способствует формированию институционального доверия и эффективности мер по управлению эпидемической обстановкой. В современной коммуникативной среде ключевую роль в формировании публичной позиции по отношению к принимаемым мерам играет интерпретация принятых мер в онлайн-среде (социальные сети, форумы и комментарии на новостных порталах).

Проблеме изучения онлайн-коммуникации (в том числе в отношении кризисов и актуальных рисков) посвящен значительный массив исследований, однако в основном они касаются либо когнитивных аспектов восприятия текстов, либо формирования сетевых образов, либо негативных сторон онлайн-коммуникации (кибербуллинг и пр.), фокусируясь на психологических и когнитивных или идентичностных аспектах субъектов коммуникации. При таком подходе непонятными остаются важные социологические и семиотические аспекты риск-коммуникации: процесс кодирования и интерпретации текста, влияние на формирование отношения к его содержанию структурных и социально-политических аспектов субъектов коммуникации, а также применяемых ими коммуникативных стратегий и базовых логик квалификации ситуации.

Структурные аспекты коммуникации рассматриваются нами с точки зрения модели «кодирования / декодирования», где государственные органы производят «текст» (в виде нормативного акта или официального сообщения), информационные площадки обеспечивают его циркуляцию, в ходе онлайн-коммуникации осуществляется декодирование текста и воспроизведение его смысла. Информационные площадки «кодируют» подачу принятых мер с точки зрения той или иной функциональной подсистемы, а индивиды интерпретируют эти сообщения (с «доминирующей», «оппозиционной» или «согласованной» позиции).

Содержательное исследование интерпретации участниками онлайн-коммуникации принятых властями мер производится с точки зрения концепции кода функционально дифференцированных подсистем Н. Лумана (медицинской, экономической, политической, социальной, моральной и др.), на которых и базируются применяемые в дискуссии аргументы.

В данной работе рассматривается инструмент для изучения стратегий онлайн-коммуникации на основе модели кодирования / декодирования Стюарта Холла и концепции «наблюдения второго порядка» Никласа Лумана, предлагается трехфакторная модель для извлечения и анализа данных, а также описывается методика разработки инструмента сбора и анализа данных.

Теоретико-методологические установки

Исследование онлайн-коммуникаций — одна из наиболее интенсивно развивающихся областей социальных наук, предполагающая, как правило, применение междисциплинарного подхода на стыке социологии, лингвистики, социальной семиотики, психологии. По предмету общественно-политической онлайн-коммуникации за последние годы появилось множество исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов.

В последнее время в отечественных социально-политических науках развиваются исследования онлайн-коммуникации: предпринимаются попытки осмысления и трансформации системы коммуникации в целом [1–3] и социального поведения микросубъектов коммуникации [5; 7]. Большинство исследователей при этом опираются на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Попытки осмыслить коммуникативную среду при помощи концепций Н. Лумана также встречаются [4], в том числе и с обращением к проблеме функционально дифференцированных подсистем и самореференциальных кодов [9; 10; 26], однако внимание исследователей в этих работах направлено на общесоциальную динамику коммуникационных процессов либо внутреннюю динамику виртуальных социальных сообществ, в то время как проблема собственно коммуникации в онлайн-пространстве, интерпретации смыслов и последующих социальных действий практически не освещается. Подобные тенденции характерны и для зарубежной социологии: несмотря на то что в социальной теории риска концепциям Н. Лумана отводится значительное место [21; 28], а социологических работ на тему теории коммуникации Н. Лумана только за последнее десятилетие опубликовано более 3 тыс., вопросы риск-коммуникации, динамики дискуссии и проблемы достижения компромисса в ходе онлайн-коммуникации по кризисным темам заметно уступают, например, проблеме доверия [11; 23].

Хотя модель кодирования/декодирования представляет собой удобный операциональный инструмент для исследования онлайн-коммуникации, поскольку кодируемый текст и его декодирование в виде комментария доступны непосредственному наблюдению исследователя, а оценка режима прочтения вполне осуществима при помощи современных инструментов лингвистического анализа текстов, в отечественных социальных науках данный подход практически не используется (в качестве исключения можно упомянуть, например, работу руководителя коллектива [8]). Вместе с тем в зарубежной социологии упомянутая модель кодирования/декодирования [16] не только довольно активно применяется (за последнее десятилетие более 900 публикаций — см., напр.: [12; 29; 32]), но и получила теоретическое развитие и дополнение [25], что позволило решить проблему полисемии и разделить этапы кодирования текста медиа и декодирования его следующим субъектом коммуникации. Единственным существенным ограничением данной

модели в исследовании риск-коммуникации онлайн является ее принципиальная нечувствительность к аргументации и логикам обоснования позиции, однако данная проблема может быть успешно решена путем обращения к концепции кода дифференцированных подсистем Н. Лумана.

Таким образом, к настоящему моменту не только сложились необходимые концептуальные предпосылки для структурного и содержательного анализа риск-коммуникации, но и имеются технические возможности для проведения подобного анализа на больших массивах путем автоматизированной разметки текста. Последняя может рассматриваться с двух точек зрения:

1) разметка текста экспертом (группой экспертов) при помощи определенного инструмента, поддерживающего требуемый формат разметки;

2) автоматическая разметка текста программными средствами с последующей коррекцией выходного результата (см., напр.: [17]).

В планируемой работе используются оба подхода (MATTER cycle: Model, Annotate, Train, Test, Evaluate, and Revise), первые два этапа осуществляются при помощи программы-разметчика, а далее используется нейросетевой подход.

Формулировка задачи предполагает применение режима разметки, сходного с разметкой диалогов и твиттер-коммуникации. В последнее время появился ряд схем разметки, ориентированных на разметку диалога (например, [15; 34]). Важно отметить, что данные исследования ориентированы на выработку общих схем разметки, оперируют сравнительно небольшими объемами данных (до 200 случаев) и опираются на модели диалога, которые характерны для диалоговых систем и чат-ботов. Подобная ориентация характерна и для программного решения LIDA компании Wluper Ltd. [13].

Более близкую к предлагаемой схеме предлагают Люнген и Герцберг [20]. В своей работе они рассматривают формальную сторону кодирования информации в репликах (ответ через форму ответа, ответ с копированием исходного сообщения и ответ с упоминанием автора исходной реплики).

Наиболее близка по теме исследования работа [30]: ее ключевым отличием является моделируемый процесс – выявление информационной составляющей сообщения, а не реакция на текст официального характера.

Актуальным трендом в отечественной социологии стало использование инструментов автоматического мониторинга социальных сетей. В социологических исследованиях наиболее активно применяются технологии компаний ООО «Палитрумлаб» (Brand Analytics), ООО «Крибрум» и ООО «Медialogия». Перечисленные программные продукты анализируют онлайн-пространство и определяют оценочное отношение к объекту мониторинга (так называемая объектная тональность). Подобное оценочное отношение характеризуется двумя или тремя шкалами (позитив – негатив, степень или сила позитива / негатива,

основная тема — второстепенная тема). Другим подходом к определению тональности является объект-аспектная модель, при которой объект мониторинга, помимо своего названия характеризуется некоторым набором его составляющих (аспектов). Такой подход используется при определении тональности для фильмов, гостиниц, продуктов питания [19; 24]. Сходный подход применяется и в системе, разработанной в ФСО для анализа тональности в отношении законопроектов [6]. Однако все перечисленные подходы не оперируют понятием «коммуникативная / коммуникационная стратегия» в качестве своего объекта.

Функционал и логика аналитической системы

В ходе исследования коллективом была разработана трехфакторная система классификации текстов и комментариев на основе сочетания коммуникационной модели кодирования / декодирования текстов С. Холла, теории функциональных подсистем Н. Лумана, классификации коммуникативных стратегий.

Для извлечения массива текстов и комментариев с последующим их анализом была выбрана сеть «ВКонтакте» (критерий — наиболее полная библиотека API, которая позволяет собрать данные как о самом посте, так и получить полное дерево комментариев к этому посту), в то время как для *Facebook* и *Instagram* данный функционал сильно ограничен, и исследование этих социальных сетей требует иного подхода.

Для анализа реакции пользователей на пост, связанный с COVID-19 в социальной сети, необходимо выбрать наиболее популярные группы в разделе интернет-СМИ. Для социальной сети «ВКонтакте» были выбраны следующие группы (табл. 1).

Таблица 1

Список групп сети «ВКонтакте», отобранных для анализа

Название	Адрес	Число подписчиков (на 11.01.2021)
РИА Новости	https://vk.com/ria	2539938
Лентач	https://vk.com/lentach	2313844
LIFE.ru	https://vk.com/life	2195192
PostNews	https://vk.com/postnews	2193024
Mash Мэш	https://vk.com/mash	1572057
ГЛАВНОВОСТИ	https://vk.com/glavnovosti	1505065
Топор — горячие новости	https://vk.com/toporcc	1354261
ПЛОХИЕ НОВОСТИ	https://vk.com/plohie_novosti_mc	1299344
Новости RT на русском	https://vk.com/rt_russian	1263708
ТРЕВОЖНЫЕ НОВОСТИ	https://vk.com/trevogznie_novosti	1154274
ПЕРВЫЙ НОВОСТНОЙ	https://vk.com/top_novostnoy	1028889
Телеканал РОССИЯ 1	https://vk.com/russiatv	1012093
Популярная механика	https://vk.com/popularmechanics	1011737
Forbes	https://vk.com/forbes	943056

Окончание табл. 1

Название	Адрес	Число подписчиков (на 11.01.2021)
Комсомольская правда – КР.RU	https://vk.com/kpru	836 157
ВЕСТИ	https://vk.com/vesti	780 302
Санкт-Петербург Live	https://vk.com/spb.live	777 620
РБК	https://vk.com/rbc	775 216
НУ И НОВОСТИ!	https://vk.com/rebadnews	747 278
Медуза	https://vk.com/meduzaproject	729 254
ТАСС	https://vk.com/tassagency	709 820
ТJ	https://vk.com/tj	705 181

104

Для сбора данных и дальнейшего анализа был выбран язык программирования *Python* и пакет *Anaconda*, включающий набор популярных свободных библиотек, объединенных проблематиками науки о данных и машинного обучения. Для хранения данных использовалась реляционная база данных SQLite. Для хранения данных были созданы три таблицы: Таблица Группы, Таблица Посты и Таблица Комментарии. Таблицы связаны между собой по внешнему ключу (рис.).

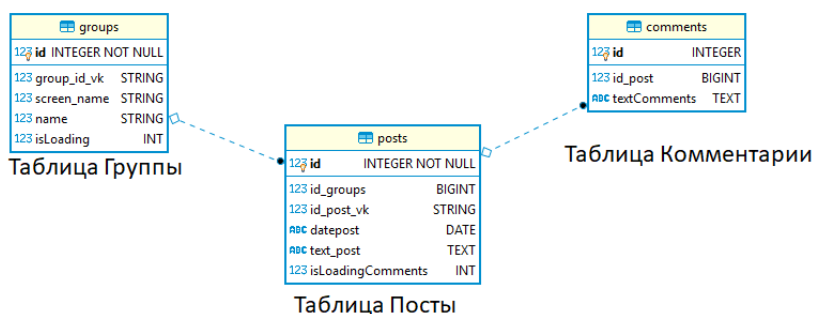

Рис. Схема базы данных для хранения информации из социальных сетей

Для социальной сети «ВКонтакте» были выгружены данные за период с февраля по декабрь. Общее количество постов составило 145 773, общее количество комментариев составило 3 923 579, среднее количество комментариев к посту составило 32.

Предварительная обработка данных заключалась в получении выборки из всех постов, причем только тех, что удовлетворяют поставленной задаче. Точнее, необходимо было отфильтровать посты так, чтобы остались только связанные с пандемией. Для этого был подготовлен список ключевых слов: 'коронавирус', 'короновирис', 'covid-19', 'ковид-19', 'ковидла', 'корона', 'пандемия', 'инфекция', 'пациент', 'врач', 'заболевание', 'больница', 'вирус', 'болезнь', 'состояние', 'вакцина', 'ковид', 'ковидла', 'больная', 'маска', 'лекарство', 'covid', 'препарат', 'симптом', 'анализ', 'карантин', 'поликлиника', 'диагноз', 'вектор', 'профилактика'.

тика', 'СИЗ', 'барановирус', 'коронакризис', 'коронабред', 'коронаскептик', 'короняшка', 'ковиднутый', 'коронаистеричка', 'ковиднуться', 'ковид-диссидент', 'ковиддиссидент', 'коммунарка', 'чайновирус', 'Ухань'.

Поиск в постах осуществлялся по совпадению любого слова из списка в его начальной форме, также учитывалось совпадение множества букв ключевого слова со множеством букв слова из текста, при совпадении более 80 % считалось, что слово принадлежит искомому. Таким образом после первичной обработки было получено 76 042 поста, упоминающих пандемию. Количество комментариев – более 1,5 млн.

После этого была сделана выборка в размере 10 тыс. первых постов и комментариев к ним, чтобы подготовить данные для обучения нейронной сети на предмет выявления положительности оценки пользователями действий, связанных с пандемией.

Для этого были проанализированы комментарии и расставлены коэффициенты оценки комментарием действия (или текста поста). В качестве принципа классификации логик была использована теория функциональных подсистем Н. Лумана, на основе которой был разработан следующий классификатор (табл. 2).

Таблица 2

Классификатор кодов функциональных подсистем (по Н. Луману)

Подсистема	Бинарные коды	Операция	Медиа	Программы
Экономика	Уплата / неуплата	Оплата	Деньги	Спрос и предложение
Политика	Обладать властью / не обладать властью	Принятие решений, голосование	Власть, легитимность, уровень доверия	Политические программы, Конституция
Право	Право / бесправие	Вынесение приговора	Закон	Законодательство, указы, приговоры
Наука	Правда / неправда	Публикация научных материалов	Научные публикации	Теоретические подходы, методология
Искусство	Новаторство / подражание	Создание произведения искусства	Произведение искусства	Стиль, мода
Религия	Имманентность / трансцендентность	Вера	Обряды, молитвы, священные писания	Заповеди
Масс-медиа	Информативное / неинформативное	Публикация новости, пресс-релиза	Информационный повод	Журналистская этика, тема
Образование	Удовлетворительное / неудовлетворительное	Оценка	Квалификация, диплом, ученая степень, научное звание	Учебный план
Здравоохранение	Больной / здоровый	Выздоровление	Здоровье	Диагноз
Спорт	Успех / неудача	Спортивное достижение	Занятое место, спортивный результат	Спортивные правила

Источник: составлено авторами на основе [26].

Для построения модели нейронной сети использованы библиотеки *TensorFlow*, *Keras*, *Sklearn*; для обработки данных и визуализации — *Pandas*, *Matplotlib*. Для расчетов применялся GPU на базе 2 видеокарт Nvidia 1060 с RAM 3Гб.

По сравнению с имеющимися аналогами, множество из которых разработано в 2020 г., предлагаемая система имеет ряд важных преимуществ. В рамках нашего подхода классификация сообщений осуществляется по более общим коммуникативным категориям, а также с использованием трех классификационных оснований.

Значительное количество работ (например, в рамках соревнования WNUT-2020 Task 2: Identification of Informative COVID-19 English Tweets) посвящено бинарной классификации по информативности / неинформативности твитов: в работе [33] рассматривается изменчивость тематических обсуждений без привязки к триггеру подобной изменчивости; [18] рассматривают также тренды возможного роста протестной активности вне привязки к причинам подобного поведения, также авторы указывают на недостаточность использования данных только одной социальной сети. Авторы работы [22] уделяют особое внимание различиям в дискурсе отдельных социальных групп вне их взаимосвязи. Влияние отдельных твитов на информационный поток (также вне привязки к их авторам) рассматривается в статье [14].

Среди наиболее близких работ следует выделить [27] и [31]. Ключевым отличием нашего подхода от первой из перечисленных работ является учет не только тематики, но и модели «мера/высказывание-реакция», а от второй — в том, что мы а) не ограничивали наше исследование двумя правительственными мерами (ношение масок и социальное дистанцирование), а использовали высказывания политических деятелей / государственных институтов, б) применяли более широкий набор потенциальных реакций.

Заключение

1. Разработана трехфакторная система классификации текстов и комментариев на основе сочетания коммуникационной модели кодирования / декодирования текстов С. Холла, теории функциональных подсистем Н. Лумана, классификации коммуникативных стратегий.

2. При помощи инструментов автоматического извлечения данных сформирован массив кодированных текстов о государственных мерах по управлению последствиями пандемии коронавируса COVID-19, выделены темы и стратегии обоснования, используемые при комментировании текстов (организующая, поисковая, объясняющая, позиционирующая, оценивающая, содействующая, дискредитирующая).

3. Разработана система критериев для определения кода функциональных подсистем, используемого для обоснования и интерпретации текстов (на основе бинарных кодов, выражающих логику подсистем экономики, политики, права, науки, искусства, религии, масс-медиа, образования, здравоохранения), составлен классифицированный обучающий массив текстов и комментариев к ним для нейронной сети.

4. Разработана сверточная нейронная сеть, определяющая применяемые в ходе интерпретации текстов режимы декодирования текстов.

5. Классифицированы коммуникативные стратегии, применяемые в ходе риск-коммуникации при интерпретации государственных мер по управлению последствиями пандемии коронавируса COVID-19 (с точки зрения позиции субъекта декодирования и применяемого кода второго порядка), выявлены основные дисфункциональные убеждения, лежащие в основе оппозиционных стратегий декодирования, а также подкрепляющие их когнитивные искажения.

6. По итогам построения нейронной сети и ее обучения получен инструмент для анализа социальных сетей на предмет реакции пользователей на принятые в связи с пандемией меры. После завершения вторичного анализа полного массива данных, финализации обучения и повышения точности классификации нейросеть с определенной вероятностью по тексту сообщения позволит определить возможную реакцию пользователей на меры, принимаемые властями по борьбе с пандемией, а впоследствии — прогнозировать возможную реакцию пользователей и на другие действия властей.

В дальнейшем также планируется проведение дополнительного анализа тех постов в социальных сетях, на которые реакция пользователей была негативной, и выделение облака ключевых слов, которые повлияли на реакцию пользователей, что позволит в дальнейшем корректировать тексты для минимизации негативной реакции пользователей.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31444 «Стратегии риск-коммуникации онлайн: интерпретация государственных мер регулирования кризиса (на примере пандемии COVID-19)».

Список литературы

1. Бодрунова С.С., Литвиненко А.А. Hybridization of the media system in Russia: technological and political aspects // World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies. 2013. №3. P. 37–49.
2. Володенков С.В. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий как фактор формирования парадигмы общества сетевых коммуникаций // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2016. №2. С. 21–34.
3. Володенков С.В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2, №3. С. 1–8.
4. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей интернет-коммуникаций // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2009. №12. С. 48–56.
5. Радина Н.К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. №2. С. 115–129.
6. Толкунов А.А. Модель оперативной аналитической обработки текстовых комментариев к законопроектам. Орел, 2014.

7. Усманова З. Р. Основные направления кристаллизации социально-политических представлений российских граждан в интернет-сообществах // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 8, №5 (35). С. 42–51.
8. Фидря Е. С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. №4. С. 40–56
9. Шубрт И. Никлас Луман: проблема коммуникации в рамках функционально-дифференцированного общества // Социологические исследования. 2013. №1. С. 5–15.
10. Шубрт И. Теория систем и символически генерализованные коммуникационные медиа // Коммуникология. 2019. Т. 7, №1. С. 21–31.
11. Brown P. Trusting in the New NHS: instrumental versus communicative action // *Sociology of Health & Illness*. 2008. Vol. 30, №3. P. 349–363.
12. Castleberry G. Understanding Stuart Hall's 'Encoding/Decoding' Through AMC's *Breaking Bad* // *Communication Theory and Millennial Popular Culture: Essays and Applications* / ed. K.G. Roberts. N. Y., 2015. P. 84–95.
13. Collins E. et al. LIDA: Lightweight Interactive Dialogue Annotator // *Proceedings of the 2019 EMNLP and the 9th IJCNLP (System Demonstrations)*. Hong Kong, 2019. P. 121–126.
14. Ermakova L. et al. Covid or not Covid? Topic Shift in Information Cascades on Twitter // *Proceedings of the 3rd International Workshop on Rumours and Deception in Social Media (RDSM)*. Barcelona, 2020. P. 32–37.
15. Gilmartin E. et al. The ADELE Corpus of Dyadic Social Text Conversations: Dialog Act Annotation with ISO 24617-2 // *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018)*. Miyazaki, 2018. P. 4016–4022.
16. Hall S. [1973]. *Encoding, Decoding. – Culture, Media, Language [1973]* // *Working Papers in Cultural Studies, 1972–1979*. L., 1980. P. 128–138.
17. *Handbook of Linguistic Annotation* / ed. by N. Ide J. Pustejovsky. Dordrecht, 2017.
18. Johannßen D., Biemann Chr. Social Media Unrest Prediction during the COVID-19 Pandemic: Neural Implicit Motive Pattern Recognition as Psychometric Signs of Severe Crises // *Proceedings of the Third Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotion's in Social Media*. Barcelona, 2020. P. 74–86.
19. Liu B. *Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions*. N. Y., 2015.
20. Lungen H., Herzberg L. Types and annotation of reply relations in computer-mediated communication // *European Journal of Applied Linguistics*. 2019. Vol. 7, №2. P. 305–331.
21. Lupton D. *Risk*. N. Y., 2013.
22. Marinov B. et al. Topic and Emotion Development among Dutch COVID-19 Twitter Communities in the early Pandemic // *Proceedings of the Third Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotion's in Social Media*. Barcelona, 2020. P. 87–98.
23. Morgner C. Trust and Society: Suggestions for Further Development of Niklas Luhmann's Theory of Trust // *Canadian Review of Sociology / Revue canadienne de sociologie*. 2018. Vol. 55, №2. P. 232–256.
24. Pontiki M. et al. SemEval-2016 Task 5: Aspect Based Sentiment Analysis // *Proceedings of the 10th International Workshop on Semantic Evaluation (SemEval-2016)*. San Diego, 2016. P. 19–30.

25. Ross S. The Encoding/Decoding Model Revisited. – International Communication Association Conference. Boston, 2011.
26. Roth E., Schutz A. Ten Systems: Toward a Canon of Function Systems // Cybernetics and Human Knowing. 2015. Vol. 22, №4. P. 11–31.
27. Shin M. et al. A Risk Communication Event Detection Model via Contrastive Learning // Proceedings of the 3rd NLP4IF Workshop on NLP for Internet Freedom: Censorship, Disinformation, and Propaganda. Barcelona, 2020. P. 39–43.
28. Social theories of risk and uncertainty: an introduction / ed. by J. Zinn. Oxford, 2008.
29. Stones R. Social theory and current affairs: a framework for intellectual engagement // British Journal of Sociology. 2014. Vol. 65, №2. P. 293–316.
30. Stowe K. et al. Developing and Evaluating Annotation Procedures for Twitter Data during Hazard Events // Proceedings of the Joint Workshop on Linguistic Annotation, Multiword Expressions and Constructions (LAW-MWE-CxG-2018). Santa Fe, 2018. P. 133–143.
31. Wang Sh. et al. Public Sentiment on Governmental COVID-19 Measures in Dutch Social Media // Proceedings of the 1st Workshop on NLP for COVID-19 (Part 2) at EMNLP 2020. URL: <https://aclanthology.org/2020.nlpCOVID19-2.17> (дата обращения: 01.04.2021).
32. Wu S., Bergman T. An active, resistant audience – but in whose interest? Online discussions on Chinese TV dramas as maintaining dominant ideology // Participations. 2019. Vol. 16, № 1. P. 107–129.
33. Zamani M. et al. Understanding Weekly COVID-19 Concerns through Dynamic Content-Specific LDA Topic Modeling // Proceedings of the Fourth Workshop on Natural Language Processing and Computational Social Science. URL: <https://aclanthology.org/2020.nlpCSS-1.21.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
34. Zarisheva E., Scheffler T. Dialog Act Annotation for Twitter Conversations // Proceedings of the SIGDIAL 2015 Conference. Prague, 2015. P. 114–123.

Об авторах

Ефим Сергеевич Фидря – канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: efim.fidrya@gmail.com

Александр Николаевич Данилин – канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ADanilin@kantiana.ru

Сергей Юрьевич Куликов – канд. филол. наук, ведущий специалист, АО «Ай-Теко», Россия.

E-mail: serega-koulikov@yandex.ru

Михаил Игоревич Кришталь – канд. геогр. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

The authors

Dr Efim S. Fidrya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: efim.fidrya@gmail.com

Dr Alexander N. Danilin, Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ADanilin@kantiana.ru

Dr Sergei Y. Koulikov, Leading Specialist, AO "I-Teco", Russia.

E-mail: serega-koulikov@yandex.ru

Dr Mikhail I. Krishtal, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

РЕЦЕНЗИИ

И. Н. Тарасов

Рец. на книгу: *Żęgota K. Obwód kaliningradzki Federacji Rosyjskiej a bezpieczeństwo międzynarodowe Europy Środkowo-Wschodniej. Między geopolityką a konstruktywizmem. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe FNCE, INP UWM, 2021. — 533 s.*

Поступила в редакцию 10.08.2021 г.

111

Монография «Калининградская область Российской Федерации и международная безопасность Центрально-Восточной Европы. Между геополитикой и конструктивизмом» подготовлена доктором Кшиштофом Женготой, адъюнктом института политических наук Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне. Автор свободно владеет русским языком. Он известен научному сообществу России как высококвалифицированный специалист по проблемам трансграничного сотрудничества — в частности, по его публикациям на русском языке, учитываемым Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) и Scopus [1–3].

На рецензирование была представлена монография в виде завершённой рукописи, основная часть которой подготовлена на польском языке. Кроме того, текст снабжен оглавлением и кратким резюме на английском и русском языках. Монография содержит шесть разделов (глав) и насчитывает в общей сложности более 50 структурных единиц. Издание сопровождается иллюстративным материалом — четырьмя рисунками и тремя таблицами.

Конец второго десятилетия XXI в. для Центрально-Восточной Европы прежде всего ассоциируется с тридцатилетними юбилеями трансформаций экономической и политической жизни и произошедшей за эти годы адаптации к евроатлантической модели обеспечения безопасности. Экономические показатели региона свидетельствуют о том, что за годы подготовки к членству в ЕС и самой интеграции он смог приблизиться к ведущим странам и регионам Европы по ряду инфраструктурных показателей и превратился в неотъемлемое звено общего рынка Евросоюза. Вишеградская группа стала седьмой экономикой Европы и пятнадцатой — мира (2019 г.). Судя по новому повороту в политике стран региона, сбалансированный возврат к национальным интересам в области политики безопасности продолжает способствовать повышению показателей стран Центрально-Восточной Европы, в частности Вишеградской четверки. Особенно впечатляют успехи Польши, сумевшей воспользоваться приоритетностью в получении средств из фондов ЕС на фоне экономического кризиса рубежа первого десятилетия XXI в., когда на ее долю приходилась почти шестая часть всех выделяемых средств.

© Тарасов И. Н., 2021

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.
Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 111 – 114.

В это же время европейский ареал постсоветского пространства переживал и продолжает переживать сложные времена социально-экономических и геополитических потрясений, открытых этнополитических и скрытых внутриэлитных конфликтов. Достаточно взглянуть на многострадальную судьбу украинской государственности. На этом фоне состояние международных отношений в Балтийском регионе отличается относительной стабильностью. Неслучайно обращение к проблемам геополитического баланса в этом регионе Европы. Здесь Калининградская область привлекает особое внимание исследователей как в России, так и за ее пределами. Хотя считается, что геополитическая ситуация вокруг Калининградской области существенным образом изменилась с 2014 г., на самом деле она стала меняться значительно раньше. Ключевыми событиями следует признать расширение двух блоков — политико-экономического (Европейского союза в 2004 г.) и военно-политического (НАТО в 1999 и 2004 гг.). Парадокс безопасности вокруг Калининградской области заключается в том, что, с одной стороны, Балтийский регион, включая его посткоммунистическую и постсоветскую части, — один из самых стабильных и благополучных регионов в сегодняшней Европе. С другой — именно этот регион в силу его непосредственной близости к российским границам может легко превратиться в передовую линию возможной конфронтации России и НАТО. Учитывая множественные контексты и дискурсы безопасности, монография доктора К. Женготы раскрывает актуальную для политической науки тему и без сомнения вносит существенный вклад в осмысление проблем безопасности в Центрально-Восточной Европе и Балтийском регионе.

Автор построил изложение исследовательского материала, основываясь на широкой трактовке понятия «Центрально-Восточная Европа» (s. 128–133). Обсуждение проблем определения понятия выполнено добросовестно и последовательно. В контексте проблем безопасности оно выбрано обоснованно, поскольку Калининградская область, хотя и «сдвинута» на периферию региона, «замыкает» собой контур геополитического притяжения Центральной и Восточной Европы с Балтийским регионом.

Если вывести за скобки неприятие исследователем российского взгляда на трактовку международно-политического статуса Крыма и Севастополя, оценка вклада России в укрепление основ международной безопасности отвечает принципам объективности и научности. Доктор К. Женгота настойчиво применяет понятия «аннексия» (s. 17, 141, 159, 160, 189, 258, 279, 296, 313, 319, 325, 348, 351, 367, 371, 386, 397, 417) и «присоединение» (s. 134, 310, 430, 437). Тогда как в российском политическом дискурсе сложилось иное устойчивое определение — «воссоединение Крыма и Севастополя с Россией» как справедливого и добровольного акта самоопределения народа. При этом содержание рецензируемой монографии лишено какой-либо так называемой «русофобии» или, наоборот, «русофилии». Авторские оценки сдержанны и корректны.

Содержание монографии отражает широкое и глубокое знание ученым фундаментальных нормативно-правовых актов России, регулирующих отношения в сфере безопасности как в национальном, так и в отраслевом измерении (s. 235 – 239).

Доктор К. Женгота верно указывает на явный акцент политики Российской Федерации на военную безопасность, часто в ущерб иным отраслям безопасности – например, экологической или транспортной (s. 270 – 274, 320 – 326).

Автор продемонстрировал хорошее знание институциональной структуры обеспечения безопасности России и пределов согласования между властными институтами политических решений в сфере безопасности (s. 268 – 289), что говорит о понимании специфики российской политической системы, роли в ней специальных служб и армии.

Основные русскоязычные источники и научная литература нашли адекватное отражение в монографии. Работу отличает квалифицированное использование широкого круга открытых источников и статистических данных.

Одним из важных выводов исследовательской работы является доказательство долговременно возрастающей роли Калининградской области как ареала, формирующего конструкцию международной безопасности в Балтийском регионе наряду со странами – членами НАТО, прежде всего Германией, Польшей и странами Балтии.

В отношении Центрально-Восточной Европы значение Калининградской области не носит выраженного военно-стратегического характера, ее потенциал заключается в эксклюзивности, вынуждающей развивать трансграничное сотрудничество, продвигать региональные проекты совместной хозяйственной деятельности. Речь идет о Польше, Литве и Беларуси, среди других потенциальных партнеров следует выделить страны Вишеградской группы. При этом страны Центрально-Восточной Европы в среднесрочной перспективе вряд ли смогут выступить подлинными конкурентами Германии в качестве торгово-экономического партнера Калининградской области в Балтийском регионе.

В этой связи процесс формирования международных регионов на пространстве Центрально-Восточной Европы продолжится и, хотя бы в силу географических причин, будет включать Калининградскую область России. Конструктивная политика требует функциональных решений безопасности. Важно отметить, что безопасность здесь понимается в широком смысле и не исчерпывается военно-стратегическими аспектами. По мнению автора, в ближайшей перспективе вряд ли могут сформироваться такие геополитические вызовы, которые неизбежно приведут к вооруженному конфликту между Россией и НАТО на Балтике.

Глобальный контекст региональной безопасности показывает принципиальную заинтересованность стран Европейского союза в построении надежных добрососедских отношений в Центрально-Восточной Европе.

Как и всякая большая творческая работа, монография доктора К. Женготы порождает некоторые вопросы и дискуссии. Текст книги содержит

определенные фактографические неточности. В частности, на стр. 189 речь идет о функционировании органов власти Крымского федерального округа, который в действительности был упразднен еще 28 июля 2016 г. Автор явно переоценивает приверженность российских правящих элит принципам правового государства (s. 210–215). Напротив, элиты демонстрируют стремление манипулировать нормами права, пытаются приспособить их для собственных, нередко узкокорыстных интересов. Доктор К. Женгота с большой симпатией относится к Польши (польской диаспоре за рубежом) и, видимо, поэтому невольно преувеличивает значение польского этнолингвистического меньшинства в социально-политической жизни Калининградской области России и в Республике Беларусь (s. 267, 289). По меньшей мере поляки Калининградской области не являются притесняемой группой, испытывающей политическое давление со стороны властей по мотивам обеспечения национальной безопасности.

Изложенное выше дает прочные основания заключить, что монографическое исследование доктора Кшиштофа Женготы «Калининградская область Российской Федерации и международная безопасность Центрально-Восточной Европы. Между геополитикой и конструктивизмом» выполнено на высоком профессиональном уровне, содержит существенные для современной политической науки результаты и решения, позволяет расширить исследовательские горизонты в дальнейшей проработке сложной проблематики региональной безопасности.

Список литературы

1. Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №3. С. 125–141. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-7.
2. Женгота К., Миронюк Д. А. К вопросу истории развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши: программный подход // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 156–179. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-9.
3. Женгота К. Польско-российское соглашение о местном приграничном передвижении в контексте взаимоотношений Европейского Союза и России // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 107–120. doi: 10.5922/2074-9848-2014-3-8.

Об авторе

Илья Николаевич Тарасов — д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ITarasov@kantiana.ru

The author

Dr Ilya N. Tarasov, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: ITarasov@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

116

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.